Н.С. ОГАНЕСЯН

ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

9(И)72
О-36

6945

Оганесян Н.О.

Политика империалистических держав.....

Е., 1980. 2р.55к.

W65 - 17.10.84
W65 1/IV.85

ՀԱՍՀ
ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐՎԵՍՏԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ն. Հ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ

ԻՄՊԵՐԻԱԼԻՍՏԱԿԱՆ ՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՐԱԲԱԿԱՆ ԱՐԵՎԵԼՔՈՒՄ ԵՐԿՐՈՐԴ ՀԱՄԱՇԽԱՐՀԱՅԻՆ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻ ՏԱՐԻՆԵՐԻՆ (1939—1945 ԹԹ.)

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1980

Э(М)42
О-36

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

№ 1529

Н. О. ОГАНЕСЯН

ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939—1945 гг.)

6945

ԳՐԱԴԱՐԱՆ
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1980

9(М)72 индекс ББК 63·3(0)62
О=361

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Е. А. ЛЕБЕДЕВ

Работу рекомендовали к печати рецензенты:
доктор исторических наук
В. А. БАЙБУРТЯН
кандидат исторических наук
Р. П. КОНДАКЧЯН

Оганесян Н. О.
О=361 Политика империалистических держав на Арабском Востоке в годы второй мировой войны: (1939—1945 гг.) Отв. ред. Е. А. Лебедев.—Ер.: Изд-во АН Арм. ССР. 1980—264 с

В монографии рассматриваются основные военно-политические цели Англии, Франции, США, Германии и Италии на Арабском Востоке в годы войны. В отдельных главах освещается политика вышеуказанных империалистических государств в отношении Египта, Ирака, Сирии и Ливана. Раскрываются также межимпериалистические противоречия, отношение различных арабских политических сил к западным странам и т. д.

О $\frac{0506000000}{703(01)-80}$ 26—79

9(М)72
ББК 63·3(0)62

© Издательство АН Армянской ССР, 1980.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одна из характерных черт исторического развития в современную эпоху заключается в усилении роли и значения дипломатии как важного инструмента в деле решения проблем мировой политики и судеб человечества. К ее помощи государства прибегают как в мирное, так и в военное время.

Исторический опыт показывает, что дипломаты, даже в самый разгар ожесточенных войн, не только не прекращают свою деятельность, но и, наоборот, развивают большую активность, подготавливая то или иное политическое решение конфликта. Об этом, в частности, свидетельствует история второй мировой войны.

Вторая мировая война, величайшая трагедия в истории человечества, отличалась не только невиданным до того почти тотальным вовлечением государств и народов нашей планеты в орбиту военных операций и количеством понесенных человеческих жертв, но и исключительной активностью дипломатической деятельности воюющих держав. Судьба мира и вопросы послевоенного переустройства решались параллельно с военными операциями, вдали от линии фронта, в тиши уютных и комфортабельных кабинетов, за закрытыми дверями.

Можно без преувеличения констатировать, что годы второй мировой войны являются одним из самых интересных периодов в истории дипломатии и международных отношений, когда происходили многочисленные встречи в верхах, разного рода конференции и совещания, принимались важные решения, согласовывались политические линии государств противоборствующих коалиций и т. д.

Исследователи всех стран мира давно приступили к изучению истории второй мировой войны. На разных языках опубликован ряд интересных трудов, в том числе и многотомники.

В исследованиях о второй мировой войне, как и надо было ожидать, главное внимание уделено причинам возникновения войны, военным операциям на разных фронтах, проблемам военного потенциала, экономики и внутреннего положения воюющих государств.

На этом общем фоне сравнительно мало изучены вопросы внешней политики великих держав и международных отношений того периода.

Между тем без обстоятельного и всестороннего изучения истории международных отношений за 1939—1945 гг. нельзя составить полную картину истории второй мировой войны.

В годы войны, с точки зрения политических интересов, существовал ряд узловых очагов, на которых было сосредоточено внимание не только военачальников, но и руководителей внешнеполитических ведомств. Таким важным очагом в международной дипломатии в годы второй мировой войны, наряду с европейским, который был самым главным и важным, тихоокеанским, дальневосточным, североафриканским и т. д., явился Ближний и Средний Восток, в частности регион, известный под названием Арабский Восток.

Арабский Восток, хотя и непосредственно не стал театром военных действий, но в силу своего географического и стратегического положения, природных богатств и людских ресурсов представлял арену столкновения интересов, а порою ожесточенной схватки между великими империалистическими державами — Англией, Францией, США, Германией и Италией. В политических планах и повседневной дипломатической деятельности этих держав ему придавалось большое значение.

Между тем, как нам кажется, еще не полностью вскрыто значение и место Арабского Востока в возникновении второй мировой войны, а также в решении ее исхода. Мы ничуть не хотим преувеличить значение этого региона в годы второй мировой войны. Война — в первую очередь результат межимпериалистических противоречий на европейском континенте.

Судьба войны решалась на советско-германском фронте. Героическая Советская Армия под руководством Коммунистической партии Советского Союза в титанической борьбе разгромила фашистские полчища и тем самым избавила человечество от коричневой чумы.

Но вместе с тем мы хотим обратить внимание на тот непреложный факт, что арабский регион сыграл далеко не второстепенную роль в борьбе империалистических держав

за источники сырья и рынки сбыта товаров и вывоза капиталов, что явилось одной из главных причин возникновения войны.

На всем протяжении войны ни одно империалистическое государство — ни Англия, Франция и США и ни Германия и Италия не упускали из виду Ближний и Средний Восток, в том числе и арабские страны.

Из вышеизложенного становится ясным, что каждый шаг в изучении истории международных отношений на Арабском Востоке в 1939—1945 гг. имеет большое научно-политическое значение. Разработка этой проблемы дополнит всестороннее изучение международных отношений в годы второй мировой войны, что, в свою очередь, будет способствовать более полному исследованию истории войны в целом.

Сейчас, когда прошло более 30 лет после окончания войны, создались несравненно более благоприятные условия для изучения кардинальных, порою очень запутанных вопросов международной политики на Арабском Востоке. Этому, в первую очередь, способствовало опубликование официальных документов и материалов СССР, Англии, США, Франции, Германии и Италии периода 1939—1945 гг., мемуары крупных государственных и политических деятелей, военачальников и дипломатов. Они являются ценными источниками в руках исследователя, дающими возможность подвергнуть глубокому анализу кардинальные вопросы политики великих империалистических держав на Арабском Востоке.

Кроме того, давно улеглись страсти, связанные с войной, и сейчас можно, опираясь на первоисточники, беспристрастно и объективно подойти к изучению международных отношений на Арабском Востоке, в частности к освещению тех вопросов, которые были запутаны буржуазными историками.

Целью настоящего исследования является изучение основных направлений политики Англии, Франции, США, Германии и Италии в отношении Египта, Ирака, Сирии и Ливана. Главное внимание уделено освещению военно-политических планов империалистических государств на Арабском Востоке. Что касается экономических вопросов, то они затрагиваются постольку, поскольку это необходимо в связи с конкретным анализом материала и для выявления причин того или иного акта правительств западных держав.

Круг государств, подлежащих изучению, ограничен следующими арабскими странами: Египтом, Ираком, Сирией и Ливаном, так как они играли самую видную роль в общеараб-

ской жизни, пользовались большим влиянием в арабском мире и занимали центральное место в политических планах и дипломатических усилиях Англии, Франции, США, Германии и Италии.

Параллельно с освещением главных политических целей каждой из этих западных держав в работе показаны межимпериалистические противоречия на Арабском Востоке. При этом раскрыты противоречия не только между двумя воюющими блоками, между Англией, Францией и США, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой, но и внутри каждого блока, т. е. противоречия, существовавшие, скажем, между США и Англией, Англией и Францией или Германией и Италией.

Освещение политики великих империалистических держав на Арабском Востоке в годы второй мировой войны поможет более глубокому изучению истории арабских стран того периода. В работе, в необходимых случаях, показывается позиция правительств или влиятельных политических сил этих стран в отношении политики западных держав, оказывавших определенное влияние на внутреннюю жизнь Египта, Ирака, Сирии и Ливана.

Помимо этого, разработка данной проблемы облегчит правильное понимание послевоенной международной ситуации, сложившейся на Арабском Востоке, в частности причины ослабления позиций Англии и Франции и усиления влияния США, т. е. причины перегруппировки и новой расстановки сил в этом важном регионе.

Желаем обратить внимание читателя еще на одно важное обстоятельство. В работе большое место уделено освещению политики США. Это объясняется тем, что, во-первых, политика США на Арабском Востоке изучена сравнительно слабо. Во-вторых, уже опубликованы многотомники документов внешней политики США, в которых содержится богатый материал об интересующих нас странах, позволяющий рассмотреть широкий круг вопросов внешней политики США в отношении этих стран и фактически впервые дать историю дипломатической деятельности американского империализма на Арабском Востоке в годы второй мировой войны. В-третьих, ряд буржуазных авторов, в частности американских, придерживаются того мнения, что в годы второй мировой войны США не преследовали определенных политических и экономических целей на Арабском Востоке, и интерес к арабским странам появился у них лишь после второй мировой войны. «Теоретической» базой этих антинаучных взглядов являются концепции об «антиимпериалисти-

ческом» и «антиколониальном» характере внешней политики США.

Подавляющее большинство американских буржуазных исследователей безоговорочно взяло на вооружение эту, не соответствующую истине, концепцию. Они признают империализм и колониализм британской и французской, а также германской и итальянской политики, некоторые из них даже подвергают резкой критике эту политику, но считают, что империализм и колониализм органически чужды политике США. Более того, американские авторы пытаются доказать, что США всегда выступали за «свободу» и «независимость» колониальных народов, в том числе и арабских.

Разоблачение этого мифа, как нам представляется, имеет актуальное научное и политическое значение.

Работа написана на основе многочисленных источников, среди которых самыми важными являются различные документы, касающиеся политики империалистических держав. Очень ценный материал содержится в американском официальном издании «Документы американской внешней политики»[1]. В пяти томах, охватывающих весь период второй мировой войны, собраны основные официальные документы правительства США по арабскому вопросу — декларации, заявления, соглашения и т. д. В это серийное издание включены и некоторые важные английские и французские документы, касающиеся Арабского Востока, которые еще не опубликованы Англией и Францией.

Другой важный источник — серийный выпуск «Внешняя политика США. Дипломатические материалы»[2]. Здесь, в соответствующих томах, собрана главным образом дипломатическая переписка государственного департамента США со своими дипломатическими представителями в Багдаде, Каире, Бейруте, Лондоне и Алжире, донесения последних, меморандумы, циркуляры, записи бесед в государственном департаменте, тексты переговоров между представителями США, Англии и Франции, между США и государственными или политическими деятелями арабских стран и другие материалы. Они содержат ценную информацию о различных аспектах внешней политики США на Арабском Востоке, помогают составить некоторое представление о внутренней кухне американской дипломатии и об эволюции в подходе империалистических держав к тому или иному вопросу и т. д.

---

[1] „Documents on American Foreign Relations".

[2] „Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers".

По своему характеру к вышеуказанным публикациям, примыкает многотомник материалов и посланий президента США Франклина Делано Рузвельта[3]. Во всех томах посланий Рузвельта включены материалы, позволяющие понять суть американской политики в колониальном вопросе, причины, побудившие США объединиться во второй мировой войне не с Германией и Италией, а выступить на стороне Англии и вместе с СССР составить антигитлеровскую коалицию. Эти материалы помогают также вскрыть истинные намерения американского империализма в отношении арабских стран в годы второй мировой войны.

Исключительно ценным является серия «Документов внешней политики Германии»[4]. Интересующая нас серия «Д» состоит из 13 больших томов, куда включены все основные документы внешней политики Германии, частично и Италии, благодаря чему сейчас можно составить полную и верную картину империалистических устремлений держав оси в отношении арабских стран.

Мы широко использовали также официальные английские и французские документы, изданные как отдельно, так и в различных сборниках документов[5]. Они очень ценны для вскрытия империалистической сущности политики двух старейших колониальных держав на Арабском Востоке и глубоких противоречий, существовавших между ними.

Важное значение имеют официальные советские документы и материалы, как «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», «СССР и арабские страны: 1917—1960. Документы и материалы», «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Англии», «Тегеран—Ялта—Потсдам. Сборник документов» и др. Документы и материалы, содержащиеся в них, ясно показывают, что Советский Союз был единственной великой державой, которая не на словах, а на деле выступала в за-

---

[3] „The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt".

[4] „Documents of German Foreign Policy (1918—1945), Saries D. (1937—1945)".

[5] Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record 1914—1956", vol. 2, New York, 1956; „Documents on International Affairs. 1939—1946", vol. 1—2, London; „Statement on Policy by His Majesty's Government in the United Kingdom in Respect of Syria and Lebanon. 8 th June— 9 th September 1941", London, 1945; „Onwards to Victory. War Speeches by the Right Hon. Winston Churchill, 1943", London, 1944 и др.

щиту независимости арабских стран и проводила в отношении к ним ленинскую политику равноправия и признания права каждой нации на самостоятельное государственное существование.

Как первоисточник, использованный при изложении настоящего исследования, надо отметить и материалы Центрального Государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР СССР). Среди них — правительственные декларации, соглашения, сообщения корреспондентов различных газет и агентств прессы. Особенно надо подчеркнуть ценность материалов, проливающих свет на межимпериалистические противоречия на Арабском Востоке, проникновение и усиление влияния США в арабских странах, позицию арабских стран и арабских политических сил в отношении американского империализма и т. д.

В необходимых случаях мы пользовались работами советских, арабских, западноевропейских и американских авторов.

Как было отмечено, нет специальных работ, посвященных целиком проблеме политики империалистических держав на Арабском Востоке в годы второй мировой войны. Но имеются работы, опубликованные в западных странах, где либо рассматривается общее положение на Арабском Востоке, либо излагается история отдельных арабских стран. К их числу принадлежат работы Дж. Кирка[6], Дж. Ленцовского[7], Р. Буларда[8], К. Рузвельта[9], С. Лонгрига[10], Ж. Бенуа-Мешина[11], Р. Феддена[12], М. Винсента[13], М. Каплэна[14] и др.

Такой же характер носят работы арабских авторов —

---

[6] *G. Kirk*, The Middle East in the War, London, 1954.

[7] *G. Lenczowski*, The Middle East in World Affairs, New York, 1957.

[8] *R. Bullard*, Britain and the Middle East from the Earliest Times to 1950, London, 1951.

[9] *K. Roosevelt*, Arabs, Oil and History. The story of the Middle East, New York, 1949.

[10] *S. Longrigg*, Iraq 1900 to 1950, London, 1956.

[11] J. *Benois-Mechin*, Arabian Destiny, London, 1957.

[12] *R. Fedden*, Syria A. Historical Appreciation, London, 1956.

[13] *M. Vincent*, Les Arabes, Paris, 1959.

[14] *M. Caplain*, Le Moyen-Orient, Paris, 1956.

Наджиба ал-Арманази[15], Маджида Хаддури[16], Абд ал-Раззака ал-Хасани[17], Альберта Хаурани[18], Никола Зиадеха[19], Жоржа Хаддада[20], Филиппа Хитти[21] и т. д. Однако работы указанных авторов написаны с позиций антиимпериализма и содержат богатый материал о политике правительств арабских стран в отношении западных держав. Сказанное относится, в первую очередь, к работам ал-Хасани, ал-Арманази, Усмана Камаля Хаддада, Мунира Так ад-Дина, Амина Саида и др.

В нашей стране опубликован ряд обобщающих трудов о Великой Отечественной войне, где вкратце и в общих чертах освещаются некоторые аспекты международного положения на Арабском Востоке.

Некоторые вопросы международной политики в указанном районе затрагиваются также в работах советских исследователей, посвященных истории, главным образом, национально-освободительным движениям в отдельных арабских странах. Но, как правило, эти вопросы освещены очень кратко и в общих чертах.

Таким образом, настоящее исследование является первой попыткой специально осветить международные отношения на Арабском Востоке в годы второй мировой войны. Насколько удалось автору справиться с поставленной перед ним задачей — судить читателю.

---

[15] نجيب الارمنازى محاضرات عن سوريا من الاحتلال حتى الجلاء القاهره ١٩٥٤

[16] *Majid Khadduri*, The Independent Iraq. A study in Iraqi Politics from 1932 to 1958, London, 1960.

[17] عبدالرزاق الحسنى تاريخ العراق السياسى الحديث ج ١-٣ صيدا

[18] *A. Hourani*, Syria and Lebanon, London, 1946.

[19] *N. Ziadeh*, Syria and Lebanon, 1959.

[20] *G. Haddad*, Fifty years of Modern Syria and Lebanon, Beirut, 1950.

[21] *Ph. Hitti*, History of Syria including Lebanon and Palestine, London, 1951.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ ПОЛИТИКИ АНГЛИИ, ФРАНЦИИ, США, ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ

В начале второй мировой войны в статусе арабских стран не произошло никаких изменений. Арабский Восток фактически был разделен между двумя крупнейшими колониальными державами — Англией и Францией, которые договорились о разделе арабских стран еще во время первой мировой войны, в 1916 г., когда между ними было заключено так называемое «Соглашение Сайкс-Пико».

Подавляющее большинство стран Арабского Востока находилось в той или иной форме под английским господством. Английскими подмандатными территориями являлись Палестина и Трансиордания. Хотя Англия в 1922 г. отказалась от протектората над Египтом, а в 1932 г. — от иракского мандата и признала независимость Египта и Ирака, но эта независимость была фиктивной.

Английские колонизаторы навязали в 1930 г. Ираку, а в 1936 г. — Египту неравноправные договоры. В сфере английского господства находились также арабские территории, расположенные в районе Персидского залива и в южной части Аравийского полуострова. Значительным было английское влияние также в Саудовской Аравии.

Что касается двух арабских стран — Сирии и Ливана, которые играли важную роль в истории арабских народов, то они были подмандатными территориями Франции.

Арабскому Востоку всегда принадлежало одно из центральных мест в мировой политике. Занимая важное географическое и стратегическое положение и находясь, с одной стороны, на стыке африканского и азиатского континентов и, с другой — на очень близком расстоянии от европейского континента, он является узловым центром мировых воздушных, водных и наземных коммуникаций. Через торрито-

рию Египта проходит важнейшая международная артерия— Суэцкий канал.

Арабский Восток богат полезными ископаемыми. Среди них главным является нефть. Арабская нефть всегда имела большую притягательную силу, и задолго до первой мировой войны и после нее была предметом ожесточенных схваток между английскими, американскими, немецкими и французскими монополистическими объединениями. Здесь сосредоточено в большом количестве также сельскохозяйственное сырье — хлопок, зерновые, цитрусовые, фрукты и т. д.

Арабский Восток был емким рынком сбыта и выгодной сферой приложения капитала для западных держав.

Тот, кто имел преобладающие позиции на Арабском Востоке, мог не только обеспечить выкачивание высоких прибылей, но и приобрести колоссальное политическое влияние как на всем Ближнем и Среднем Востоке, так и в значительной части Азии и Африки.

Это обстоятельство прекрасно понимали теоретики и стратеги западных держав. Каждая из них стремилась вытеснить своих конкурентов и установить свое господство на Арабском Востоке. Борьба здесь обострялась периодически, вызывая глубокие политические кризисы.

Арабский Восток вновь стал ареной ожесточенной борьбы в 1939—1945 гг. На этот раз главными участниками большой игры были Англия, Франция, США, Германия и Италия.

* * *

Из всех империалистических держав самые сильные военно-политические и экономические позиции на Арабском Востоке имела Англия.

Вторая мировая война, как известно, началась между двумя империалистическими группировками — англо-французской и германо-итальянской. Англия, как и Франция и США несут прямую ответственность за возникновение войны. Их политика соглашательства и поддакивания агрессору, позорные сделки в духе Мюнхенского соглашения, отказ от искреннего сотрудничества с СССР и попытка направить германскую агрессию в первую очередь против Советского Союза — все это в конце концов обернулось против них. Война началась не на Востоке, а на Западе.

В первые годы войны Англия находилась в исключительно тяжелом положении. Одной из многочисленных ее забот было сохранение в неприкосновенности своих колониальных владений, в том числе и на Арабском Востоке. Этому

вопросу английское правительство придавало столь большое значение, что в 1940 г. решило, рискуя ослабить оборону британских островов, послать дополнительные военные силы на Ближний Восток для его защиты от германо-итальянского нападения. Известный английский историк Арнольд Тойнби, называя это решение английского правительства «героическим актом», особо выделяет роль премьер-министра Англии Уинстона Черчилля. «Его решение, — пишет А. Тойнби в предисловии к книге Дж. Кирка «Ближний Восток в войне», — объявленное 5 сентября 1940 г., послать сильное подкрепление из Великобритании английским войскам на Ближнем Востоке, было героическим актом, достойным сравнения с решением Римского сената в 211 г. до н. э. об усилении римских войск в Испании, когда Ганнибал находился у ворот самого Рима»[1].

И действительно, Черчилль и вся правящая верхушка Англии делали все, казалось даже невозможное, чтобы британские владения не откололись от метрополии и не попали под чужое господство, будь то врагов или союзников. Правительство Великобритании в годы войны неоднократно публично заявляло о своем твердом решении не допускать никаких изменений в статусе своих колоний. В одной из своих бесед с президентом США Ф. Рузвельтом У. Черчилль заявил, что «он стал премьер-министром Его Величества не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи»[2]. И далее добавил, что «Англия ни на минуту не намерена отказаться от своего преимущественного положения»[3].

Английский премьер-министр не изменил своим взглядам и после подписания так называемой Атлантической хартии в 1941 г., третий пункт которой требовал предоставления независимости бывшим колониям.

В марте 1943 г. в английской палате общин начались дебаты по вопросу о дальнейшей судьбе английских колоний. Поводом для дебатов послужило заявление английского государственного секретаря по колониям полковника Оливера Стейнли о том, что «ответственность за правление

---

[1] *Arnold Toynbee,* Introduction-G. Kirk, The Middle East in the War, London, 1954, p. 1—2.

[2] *Эллиот Рузвельт,* Его глазами, пер. с англ., М., 1947, стр. 41.

[3] Там же, стр. 51.

британскими колониями будет продолжать нести только Великобритания»[4].

В связи с этим в палате общин был задан вопрос Черчиллю о том, насколько высказывание государственного секретаря Англии о колониях и о будущем развития британской империи выражает официальную точку зрения правительства. Премьер-министр в своем ответе полностью поддержал Оливера Стейнли, еще раз подчеркнув, что правительство его величества убеждено, что за правление колониями должна продолжать нести ответственность только Англия[5]. Черчилль добавил, что его правительство будет способствовать политическому, экономическому и социальному развитию колоний, но «в рамках Британской империи»[6].

Заявления как О. Стейнли, так и У. Черчилля находились в явном противоречии с тремя пунктами Атлантической хартии. На это обращает внимание Черчилля один из членов английского парламента, спросив его, продолжает ли премьер-министр поддерживать принципы Атлантической хартии. Черчилль, ничуть не смутясь, ответил ему: «Да, конечно»[7].

У. Черчилль был настолько ревностным поборником британской колониальной империи, что решительно выступал против тех, кто предлагал вместо слова «империя» использовать «содружество». На одном из собраний, состоявшемся 30 июня 1943 г. в Лондоне, Черчиль заявил: «Некоторые любят слово содружество (Commonwealth), другие, и я один из них, не стыдятся слова империя»[8].

Английские правящие круги пытались доказать, что сохранение британской колониальной империи служит интересам самих колоний и даже всего человечества. Эту колонизаторскую точку зрения ярче всего выразил в одном из своих выступлений британский государственный министр на Ближнем Востоке лорд Кейзи 15 февраля 1943 г.[9] Он указывал, что англичане и американцы не знают как следует друг друга и это дает повод для взаимной критики. В чис-

---

[4] „Onwards to Victory. War Speeches by the Right Hon. Winston S. Churchill. 1943", Compiled by Charles Eade, London, 1944, p. 59.

[5] Там же, стр. 58.

[6] Там же, стр. 58—59.

[7] Там же, стр. 59.

[8] Там же, стр. 124.

[9] Первым государственным министром был Оливер Литтлтон, (1941—1942 гг.), которого заменил Кейзи в мае 1942 г. и находился на этом посту до января 1944 г.

ле вопросов, вызывающих критику со стороны США в адрес Англии, по признанию лорда Кейзи, была колониальная политика Англии. Задав риторический вопрос — много ли американцев действительно знакомы с колониальной политикой Англии, Кейзи отвечает: «Мое мнение таково, что в колониях проводится большая работа, полезная не только для Англии, но и для самих колоний»[10]. Далее Кейзи в своем выступлении пытается без какого-либо аргумента доказать «неколониальный» характер британской колониальной политики и оправдать необходимость сохранения британской колониальной империи.

«Наша колониальная политика, — заявил лорд Кейзи,— это не политика эксплуататоров. Мы в течение многих лет стараемся продвинуть наши колонии вперед по пути их развития с тем, чтобы приблизить их к самостоятельной жизни. Очень многие из наших колоний не приносят нам никакого дохода. Американцев очень смущает само слово «империя». Оно кажется им слишком мрачным. Но я должен сказать, что нет никакого объединения народов в мире, где бы главный его член требовал так мало от своих партнеров и давал бы им так много. Иногда забывают о том, что именно Англия была инициатором идеи о воспитании народов для самостоятельного правления с тем, чтобы они могли получить правление в свои руки, как только они созреют для этого. Именно таким путем Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка стали государствами с самостоятельным правлением. Короче говоря, я уверен, как я заявил при своем посещении США, в том, что существование британской империи полезно для Англии и еще более полезно для всего мира»[11].

Да простит нас читатель за столь пространное цитирование. Мы вынуждены были прибегнуть к этому, потому что апологетика британской империи здесь достигает своего апогея. Только страстное желание любой ценой оправдать существование британской империи и абсолютное пренебрежение фактами могли довести Кейзи до такого абсурда.

Ясно, что Кейзи сознательно искажал факты. Всем известно, и это не нуждается в доказательстве, что Англия славилась самой жестокой и бесчеловечной эксплуатацией своих колоний, фактически принимавшей форму грабежа, в том числе и на Арабском Востоке. Колонизаторская полити-

---

[10] Выступление Кейзи — английского министра на Ближнем Востоке — ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1261, л. 15.

[11] Там же.

6945

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ БИБЛИОТЕКА

ка Англии задержала экономическое развитие колоний, входящих в состав британской империи, обрекая их народы на нищету и полное бесправие. Кейзи прав в одном, действительно, «существование британской империи полезно для Англии». Но когда он пытается убедить, что ее существование «еще более полезно для всего мира», то тут он в самой неприкрытой форме выступает в роли рьяного защитника интересов британских колонизаторов и их гегемонистических устремлений. Интересы всего мира требовали не сохранения, а, наоборот, крушения как британской империи, так и всей колониальной системы империализма.

Кейзи, как было отмечено, занимал очень высокий пост британского государственного министра на Ближнем Востоке. Он был включен в состав также военного кабинета Черчилля. Следовательно, его толкование о «полезности» сохранения британской империи мы вправе рассматривать как официальную политику Англии. Мы тем более имеем основание для такого заключения, что все положения речи Кейзи полностью созвучны с вышеприведенными высказываниями руководителя военного кабинета Англии сэра Уинстона Черчилля.

Кейзи, как государственный министр, нес всю ответственность за политику Англии на Ближнем Востоке, в том числе во всех арабских странах, расположенных на Востоке. Он был наделен широкими полномочиями и все военные и гражданские власти на Ближнем Востоке подчинялись ему. Вся политика Англии на Ближнем Востоке проводилась под его личным руководством. Его власть распространялась также на Сирию и Ливан. Резиденция британского государственного министра на Ближнем Востоке находилась в Каире.

Ознакомление с текстом выступления Кейзи дает ключ к пониманию политики Англии на Арабском Востоке в годы второй мировой войны, а также причин англо-американских противоречий, о которых говорит и сам Кейзи.

Основные цели, которые преследовало английское правительство на Арабском Востоке в 1939—1945 гг., сводились к следующему.

Во-первых, сохранить полностью английские владения, не допустив никаких изменений в статусе арабских стран. Исходя из этого постулата, британские колонизаторы подавляли всякие попытки арабских народов освободиться от британского господства и завоевать политическую независимость. Так, в мае 1941 г. они жестоко расправились с иракскими патриотами во время тридцатидневной войны между иракской и английской армиями.

С такой же решительностью они действовали в Египте, в частности в феврале 1942 г., когда в ультимативной форме потребовали от египетского короля либо подчиниться воле Великобритании, либо отречься. Египетский король и его окружение вынуждены были отступить.

Во-вторых, не допустить завоевания какой бы то ни было части британской империи фашистской Германией и Италией. Данная задача, будучи глобальной, приобретала особое значение применительно к странам Арабского Востока, имея в виду их географическое расположение и стратегическую, политическую и экономическую роль. Вот почему Англия, придавая исключительное значение обороне всего Ближнего Востока, сосредоточила там значительную часть своих вооруженных сил и делала все, чтобы не допустить не только завоевание арабских стран Германией и Италией, но и их политическое и экономическое проникновение в этот важный регион мира.

В-третьих, Англия не ограничилась политикой сохранения статус-кво на Арабском Востоке. Она, в частности после 1941 г., стремилась расширить свое влияние здесь за счет интересов Франции, которая потерпела полное фиаско еще в начале второй мировой войны. Англия хотела оторвать Сирию и Ливан от Франции и под маской включения их в арабскую федерацию самой укрепиться в странах Леванта. Правящие круги Англии лелеяли надежду превратить Арабский Восток в свою безраздельную вотчину. Они не могли примириться с мыслью, что в Сирии и Ливане может обосноваться какое-либо другое государство. Об этом английское правительство ясно заявило 1 июля 1940 г., после заключения перемирия между Германией и Францией 22 июня 1940 г. В декларации английского правительства отмечалось, что прекращение военных действий между Францией и Германией не означает, что если Германия или Италия попытаются оккупировать Сирию и Ливан, то со стороны французских войск не будет предпринято никакой попытки воспротивиться этому[12]. Далее в декларации говорилось: что британское правительство, чтобы не оставить сомнений в тех или иных кругах, «заявляет, что оно не допустит оккупации Сирии и Ливана каким-либо вражеским государством или использование их как базы для нападения на страны Ближнего Востока, которые оно призвано защищать»[13]. Анг-

---

[12] „Documents on American Foreign Relations", vol. 3, Boston, 1941, p. 334.

[13] Там же.

ло-французские разногласия вокруг Сирии и Ливана, доходившие порою до откровенного конфликта в годы второй мировой войны, были продолжением англо-французского соперничества, которое имело многолетнюю историю.

И, в-четвертых, Англия добивалась объединения арабских стран под своей эгидой. 29 мая 1941 г. министр иностранных дел Англии Антони Иден заявил в палате общин, что он считает вполне естественным укрепление культурных и экономических связей между арабскими странами и усиление политических уз между ними. «Правительство его величества, — отметил далее Иден, — со своей стороны будет оказывать полную поддержку любому плану, который найдет всеобщее одобрение»[14].

На первый взгляд заявление Идена кажется уступкой арабам в жизненно важном для них вопросе объединения арабских стран. На самом же деле это было попыткой включить почти все страны Арабского Востока в одно государственное объединение, которое находилось бы под господством английского империализма. По замыслу английских империалистов в этой арабской федерации главенствующая роль должна была принадлежать Ираку и Трансиордании и царствующей в обеих странах Хашимитской династии. Англия надеялась с помощью своих иракских и трансиорданских вассалов прочно связать арабскую федерацию с Англией.

Таковы были основные стратегические планы Англии на Арабском Востоке в период второй мировой войны.

* * *

Французские владения на Арабском Востоке были более «скромными» по сравнению с английскими. Под французским мандатом находились Сирия и Ливан. Однако для Франции сохранение своих позиций в арабском мире имело стратегическое значение. Арабские страны лежали на пути к заморским территориям французской империи. Кроме того, она почти половину своих потребностей в горючем покрывала за счет ближневосточной нефти. Франция считала себя наряду с Англией и Италией средиземноморской державой и, как отмечает арабский историк Мухаммед Шафи Агвани, «точка опоры в арабском мире считалась необхо-

---

[14] „The Times", London, 30. VI. 1941.

димой для сохранения этой позиции (т. е. позиции средиземноморского государства. — *Н. О.*)»[15].

Французские политические и государственные деятели в отличие от английских пытались отрицать факт существования французской империи. Так, французский верховный комиссар в Леванте генерал Денц в беседе с генеральным консулом США в Бейруте Ингертом заявил, что «никогда не было французской империи, а были только Франция и ее колонии»[16]. Рассуждения Денца более чем наивны. Он сам находился в Леванте и занимал ответственный пост верховного комиссара в силу существования колониальной империи. Пост верховного комиссара считался неотъемлемым атрибутом колониального режима. Другое дело, что по размерам французская колониальная империя уступала английской, были кое-какие различия и в структурном отношении.

Война сложилась исключительно неблагоприятно для Франции. Она потерпела поражение и 22 июня 1940 г. в Компьене было заключено перемирие между Францией и Германией. По условиям этого перемирия Германия, хотя и оккупировала Францию, но признала за ней право сохранения колониальных владений. В этом вопросе, а он занимал одно из главных мест в германо-французских переговорах, Франция добилась сохранения статус-кво в своих взаимоотношениях с колониями. Уступчивость Германии в вопросе колоний объясняется тем, что ей первым делом надо было завершить завоевание всей Европы, в том числе и Советского Союза. Завоевание Европы и разгром СССР для Германии имели первостепенное значение. В осуществлении своих европейских планов Германия нуждалась в спокойном тыле. Она надеялась, что, оставив колонии в ведении французского правительства, которое из Парижа переехало в Виши, тем самым сможет обеспечить сотрудничество французских правителей с Германией. И она не ошиблась в своих расчетах. Вишисты пошли на услужение к фашистской Германии и навеки покрыли себя позором.

По германо-французскому соглашению не произошло никаких изменений в статусе подмандатных территорий. Сирия и Ливан оставались в рамках французской колониаль-

---

[15] *Mohammed Shafi Agwani.* The United States and the Arab World, 1945—1952, Aligarh, 1955, p. 15

[16] The Consul General at Beirut (Engert) to the Secretary of State. May 14, 1941 — „Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1941", (FRUS DP), v. 111, Washington, 1959, p. 707.

ной империи, под правлением французского верховного комиссара.

Руководители вишистской Франции неоднократно заявляли, что положение на Ближнем Востоке имеет прямое касательство к Франции. В этой связи они окончательно уточняют свою позицию в отношении арабских владений. «Как заявляют в дипломатических кругах в Виши, — читаем в одном архивном документе, — позиция Франции уже давно была уточнена (речь идет о Сирии и Ливане. — *Н. О.*). Она заключается в том, что необходимо оборонять всеми средствами целостность французской колониальной империи»[17].

Франция и после капитуляции была готова защищать свои колониальные владения силой оружия, даже от своих вчерашних союзников. В инструкциях вишистского правительства верховному комиссару в Леванте говорилось, что если английские войска перейдут сирийскую границу, даже не в качестве агрессоров, а чтобы найти там убежище, то они будут разоружены и интернированы[18].

Вишисты оказали сильное сопротивление войскам Англии и «Свободной Франции», когда они 8 июня 1941 г. перешли сирийско-ливанскую границу и в течение месяца оккупировали Сирию и Ливан, прогнав всех сторонников Виши.

Такое же сопротивление они хотели оказать американским войскам, высадившимся в Северной Африке в ноябре 1942 г. Перед этим, 8 ноября 1942 г., президент Рузвельт направил послание главе Франции маршалу Петэну. Рузвельт отмечал, что Германия и Италия стремятся оккупировать всю Африку, но это всего лишь прелюдия к более широким захватам в американском полушарии, на Ближнем и Среднем Востоке. В случае успеха, подчеркивал Рузвельт, они объединятся с милитаристскими лидерами Японии, которые в свою очередь стремятся установить свое господство над всем Тихоокеанским бассейном[19]. Президент США сообщает Петэну, что это представляет большую угрозу США и другим американским республикам, поэтому он решил отправить в Северную Африку мощные американские вооруженные силы[20].

Маршал Петэн ответил президенту США в тот же день,

---

[17] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 232, л. 167.

[18] Там же.

[19] „The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt", vol XI, 1942, New York, 1969, p. 455.

[20] Там же, стр. 456.

8 ноября 1942 г. Ничего удивительного в том, что он берет под защиту Германию и Италию: «Вы приписываете вашим врагам такие намерения, которых они никогда на практике не имели», — отмечает он[21]. Далее он напоминает американскому президенту о своей декларации защитить французскую империю в случае, если на нее будет совершено нападение. «Вы должны знать, — писал в своем ответе Петэн, — что мы будем защищать ее (империю. — *Н. О.)* против любого агрессора, кто бы он ни был. Вы должны знать, что я сдержу свое слово»[22]. Для того, чтобы не оставить никаких сомнений, глава вишистской Франции в заключении своего ответного письма еще раз подчеркивает: «Франция и ее честь поставлены на карту. На нас напали, мы должны защищаться, таков мой приказ»[23].

В ответном письме Петэна привлекает внимание одно обстоятельство — своеобразное толкование понятия чести Франции.

Переход Сирии и Ливана в июле 1941 г. под контроль «Свободной Франции» в первые годы не внес никаких изменений в положении этих стран. Право народов обоих государств на независимость не только не признавалось, но и жестоко подавлялось. Дело в том, что «Свободная Франция» в вопросах колоний фактически выступала прямой наследницей Третьей Республики. Глава «Свободной Франции» генерал де Голль заявил, что «Свободная Франция» должна нести все обязанности страны, имеющей мандат на Сирию и Ливан. «Мандат на Ливан, доверенный Франции в 1923 г. Лигой Наций, должен осуществляться, как того требуют его условия, и миссия Франции должна продолжаться»[24]. Это указание легло в основу политики «Свободной Франции» в отношении Сирии и Ливана в период второй мировой войны.

Стремление де Голля оставить Сирию и Ливан под французским господством вызвало серьезные разногласия с руководителями США и Англии. Последние настаивали на отмене мандата и признании независимости Сирии и Ливана. Только таким путем можно было оторвать их от Франции и широко открыть двери перед английским и американским империализмом. Экономически слабые и не имеющие опыта в политических вопросах Сирия и Ливан, при предоставлении

---

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] *Шарль де Голль,* Военные мемуары, т. 1, М., 1957, стр. 521.

им независимости, по замыслу американских и английских правящих кругов, попали бы под их влияние. Вот почему они выступили в роли «защитников» независимости Сирии и Ливана. Проблема отмены французского мандата стала предметом острой борьбы между США, Англией и Францией.

Как вишистская Франция, так и «Свободная Франция» никогда не упускали из виду экономическое значение Ближнего Востока, в частности вопрос ближневосточной нефти. Это было одной из причин, заставившей правителей Франции бороться за сохранение своих позиций на Арабском Востоке. Франция, начиная с 1943—1944 гг., стремится выступать как полноправный партнер США и Англии в эксплуатации природных богатств арабских стран, и в первую очередь нефти.

Французский комитет национального освобождения в апреле 1944 г. на своем заседании специально рассмотрел вопрос нефти, обращая особое внимание на то обстоятельство, что в этот период разгорелась ожесточенная схватка между американскими и английскими нефтяными монополиями. 28 апреля 1944 г. комитет принял решение «предпринять шаги для охраны французских интересов в вопросе ближневосточной нефти»[25].

Политический комментатор агентства Франс Африк, целиком поддерживая решение французского комитета национального освобождения, отмечал, что его страна «имеет крупные интересы на Ближнем Востоке»[26].

И Франция, возглавляемая де Голлем, развернула активную деятельность за свои экономические и политические права на Арабском Востоке.

* * *

Захват стран Арабского Востока входил в общий план установления мирового господства фашистской Германией и Италией. Для этого, конечно, надо было нанести сокрушительный удар Англии, которая имела самые сильные позиции на Арабском Востоке. И Германия, и Италия захват арабских стран считали жизненно необходимым. В беседе с министром иностранных дел Германии фон Риббентропом глава итальянского правительства Бенито Муссолини заявил, что ни одно государство не может быть действительно свободным, если оно не имеет свободного доступа к океа-

---

[25] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 2731, л. 57.

[26] Там же.

нам. Италия, продолжает рассуждать дуче, находится в тюрьме и ее стенами являются Корсика, Тунис, Мальта, Гибралтар, Суэц и Дарданеллы[27]. Муссолини сравнивает Италию с боксером, который долго готовится выйти на ринг, чтобы нанести решительный удар своему сопернику. По его словам, этот момент для Италии уже наступил, так как Италия достигла больших успехов в перевооружении своей армии.

Существовали два варианта наступления на арабские страны. Муссолини усиленно предлагал нанести решающий удар через Египет. В своем письме Гитлеру Муссолини отмечает, что достаточно иметь 10—12 дивизий, чтобы начать наступление на Египет[28]. Но для этого, по мнению дуче, надо окончательно перетянуть Турцию на сторону держав оси. «Турция, — писал Муссолини, — чрезвычайно важная карта в нашей игре»[29]. Муссолини считал, что если Турция согласится пропустить их войска через свою территорию, то они могут напасть на Египет с Востока. С решением судьбы Египта «будет сломан хребет британской империи»[30]. Эта идея так захватила Муссолини, что он в переписке с Гитлером не раз возвращается к этой мысли. А в своем письме от 24 июля 1941 г. он выражает уверенность, что «если будет ликвидировано английское господство в Египте, то будет ликвидирована и вся британская империя»[31].

Однако фашистские державы не хотели ограничиться захватом Египта. У них были свои стратегические цели, а именно — выход к Индии[32].

Гитлер, в принципе, соглашаясь с Муссолини, предлагает для детального обсуждения вопросов лично встретиться с ним. Встреча двух фашистских главарей состоялась в конце августа 1941 г. в ставке Гитлера. Здесь Муссолини вновь поднимает вопрос Турции, отмечая, что она лавирует между Англией и странами оси. С целью переманить ее на

[27] Conversation between the Reich Foreign Minister and the Duce in the Presence of Ambassador von Mackensen and Count Chiano on March 11, 1940—„Documents on German Foreign Policy (DGFP). 1918—1945", Series D (1937—1945), vol. VIII, Washington, 1954, p. 901.

[28] *Benito Mussolini* to Adolf Hitler, 23. VI. 1941, DGFP, ser. D, vol. XIII, London, 1964, p. 9.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] The Ambassador in Italy to the Foreign Ministry, 26. VII, 1941, DGFP. vol. XII, p. 220.

[32] Benito Mussolini to Adolf Hitler, 23. VI. 1941, DGFR, vol. XIII, p. 10.

свою сторону, Муссолини считает необходимым предложить Турции кое-какие вознаграждения[33].

Гитлер соглашается с Муссолини и обещает, что «на позицию Турции прямо влияет развитие русской кампании»[34] и что надо предложить ей территориальные компенсации за счет Болгарии и Сирии[35].

Гитлер и Муссолини пришли к единому мнению, что одним из главных направлений немецко-итальянского удара на Арабский Восток должен быть Египет.

Помимо этого общего германо-итальянского плана, существовал и отдельный немецкий план нападения на Арабский Восток. Германские стратеги рассчитывали в 1942 г. выйти к Кавказу и оттуда направить свои полчища на Ближний Восток. Об этом ясно говорил Гитлер 28 ноября 1941 г. в беседе с великим муфтием Иерусалима Хадж Амин ал-Хусейни в Берлине. Он заявил, что немецкие армии в ходе нынешней войны выйдут к южным границам Кавказа[36] и даже уточнил приблизительную дату. «Я надеюсь, — говорил Гитлер, — что в наступающем году (т. е. в 1942 г. — *Н. О.*) станет возможным для Германии открыть кавказские ворота перед Ближним Востоком»[37].

Таким образом, к захвату Ближнего Востока, в том числе и арабских стран, Германия и Италия стремились в двух направлениях — с Египта и Кавказа. Но героическое сопротивление Советской Армии и советского народа, а затем и разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и на Северном Кавказе провалили раз и навсегда захватнические планы немцев и спасли народы Ближнего и Среднего Востока от фашистской угрозы. Арабские страны не попали под господство фашизма, этим они во многом обязаны героической Советской Армии, сумевшей в титанической битве разгромить фашистское чудовище.

Как же распределялись роли между Германией и Италией в их политике по отношению к странам Арабского Востока?

Германия признала приоритет Италии в решении политических вопросов, касающихся арабских стран.

---

[33] Record of the Duce's Conversation with the Führer, 25 VIII. 1941—DGFR, vol XIII, p. 385.

[34] Там же.

[35] Там же.

[36] Record of the Conversation between the Führer and the Grand Mufti of Jerusalem on November 28, 1941—DGFP, vol. XIII, p. 885.

[37] Там же.

Директору политического департамента министерства иностранных дел Германии Воерманну было поручено составить меморандум о политике Германии и Италии на Арабском Востоке. В представленном им 21 июля 1940 г. меморандуме отмечалось: «Нет сомнения в том, что мы должны давать Италии абсолютное первенство в организации арабской зоны („in o ganizing Arabian area")»[38]. Немецкое правительство одобрило меморандум Воерманна и министерство иностранных дел Германии 20 августа 1940 г. разослало циркуляр о германо-итальянском сотрудничестве. В его основу, как было сказано в циркуляре, легли фундаментальные соображения.

Германия не преследует никаких политических интересов в зоне Средиземноморья, южная и восточная части которой составляют арабский мир. «Германия, таким образом, — отмечалось в циркуляре, — оставляет за Италией руководство в политической реорганизации арабской зоны. Это, следовательно, исключает какие-либо немецкие требования в отношении политического лидерства или же в разделении этого лидерства с Италией в арабских территориях, в состав которых входят Аравийский полуостров, Египет, Палестина, Трансиордания, Сирия, Ливан и Ирак»[39].

Однако, отмечалось в циркуляре, политическая незаинтересованность Германии не означает, что она вообще не имеет каких-либо интересов в арабских странах. Германия не отказывалась от защиты на Арабском Востоке определенных экономических и культурных прав. Она прежде всего была заинтересована в эксплуатации арабской нефти, в обеспечении своих воздушных линий и в продолжении археологических работ[40].

В конце циркуляра давалось специальное указание о том, что данный циркуляр является секретным и о нем не должны знать представители иностранных государств, «особенно арабские деятели»[41].

Весьма интересна заключительная часть циркуляра. Там рекомендовалось при каждом случае напоминать арабским деятелям об общности интересов Германии и арабов в разгроме Англии и заверить их в полной германской симпа-

---

[38] Memorandum by the Director of the Political Department. 21. VII. 1940—DGFP, Series D, vol. X, London, 1957, p. 261.

[39] Circular of the Foreign Ministry, 20. VIII. 1940, DGFP, vol. X, p. 515.

[40] Там же.

[41] Там же.

тии к борьбе арабских народов за освобождение[42]. Германское правительство официально санкционировало своих чиновников выставлять Германию в роли защитника независимости арабских стран, хотя было ясно, что предоставление Италии права политической реорганизации арабского мира означало для арабских стран смену старых хозяев новыми. Продолжая свою политику обмана арабских народов, Германия и Италия 23 октября 1940 г. выступили со специальным заявлением о поддержке арабской освободительной борьбы против английского господства и об их готовности признать независимость арабских стран.

Италия преследовала захватнические цели в отношении этих стран. Муссолини не скрывал этого. Еще в 1937 г. он присвоил себе титул протектора арабов и всех мусульман. 18 марта того же года у ворот Триполи ему был вручен «меч ислама»[43].

7 июля 1940 г. министр иностранных дел Италии Чиано представил Гитлеру план Муссолини о реорганизации всего Арабского Востока. По этому плану Италия должна была занять место Англии в Египте и Судане. Предлагалось ликвидировать компанию Суэцкого канала и создать специальный режим для этой зоны; «признать» независимость Сирии и Ливана, оккупировать все стратегические пункты в этих странах и заключить с ними договор об особом союзе.

Германия должна была согласиться на оккупацию Италией Адена, Перима, Сокотры, Британского Сомали и Джибути, с последующей полной уступкой этих территорий Италии[44].

Чем объясняется уступка Германией первенства Италии в решении политических вопросов в арабском мире?

Известно, что любой союз базируется на признании каких-то особых интересов каждого партнера. Иначе союз будет бессмысленным.

В германо-итальянском союзе для Германии самым основным вопросом было установление господства над всей Европой. Европа была на первом месте во всех немецких политических комбинациях. И так как Европа входила в сферу влияния Германии, то агрессивные устремления Италии должны были удовлетвориться вне ее пределов, где-то в другой части земного шара. И Германия признала особые

---

[42] Там же.

[43] DGFP, Series D, vol. VI, London, 1956, p. 262.

[44] *G. Kirk.* The Middle East in the War, p. 42.

интересы Италии в бассейне Средиземноморья и в прилегающих к нему арабских странах, считая, что Италия должна осуществлять политическое руководство и реорганизацию арабского мира.

Это была типичная сделка между двумя фашистскими государствами.

Но, как было отмечено выше, Германия вместе с тем заявила о наличии у нее экономических, стратегических и культурных интересов на Арабском Востоке, которые были признаны Италией. Тем самым, даже при итальянском политическом господстве, Германия обеспечила свое присутствие в арабских странах, фактор, который при учете военной мощи Германии и ее экономического превосходства над Италией имел бы в конечном счете решающее значение и для политических судеб арабских стран. Нельзя забывать, что в германо-итальянском альянсе Италия во всех отношениях была слабее Германии и фактически не выступала в качестве равноправного партнера.

В Германии существовали силы, которые были против признания приоритета Италии в решении политических вопросов на Арабском Востоке. Они считали, что Германия сама должна установить политическое господство на Арабском Востоке. Самым решительным сторонником этой точки зрения выступило верховное командование немецкой армии. В феврале 1941 г. оно направило меморандум в министерство иностранных дел, предлагая обсудить выдвинутые в нем вопросы министерством иностранных дел и командованием Вермахта.

В меморандуме отмечалось, что решение Германии предоставить итальянцам свободу действий в отношении их политической деятельности в районе Средиземноморья нуждается в пересмотре в той части, которая касается арабских стран[45]. Командование армии обвиняло Италию в том, что она не заинтересована в существовании независимых арабских стран, так как она стремится играть главную роль в этих странах. Оно официально предлагало проводить новый политический курс в отношении Арабского Востока, считая, что Германия должна стать во главе политической жизни арабских стран. «По нашему мнению, — говорилось в меморандуме — пришло время направлять в будущем политическую

---

[45] Memorandum by the Head of Political Division, 5. II. 1941—DGFP, Series D, vol. XII, London, 1962, p. 31.

деятельность на Ближнем Востоке из Германии и принимать быстрые и энергичные акции в этом вопросе»[46].

Предложение командования Вермахта было отвергнуто. Военные деятели Германии на решении всех политических вопросов смотрели с позиции военной силы и очень часто недооценивали значение политического фактора. Германия в военном отношении была намного сильнее своего итальянского партнера. Исходя из этого обстоятельства немецкие военачальники при решении политических вопросов выступали с солдатской прямотой. Если бы германское правительство пошло на пересмотр в вопросе итальянского лидерства на Арабском Востоке, то это оттолкнуло бы Италию от Германии. Такая перспектива не устраивала Германию.

Командование армии и те силы, которые разделяли его взгляды в вопросе роли Италии на Арабском Востоке, недооценивали тот факт, что германо-итальянское сотрудничество не было честным, и признание взаимных интересов еще не говорило о том, что они скрупулезно соблюдались. Между государствами оси существовало скрытое противоборство и соперничество. Например, итальянские руководители с большим недоверием следили за контактами Германии с изгнанным премьер-министром Ирака Рашидом Али ал-Гайлани. Начальник политического департамента министерства иностранных дел Германии сообщал, что правительство Италии с подозрением наблюдает за отношениями Германии с ал-Гайлани и желает, чтобы он приехал в Рим[47].

Взаимное недоверие было характерно для отношений Германии и Италии. Это имело свои реальные причины.

Нельзя поверить, что Германия действительно, в случае полного военного успеха, могла бы согласиться на переход арабских стран под политический контроль Италии. Она, как отмечали выше, соглашалась с вариантом вторжения на Арабский Восток со стороны Египта, тем не менее начиная с конца 1941 г. все больше и больше настаивала на кавказском варианте. Как отметил Л. И. Брежнев, «фашистские политики и стратеги рассчитывали, что их продвижение в Закавказье приведет к проникновению немецко-фашистских войск в страны Ближнего Востока»[48]. Было бы наивно думать, что в случае осуществления этого плана Германия, завоевавшая своими силами Ближний Восток, преподнесла

---

[46] Там же.

[47] Memorandum by the Director of the Political Department, 6. VIII. 1941—DGFP, vol. XIII, p. 288.

[48] «Известия», 8/IX 1974 г.

бы его в качестве дара своему итальянскому союзнику. Нельзя забывать, что Германия могла бы выйти через Кавказ на Ближний Восток только в случае военного поражения Советского Союза. А это означало бы, что Германия уже решила свою главную стратегическую задачу — захват всей Европы и, следовательно, уже не нуждалась бы в соблюдении условий союза с Италией.

Это не только предположение. Существуют немецкие официальные документы, свидетельствующие о наличии особых немецких планов в отношении арабских стран. В этой связи мы считаем необходимым остановиться на меморандуме директора политического департамента министерства иностранных дел Германии Воерманна, который был составлен по поручению Риббентропа. Документ, носивший название «Меморандум об арабском вопросе», был представлен на рассмотрение министра иностранных дел Риббентропа 7 марта 1941 г. Воерманн получил инструкцию составить предложения относительно политики Германии в арабском вопросе, в частности исходя из необходимости использовать арабский вопрос для достижения одной из главных целей Германии — поражения Англии[49].

В меморандуме дана дефиниция географических границ «арабской земли», куда Воерманн включил Саудовскую Аравию, Йемен, Ирак, всю зону английского влияния на Аравийском полуострове и подмандатные территории — Палестину, Трансиорданию, Сирию и Ливан. В арабскую сферу, отмечал Воерманн, входят также Египет и Англо-Египетский Судан[50].

Далее в этом важном документе отмечалось, что вся арабская арена имеет «большое стратегическое значение»[51]. Она является как бы мостом между Африкой и Индией, по ней проходят Суэцкий канал и важные воздушные сообщения. «Через эти территории пролегает важный путь, где, в случае возможности, Англия и Советский Союз могут соединить свои руки»[52]. И, наконец, отмечается наличие в арабских странах больших запасов нефти.

В документе предлагалось нанести решительный удар британской империи через Египет или военной оккупацией всего арабского моста, т. е. всех арабских стран, указанных

---

[49] Memorandum on the Arab Question, 7. III. 1941, DGFP, vol. XII, p. 234—235.

[50] Там же, стр. 235.

[51] Там же.

[52] Там же.

в определении географического понятия «арабской зоны»[53].

В меморандуме имеется специальный раздел, где говорится, что для Германии было бы полезным организовать в арабских странах саботажи и восстания.

Предлагалось организовать саботажи в Египте, Трансиордании, Палестине и Ираке, а восстания — только в Палестине и Трансиордании, но не в других странах, включая Сирию и Ливан[54].

В меморандуме специально оговаривалось, что правительство Италии можно информировать об этом только в общих чертах, не вдаваясь в подробности[55].

В документе уделялось значительное место германо-итальянским взаимоотношениям на Арабском Востоке. Воерманн отмечает, что «Италия преследует свои собственные цели на Ближнем Востоке»[56], и по ее мнению, нежелательно давать широкие гарантии арабам о полной независимости или соглашаться на создание федерации арабских государств. Воерманн не доволен, что в арабском вопросе итальянское правительство во взаимоотношениях с Германией до последнего времени было сдержанным[57].

Он предлагает откровенно обсудить этот вопрос с итальянским правительством, чтобы определить цели Италии в арабском мире. Но время для этого еще не пришло. Воерманн предлагает, чтобы Германия, не задевая итальянские интересы, проявила больше инициативы в арабском мире, считая, что изменения в этом направлении уже происходят[58].

В меморандуме предлагалось оказывать прогерманским силам в арабских странах финансовую помощь, поставлять оружие, поддерживать их пропагандой и т. д.

Таково вкратце содержание «Меморандума об арабском вопросе».

Меморандум был представлен Риббентропу, который одобрил все основные положения, выдвинутые Воерманном[59]. Риббентроп согласился с Воерманном, что время для детального обсуждения с Италией арабского вопроса еще не наступило[60].

---

[53] Там же, стр. 236.
[54] Там же, стр. 237.
[55] Там же.
[56] Там же, стр. 238.
[57] Там же.
[58] Там же, стр. 242.
[59] Там же, стр. 322—325.
[60] Там же, стр. 323.

Естественно возникает вопрос, почему Германия откладывала большой разговор со своим итальянским партнером об арабских делах. Ответ на это дает известная директива № 30 Гитлера от 23 мая 1941 г. Она целиком посвящена Ближнему Востоку. В ней Гитлер отмечает, что «арабское освободительное движение на Ближнем Востоке является нашим естественным союзником против Англии»[61]. Подчеркивая важность восстания в Ираке в мае 1941 г., Гитлер заявил: «Я решил ускорить развитие событий на Ближнем Востоке, оказывая помощь Ираку»[62]. Когда и как, говорилось далее в директиве, будет окончательно нанесено поражение Англии между Средиземноморьем и Персидским заливом, «будет решено только после «Барбароссы»[63]. Известно, что «Барбаросса» была кодовым названием немецко-фашистского плана нападения на Советский Союз.

Директива Гитлера дает ключ к пониманию многих вопросов политики Германии на Арабском Востоке, в том числе и характера германо-итальянских взаимоотношений. Гитлер откладывал окончательное решение многих вопросов до осуществления плана «Барбароссы», хорошо понимая, что при успехе, т. е. при поражении Советского Союза, Германия станет полновластным хозяином всей Европы и неимоверно усилит свои позиции во всем мире.

Тогда она могла бы диктовать свою волю другим странам и народам и перекроить политическую карту мира по своему усмотрению. В свете «Меморандума об арабском вопросе» и директивы Гитлера становится ясным, что «признание» лидерства Италии в политических делах арабского мира было со стороны фашистской Германии лишь тактическим шагом.

Таким образом, хотя между планами Германии и Италии существовало значительное расхождение, в основном они сходились. Конечной целью обоих государств был захват Арабского Востока, ликвидация английского и французского господства и установление здесь контроля со стороны стран оси.

В осуществлении своей политики как в других частях света, так и на Арабском Востоке Германия и Италия неизбежно должны были столкнуться и действительно столкнулись с интересами Соединенных Штатов Америки. Это об-

---

[61] Führer's Directive. Directive № 30. The Middle East, 23. V. 1941, DGFP, vol. XII, p. 862.

[62] Там же.

[63] Там же.

стоятельство вызвало определенное беспокойство у руководителей Германии и Италии, что явно проявилось во время встречи Риббентропа с Муссолини 13 мая 1941 г.

Муссолини говорит Риббентропу, что будет большим достижением для Германии и Италии, если Мацуока[64] удастся удержать Соединенные Штаты от вступления в войну[65]. Риббентроп, разделяя мнение Муссолини, замечает, что если проводить твердую линию и объяснить, что американская охрана и конвоирование судов означает войну, «американцы могут заколебаться, потому что американское перевооружение является самым большим блефом в мировой истории»[66].

В беседе поднимался вопрос о наличии оппозиции курсу Рузвельта, в частности со стороны Гувера и Линдберга. Но они были слабы. По сравнению с ними, отмечал дуче, «евреи и их пропаганда так сильны, что вся Америка попала под их влияние»[67]. И тут Муссолини начинает «философствовать» о поведении сторонников и противников войны. По его мнению, если в какой-либо стране «партия войны борется против партии мира, то вообще побеждает партия войны, потому что война ближе человеческой душе, чем мир»[68]. Заключительная фраза Муссолини свидетельствует о том, что руководители Германии и Италии не очень надеялись на нейтралитет США в войне.

Война между этими империалистическими державами была неизбежна. И недопущение перехода арабских стран под господство Германии и Италии стало одной из главных целей внешней политики США на Арабском Востоке в годы второй мировой войны.

* * *

Активизация деятельности и усиление влияния США на Арабском Востоке в период второй мировой войны были подготовлены всем ходом политико-экономического развития в предыдущие годы. Укрепление позиции США в арабских странах в 1939—1945 гг. не было внезапным, и тем более случайным. Американский империализм давно зарился на Арабский Восток как на важный стратегический узел миро-

[64] Мацуока, министр иностранных дел Японии. Он поставил в известность германское правительство, что с помощью некоторых маневров пытается удержать США от вступления в войну.

[65] Record of the Conversation between the Reich Foreign Minister and the Duce in the Presence of Count Chiano in the Palazzo Venezia on May 13. 1941—DGFP, vol. XII, p. 805.

[66] Там же.

[67] Там же.

[68] Там же.

вого значения и богатый источник нефти. Опираясь на свой большой экономический потенциал, высокоразвитую промышленность и воспользовавшись создавшейся вследствие войны международной ситуацией, США предприняли в годы второй мировой войны энергичное наступление по широкому фронту для укрепления своих политических, стратегических и экономических позиций. В отличие от предыдущего периода, США ставили перед собой не отдельные узкие задачи, как, скажем, участие только в эксплуатации арабской нефти, а всеобъемлющие, рассматривая Арабский Восток как арену, интересующую американский империализм в целом, в совокупности военно-политических и экономических интересов.

В буржуазной историографии, и в частности в американской, существует ошибочное мнение о характере политики США, о целях США во время второй мировой войны, в частности на Арабском Востоке. Некоторые американские историки пытаются доказать, что США вообще в годы войны не имели никаких интересов на Арабском Востоке. Эта ошибочная точка зрения нашла яркое отражение в исследовании американского историка Вильяма Полка, специально посвященного арабо-американским взаимоотношениям. Полк отмечает, что после первой мировой войны США вновь вернулись к политике изоляционизма. Но, продолжает он, это возвращение не было полным. Нефтяные интересы требовали, чтобы США принимали участие в эксплуатации нефти на Ближнем Востоке, но их английские, голландские и французские конкуренты были озабочены тем, чтобы сохранить этот район для себя. И тут, добавляет американский автор, впервые государственный департамент принял активное участие для защиты американских интересов на Ближнем Востоке[69]. Но в дальнейшем, пишет Полк, после открытия новых нефтяных источников в самой Америке, интерес США к Ближнему Востоку ослаб и правительство США принимало очень незначительное участие в делах Ближнего Востока[70].

Во время второй мировой войны,—продолжает В. Полк,—«Америка явно выполняла второстепенную роль в ближневосточной деятельности: район был британским и США были заняты другими делами»[71]. В. Полк не отрицает, что в

---

[69] *William Polk*, The United States and the Arab World, Cambridge, Massachusettes, 1965, p. 262.

[70] Там же.

[71] Там же.

отдельных случаях США принимали участие в делах Ближнего Востока[72].

Но тем не менее, США, по выражению самого В. Полка, были по традиции заняты другими районами нашей планеты. «Соединенные Штаты, как великая держава, до 1947 г. не имели реальных позиций на Ближнем Востоке»[73].

Говоря о 1947 годе, автор имеет в виду появление «доктрины Трумэна». Как у В. Полка, так и у многих американских буржуазных авторов укоренилось мнение, что настоящей датой начала американской политики на Арабском Востоке надо считать 1947 год. Они пытаются доказать, что это было вызвано необходимостью противостоять «советской угрозе», «спасать» страны Ближнего Востока от советского и коммунистического проникновения.

О «советской» угрозе, даже о «вызове советского империализма» на Арабском Востоке, очень пространно говорит другой буржуазный автор — Джордж Кирк[74].

Фактически, мы здесь имеем дело с преднамеренным искажением фактов. Как будет показано ниже, американский империализм укрепил свои позиции и утвердился на Арабском Востоке как великая держава не после 1947 г., а именно в годы второй мировой войны.

Миф о «советской» угрозе выдуман идеологами империализма, чтобы, с одной стороны, бросить тень на ленинскую внешнюю политику Советского Союза, а с другой, — прикрыть свои собственные империалистические планы.

В своем стремлении представить США в розовом свете некоторые буржуазные авторы идут так далеко, что даже пытаются доказать недоказуемое, а именно — отсутствие каких-либо политических целей у США в годы второй мировой войны. Эту непосильную задачу взял на себя американский публицист Ральф Ингерсолл. Проводя параллель между политикой США и Англии в период войны 1939—1945 гг. и отмечая, что оба государства хотели разгромить вооруженные силы держав оси, он подчеркивает, что Англия хотела этого «только при помощи такой стратегии, которая наилучшим образом служила бы сложнейшим экономическим и политическим интересам британской империи. «Чистой» военной цели для Британии вообще не существует, — разве только в военной операции масштаба не больше, чем мелкая стычка. Англичане всегда примешивают политические моти-

---

[72] Там же, стр. 263.

[73] Там же, стр. 290.

[74] *G. Kirk.* Contemporary Arab Politics, London, 1961, p. 45.

вы к военным»[75]. В противовес британской политике США, по утверждению Р. Ингерсолла, не преследовали никаких не только политических, но даже экономических целей. «Американские цели войны, — пишет Р. Ингерсолл, — можно было сформулировать так: «Разгромить вооруженные силы держав оси — и точка»[76]. Самоуверенность американского автора ни на чем не базируется и противоречит фактам и уже опубликованным официальным документам правительства самих Соединенных Штатов.

Р. Ингерсоллу вторит Дж. Кирк, который отмечает, что старые интересы Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, их просветительные и миссионерские учреждения не носили политического характера и их нефтяные интересы были в зачаточном состоянии накануне взрыва второй мировой войны. И Соединенные Штаты, продолжает свои рассуждения Дж. Кирк, на этой стадии, т. е. в период войны 1939—1945 гг., были согласны «оставить политическую инициативу в районе (Ближнего Востока — *Н. О.*) Британии»[77].

В другой своей работе тот же Дж. Кирк представляет США как «дилетанта в мировых делах»[78].

Несколько в ином плане ту же самую мысль высказывает Мохаммед Шафи Агвани. «Соединенные Штаты, — пишет он, — распространяя свою деятельность с просветительной и культурной области на коммерческую и стратегическую, не имели еще определенной арабской политики»[79].

От отрицания наличия политических интересов у США до попыток представить их как антиимпериалистическое государство всего лишь один шаг. И этот шаг совершает уже упомянутый Дж. Кирк. Он утверждает, что «к 1943 г. Рузвельт отчетливо взял антиимпериалистический курс»[80].

Политический индифферентизм на Арабском Востоке и антиколониализм, приписываемый США, — легенда, созданная апологетами американского империализма. Она не выдерживает никакой критики и опровергается многочисленными фактами, в том числе и американскими официальными документами.

---

[75] *Р. Ингерсолл,* Совершенно секретно, пер. с англ. М., 1947, стр. 85.

[76] Там же, стр. 84.

[77] *G. Kirk,* The Middle East in the War, p. 23.

[78] *G. Kirk,* Contemporary Arab Politics, p. 45.

[79] *Mohammed Shafi Aghwani,* The United States and the Arab World, 1945—1952, p. 33.

[80] *G. Kirk,* The Middle East in the War, p. 24.

* * *

Соединенные Штаты Америки в период второй мировой войны преследовали определенные политические и экономические цели, что и определило выступление США на стороне той коалиции воюющих держав, которая больше всех отвечала этим целям.

Известно, что США в начале войны поддерживали Англию и Францию, официально сохранив нейтралитет. Вступив в войну в декабре 1941 г., они вместе с Англией и СССР образовали антигитлеровскую коалицию.

Естественно, возникает вопрос: почему США не примкнули к блоку держав оси и находились в одном лагере с Англией и СССР. Ведь известно, что Англия имела самую большую колониальную империю, сохранение которой не отвечало политическим и экономическим интересам американского монополистического капитала. С другой стороны, они начали сотрудничать с СССР, хотя между ними существовала глубокая пропасть с точки зрения социально-политической и экономической структуры обоих государств.

Ответ заключается в той перспективе, которая могла возникнуть при победе стран фашистского блока.

Правительство США учитывало то обстоятельство, что Германия представляла собою мощную военно-политическую и экономическую силу, способную бросить серьезный вызов самим Штатам. В случае победы Германия и ее итальянские и японские союзники со своими бредовыми планами мирового господства могли бы представить серьезную угрозу для Соединенных Штатов. У Ф. Рузвельта и других руководителей США не было надежды, что удастся обуздать такого своеправного агрессора, как германский фашизм. Вся их политика умиротворения агрессора, аналогичная политике Англии и Франции в 30-х годах, потерпела полное фиаско, и американские монополистические круги, наравне с английскими и французскими, несут полную ответственность за возникновение войны.

О мотивах американского правительства не поддерживать страны оси говорил президент США Ф. Д. Рузвельт в своей «беседе у камина» в Белом доме. 29 декабря 1940 г. Рузвельт обратился к народу США, отмечая, что Германия, Италия и Япония 27 сентября 1940 г. заключили в Берлине соглашение, согласно которому, если США попытаются противостоять их программе установления контроля над всем миром, то они предпримут самые крайние меры про-

тив США[81]. Далее он говорил, и эта часть его выступления представляет большой интерес с точки зрения политической ориентации США, что «нацистские хозяева Германии явно показали, что они намерены господствовать над жизнью и мыслями не только своих стран, но и поработить всю Европу, а затем использовать ресурсы Европы, чтобы установить господство над остальной частью мира»[82]. Исходя из этого, президент заявил, что Соединенные Штаты Америки не имеют права поощрять разговоры о мире до тех пор, пока агрессоры не откажутся от идеи господства и завоевания мира.

Некоторые американцы, отмечает президент, верят, что война в Европе и Азии не касается нас. Но для нас жизненно необходимо, подчеркивает Ф. Рузвельт, чтобы те, кто начал войну в Европе и Азии, т. е. Германия, Италия и Япония, не установили свой контроль над океанами, которые ведут к нашему полушарию[83]. «Если Великобритания падет, то державы оси установят контроль над европейским, азиатским, африканским, австралийским материками и главными морскими путями, и они будут в состоянии бросить огромные морские и военные ресурсы против нашего полушария»[84]. Он предупреждает, что все это не преувеличение и что если это случится, тогда все американцы будут жить под дулом пушки, заряженной снарядами. Вообще Ф. Рузвельт серьезно беспокоился о немецком проникновении на американский континент. Однажды в беседе со своим сыном Эллиотом Рузвельт, обращая его внимание на то, что немцы уже появились в Африке и что оттуда недалеко до Бразилии, замечает: «Пенсильвания-авеню может превратиться в Адольф-Гитлер-штрассе; не воображай, что это невозможно»[85].

Его преследовал, в частности в первый период войны, кошмар непосредственного объединения японских и немецких войск. «А почему нельзя представить себе, — говорил Рузвельт Эллиоту,—что японцы и немцы предпримут наступление с двух сторон, чтобы создать гигантские клещи, сомкнувшиеся где-то на Ближнем Востоке, и таким образом полностью изолировать Россию, отрезать Египет, перерезать

---

[81] „The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt", vol. IX, New York, 1969, p. 633.

[82] Там же.

[83] Там же, стр. 635.

[84] Там же.

[85] *Э. Рузвельт,* Его глазами, стр. 68.

все коммуникационные линии, идущие через Средиземное море»[86].

Таким образом, в выступлениях Ф. Рузвельта фактически вскрыты причины, побудившие США противостоять странам фашистского блока. Германия в военном и политическом отношении была гораздо сильнее, чем какая-либо страна капиталистического мира. В лице Германии американские правящие круги видели самого серьезного и опасного конкурента. Сохранение военной машины Германии не отвечало интересам США. Поэтому правительство США блокируется с Англией и Францией, а после капитуляции Франции и до нападения фашистской Германии на Советский Союз — только с Англией, стараясь предоставлением ей военной и материальной помощи противостоять натиску держав оси и приостановить их дальнейшее продвижение.

Но американская помощь Англии и американо-английское сотрудничество во время войны отнюдь не были бескорыстными. США в своей политике по отношению к Англии исходили из постулата, сформулированного самим президентом Рузвельтом: «Без Америки Англия не сможет продолжать войну»[87].

Следовательно, целью США было воспользоваться трудным и зависимым от США положением Англии и выдвинуть собственные требования, стараясь всю сложившуюся политико-экономическую структуру мира изменить в свою пользу, обеспечив себе господствующее положение в послевоенном мире. В своих беседах с Эллиотом Рузвельт с предельной ясностью излагает взгляды правящих кругов США на эти, весьма волнующие американские деловые круги и политиков вопросы. По мнению Рузвельта, в период второй мировой войны была поставлена на карту судьба всей британской империи. «Английские и германские банкиры уже давно прибрали к рукам почти всю мировую торговлю... Так вот, это не слишком выгодно для американской торговли»[88]. Отмечая, что англичане и немцы не допускали американцев к участию в мировой торговле, вытесняли их с мировых рынков, Рузвельт резюмирует, что сейчас, когда идет война между Англией и Германией, «мы должны с самого начала сказать англичанам, что мы не намерены быть просто добрым дядюшкой, которого британская империя может ис-

---

[86] Там же, стр. 67.
[87] Там же, стр. 39.
[88] Там же, стр. 40.

пользовать, чтобы выбраться из затруднительного положения, и потом навсегда забыть»[89].

Американское правительство считало, что сохранение колониальных империй, в первую очередь английской, не отвечает интересам США. Политическое господство, равно как и экономическое выгодное положение Англии и Франции, основывались в значительной степени на отказе признать независимость многих народов Азии и Африки. Чтобы подорвать политические позиции этих двух старейших колониальных держав, надо было нанести им чувствительный удар именно в колониальном вопросе. США стремились осуществить это с помощью политики ликвидации колониальной зависимости стран Азии и Африки от Англии и Франции. Выход колоний из состава английской и французской колониальных империй открыл бы путь для проникновения американского империализма, положил бы конец экономическим преференциям Англии и Франции и позволил бы на практике осуществить политику «открытых дверей», которой добивались американские монополии.

США добивались, чтобы эти принципы в какой-то степени были зафиксированы в официальном документе. 14 августа 1941 г., после переговоров между США и Англией, начавшихся 9 августа и проходивших в бухте Арджентии, на западном побережье Атлантического океана, было заключено соглашение, которое в дальнейшем стало называться «Атлантической хартией». В этой хартии декларированы основные принципы, за которые должны были бороться США и Англия и которые должны были лечь в основу послевоенного устройства мира. Рузвельт и Черчилль, подписавшие «Атлантическую хартию», заявляли, что они разработали основные принципы их национальной политики, которые сводились к следующему: «Первое, страны не стремятся к расширению территориального и другого характера; второе, они не хотят видеть какие-либо территориальные изменения, не соответствующие свободно выраженным желаниям народов; третье, они уважают право всех народов выбрать ту форму правления, при которой они будут жить; и они желают увидеть восстановленным суверенные права и самоуправление тех народов, которые были лишены этого насильственным путем»[90]. Таково содержание «Атлантической хартии».

---

[89] Там же, стр. 41.

[90] „Declaration of Principles, known as the Atlantic Charter, by the President of the USA and the Prime Minister of the United Kingdom, August 14, 1941—„A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents. 1941—1949", Washington, 1950, p. I.

Нетрудно видеть, что некоторые положения хартии носили демократический характер. Они были «обусловлены широким размахом освободительного движения, развернувшегося в годы второй мировой войны во всем мире, и имели положительное значение, так как способствовали консолидации сил, боровшихся против фашизма»[91]. Отказ от территориальных приобретений, осуждение насильственного лишения народов самостоятельности и предоставление им права на самоопределение действительно явились положительным итогом. Вот почему Советский Союз одобрил основные принципы «Атлантической хартии»[92]. В Декларации Советского Союза об «Атлантической хартии» был сделан специальный упор на право наций на самоопределение. Советское правительство заявляло, что оно отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны[93].

Переговоры между США и Англией о заключении «Атлантической хартии» шли очень туго. Здесь, как и надо было ожидать, возникли серьезные разногласия между руководителями двух государств, в частности в вопросе восстановления суверенных прав и признания самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем.

На одном из заседаний во время переговоров в бухте Арджентии Черчилль, не выдержав, заявил: «Господин президент, мне кажется, что вы пытаетесь покончить с Британской империей. Это видно из всего хода ваших мыслей об устройстве мира в послевоенное время»[94]. Но Черчилль был вынужден уступить.

Другим важным пунктом в американо-английских разногласиях был вопрос торговли. Рузвельт выступал за установление свободы торговли. Он прямо заявил Черчиллю, что надо изменить существующие в мировой торговле порядки, выгодные Англии. «Никаких искусственных барьеров, — говорил Рузвельт Черчиллю, — как можно меньше экономических соглашений, предоставляющих одним государствам преимущества перед другими. Возможности для расширения торговли. Открытие рынков для здоровой кон-

---

[91] *В. Израелян,* Дипломатическая история Великой Отечественной войны, М., 1959, стр. 28.

[92] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», т. 1, М., 1946, стр. 163—166.

[93] Там же.

[94] *Э. Рузвельт,* Его глазами, стр. 54.

куренции»[95]. Рузвельт обвинял Англию в навязывании странам Азии и Африки особых имперских торговых соглашений. «Именно из-за них, — говорил президент США, — народы Индии и Африки, всего колониального Ближнего и Дальнего Востока так отстали в своем развитии»[96]. Черчилль никак не сдавался. Во время этих переговоров он еще раз показал, какого рьяного защитника интересов британской империи имеет в его лице Англия. На резко поставленные вопросы Рузвельта Черчилль столь же резко отвечал: «Господин президент, Англия ни на минуту не намерена отказаться от своего преимущественного положения в британских доминионах. Торговля, которая принесла Англии величие, будет продолжаться на условиях, устанавливаемых английскими министрами»[97]. Но Черчилль вынужден был поставить свою подпись под «Атлантической хартией», принципы которой были сформулированы американской стороной, и последовательное осуществление которых не могло не привести к резкому ослаблению британской империи. У Черчилля не было иного выхода. В военно-экономическом отношении Англия была слабее США и зависела от их помощи. Эллиот Рузвельт, наблюдавший за дуэлью отца с английским премьер-министром, очень метко подмечает, что «постепенно, очень медленно, мантия вождя сползла с плеч англичанина на плечи американца»[98]. Это не просто гордость сына за отца, а констатация того реального процесса, который возник уже на начальной стадии и неумолимо действовал за весь период второй мировой войны.

Но не надо думать, что с заключением «Атлантической хартии» Англия прекратила борьбу. Она продолжала упорно отстаивать свои имперские интересы. Черчилль даже пытался по-своему интерпретировать третий пункт «Атлантической хартии», касающийся прав народов на восстановление своего суверенитета и на самоуправление. У. Черчилль, спустя месяц после своих переговоров с Рузвельтом, 9 сентября 1941 г. заявил в палате общин: на «Атлантической конференции мы в первую очередь имели ввиду восстановление суверенитета, самоуправления и национальной жизни государств и народов Европы, находящихся в настоящее время под нацистским игом, и данный вопрос отличается от воп-

---

[95] Там же, стр. 51.

[96] Там же.

[97] Там же.

[98] Там же, стр. 56.

росов «тех народов, которые связаны вассальной зависимостью с британской короной»[99].

Таким образом, уже в самом начале американо-английского сотрудничества обнаружились глубокие, даже можно сказать, принципиальные разногласия между США и Англией. США, исходя из интересов американского монополистического капитала, пытались во что бы то ни стало положить конец неограниченному господству Англии и оторвать от нее колонии под лозунгом борьбы за восстановление их независимости и суверенитета. Это открыло бы двери перед политическим и экономическим проникновением США в страны Азии и Африки и позволило бы установить в завуалированной форме свое господство в бывших английских, и не только английских, колониях.

Именно эта политика и многочисленные заявления президента Рузвельта о необходимости положить конец «колониальному подавлению» народов Индии, Африки, Ближнего и Дальнего Востока дали пищу буржуазным историкам говорить об «антиколониальном» и «антиимпериалистическом» характере внешней политики США. Но эти авторы «не замечают» что колониальная или империалистическая политика проявляется не только в форме, принятой называть «классической», суть которой заключается в насильственном лишении народа политической независимости и национального суверенитета. Такая политика была характерна для английских, французских, голландских, итальянских, бельгийских, португальских и других колонизаторов. Но можно не только выступить, но и формально признать независимость колоний, и тем не менее проводить в их отношении империалистическую политику, которая по своим политическим и экономическим последствиям в конечном счете не отличается от колониализма классической эпохи. Именно за такую политику выступали американские правящие круги и монополистические объединения.

Оценивая политику США в отношении колоний, надо исходить из этих соображений. Такой критерий должен быть положен в основу при рассмотрении политики США на Арабском Востоке в годы второй мировой войны.

1 января 1942 г. 12 государств торжественно приняли Декларацию Объединенных Наций[100]. Они фактически при-

---

[99] Цит. по кн.: *В. Израелян,* Дипломатическая история Великой Отечественной войны, стр. 28—29.

[100] „Documents on American Foreign Relations, July 1941—June 1942„ vol. IV, Boston, 1942, p. 210.

соединились к «Атлантической хартии», сделав добавление о том, что, во-первых, каждое государство полностью использует свои экономические и военные ресурсы против членов Тройственного пакта — Германии, Италии и Японии, и, во-вторых, будет сотрудничать с подписавшими эту Декларацию государствами и не заключит сепаратного мира с врагом.

Декларацию подписали США, СССР, Англия, Китай, Австралия, Бельгия, Канада, Куба, Коста-Рика, Чехословакия, Доминиканская Республика и Сальвадор[101]. В дальнейшем к ним присоединились другие государства, в том числе и арабские. 16 января 1943 г. Декларацию Объединенных Наций подписал Ирак, 27 февраля 1945 г. — Египет, а 1 марта 1945 г. — Сирия, Ливан и Саудовская Аравия[102].

* * *

Правительство США задолго до начала войны с пристальным вниманием следило за развитием политических событий как во всем мире, так и на Арабском Востоке. В последующие годы, в частности в период второй мировой войны, интерес к арабским странам не только не ослабевал, но, наоборот, все возрастал, что в конце концов привело к самому активнейшему вмешательству США в дела этих стран.

Еще 15 апреля 1939 г. президент Рузвельт обратился со специальным посланием к руководителям фашистской Германии и Италии Адольфу Гитлеру и Бенито Муссолини. Напоминая им, что сегодня миллионы людей живут под постоянным страхом новой войны, Рузвельт спрашивал: «Желаете вы дать гарантии, что ваши вооруженные силы не нападут или не будут вторгаться на территории или владения следующих независимых народов»[103]. Президент перечисляет тридцать государств, в том числе и Ирак, Саудовскую Аравию, Сирию, Палестину и Египет[104]. Он отмечает, что такую гарантию надо дать не только на сегодня, но и на будущее.

Как отнеслись руководители Германии и Италии к посланию Рузвельта? Его послание 16 апреля 1939 г. стало предметом обсуждения между Муссолини и фельдмарша-

---

[101] Там же, стр. 208.

[102] „A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents. 1941—1949", p. 3.

[103] President Roosevelt to the Führer and Chancelor, 15. IV. 1939— DGFP, vol. VI. p. 244.

[104] Там же.

лом Германом Герингом во время визита последнего в Рим. Дуче сам поднял вопрос о послании, или, как они называли, меморандуме Рузвельта. По его мнению, тут возможны были два варианта — либо не придавать ему никакого значения и не отвечать, либо сказать «нет»[105]. Геринг замечает, что от меморандума можно получить такое «впечатление, что Рузвельт страдает начинающейся умственной болезнью»[106] и добавляет, что он лично считает, что Рузвельт не должен быть удостоен ответа руководителей Германии и Италии и что «фюрер желает некоторое время подождать»[107]. Муссолини, соглашаясь с германской стороной, обращает внимание своего партнера на список государств, предложенный Рузвельтом и которым должна быть дана гарантия. Муссолини отмечает, что в список «включены Палестина и Сирия, территория которых находится под юрисдикцией Франции и Британии... Рузвельт, вероятно, не очень ладит с географией»[108].

Трудно сказать, чем объяснить такое упущение со стороны американского президента, включившего в список независимых государств и те арабские страны, которые не являлись таковыми. Ошибку Рузвельта главари фашистских держав демагогически использовали в своих целях, выставляя себя истинными и единственными друзьями арабов, готовыми освободить их от английского и французского империализма и американской плутократии. Так они фактически отвергли предложение президента США.

Политические деятели Соединенных Штатов с неослабевающим вниманием следили за развитием событий на Арабском Востоке, стараясь использовать малейшую возможность для укрепления своего влияния в этом районе. О том, какое большое значение придавал президент Рузвельт этому региону, свидетельствует английский государственный министр на Ближнем Востоке лорд Кейзи, который до своего назначения на этот высокий пост был представителем Австралии в Вашингтоне. Когда премьер-министр Англии Уинстон Черчилль предложил Кейзи занять пост британского государственного министра на Ближнем Востоке, последний встретился с президентом Рузвельтом и сообщил ему о пред-

---

[105] Record of the Conversation between Field Marshal Göring and the Duce, in the Presence of Count Chiano in Rome on April 16, 1939, DGFP, vol. VI, p. 258.

[106] Там же.

[107] Там же.

[108] Там же.

ложении Черчилля[109]. Рузвельт советовал ему дать положительный ответ. «Это великолепно; это даст мне прямую и личную связь с Ближним Востоком, которой прежде я никогда не имел.

Ближний Восток имеет в высшей степени важное значение, большая часть военного снаряжения, поступающего на Ближний Восток, американское, но тем не менее я не имею никакого представления и личной связи с Ближним Востоком»[110]. Рузвельт надеялся, что он сможет воспользоваться личными взаимоотношениями с Кейзи и в какой-то степени поставить их на службу интересам США.

Роль Арабского Востока неоднократно подчеркивалась в донесениях дипломатических представителей США в арабских странах. Генеральный консул США в Бейруте Ингерт 14 мая 1941 г. сообщал государственному секретарю США Корделу Хэллу, что он имел встречу с французским верховным комиссаром в Сирии и Ливане и заявил ему, что США проявляют растущий интерес к ближневосточным проблемам[111].

О политическом значении Арабского Востока и необходимости упрочения позиций США в арабских странах писал в своих сообщениях также посол США в Египте Кирк[112].

Глава внешнеполитического ведомства США Кордел Хэлл, как правило, соглашался с идеями и практическими шагами, предпринимаемыми дипломатическими представителями США в Египте, Ираке, Саудовской Аравии, Сирии и Ливане. Хэлл с исключительной добросовестностью докладывал о содержании этих донесений президенту Франклину Рузвельту и тот очень часто вносил коррективы в свою политику, исходя из предложений американских представителей на Арабском Востоке.

Арабский Восток занимал столь большое место в общей политике США, что американская пресса открыто выдвинула необходимость дальнейшего укрепления политического успеха США в арабских странах. Американская газета «Нью-Йорк таймс» в период осуществления высадки американских войск в Северной Африке, писала, что «арабы Африки и Ближнего Востока составляют фон нынешней кампании», и

---

[109] Lord Casey, Personal Experience, p. 94.

[110] Там же, стр. 95.

[111] The Consul General at Beirut (Engert) to the Secretary of State 14. V. 1941—FRUS DP, 1941, vol. 111, p. 706.

[112] The Minister in Egypt (Kirk) to the Secretary of State, 18. I. 1943, FRUS DP, 1943, vol. IV, Washington, 1964, p. 857.

если удастся полностью перетянуть их, т. е. арабов, на сторону США, то «вся обстановка в Средиземном море изменится кардинальным образом, и наше правительство обеспечит себе политический успех, столь же внушительный, как военная победа»[113].

Для понимания всех аспектов внешней политики США на Арабском Востоке исключительное значение имеет меморандум руководителя ближневосточного отдела Государственного департамента США Эллинга государственному секретарю Корделу Хэллу. Ценность этого меморандума в том, что в нем выдвинуты не частичные вопросы американской политики в отношении арабских стран, а охвачены все стороны, как политические, так и военные и экономические. Ни в одном документе не изложены так подробно цели американской внешней политики на Арабском Востоке, как в меморандуме Эллинга.

Меморандум датирован 8 мая 1942 года. Эллинг, имея в виду положение на Ближнем Востоке, предлагал направить туда одного американского высокопоставленного деятеля, который установил бы свою штаб-квартиру в Каире[114].

Эллинг пишет, что интересы США на Ближнем Востоке составляют три элемента — политический, военный, экономический. В меморандуме изложены главные цели США по каждому из этих «элементов».

В разделе меморандума «Политические интересы» говорится: «В результате военных поражений Британии ее престиж на Среднем и Ближнем Востоке пал. Наш собственный престиж в этом районе, однако, остается высоким, поскольку местное население понимает, что мы не имеем территориальных претензий или имперских планов»[115]. Эллинг отмечает, что ежедневно возникают много политических вопросов, которые касаются американских интересов, и поэтому есть большая и растущая необходимость в координации американской политики[116].

Хотя в меморандуме, в разделе «Политические интересы», не выдвигается конкретный план политических акций или же политического переустройства всего средне- и ближневосточного, в том числе и арабского региона, но тем не

---

[113] „New York Times", 26. XI. 1942.

[114] Memorandum by the Chief of the Division of Near Eastern Affairs (Alling) to the Secretary of State, 8. V. 1942—FRUS DP, 1942, vol. IV, Washington, 1963, p. 76.

[115] Там же.

[116] Там же.

менее на первом месте стоит вопрос, как воспользоваться пошатнувшимся положением Англии и, играя на «антиимпериалистических» лозунгах, усилить свои позиции, а при возможности даже занять место Англии на Ближнем и Среднем Востоке. Весьма примечательно и замечание Эллинга, что на Ближнем Востоке ежедневно возникает много политических вопросов, затрагивающих интересы США. Это свидетельствует о том, что к началу 1942 г. позиции США на Арабском Востоке укрепились настолько и носили такой разносторонний и сложный характер, что даже, по выражению самого Эллинга, стало необходимо координировать политику США.

В разделе «Военные интересы» руководитель ближневосточного отдела характеризует Ближний Восток как один из важных театров современной войны. По его мнению, Ближний Восток, в том числе и арабские страны, могут сыграть решающую роль в поражении Германии, Италии и Японии[117]. Отсюда и важность для США сохранения и поддержания сильных и стабильных позиций на Ближнем Востоке.

И, наконец, в третьем разделе меморандума обосновывается экономическая заинтересованность США в этом районе. Эллинг отмечает, что экономические интересы требуют обеспечить получение дефицитных материалов и развитие нефтяных промыслов в Бахрейне и районе Персидского залива[118]. Бесперебойное поступление в США дефицитного и стратегического сырья являлось одной из главных задач американского правительства. Американские монополии стремились удовлетворить свои потребности за счет вывоза необходимого сырья из ближневосточных стран. Поэтому они ревностно следили за положением на Ближнем и Среднем Востоке, стараясь предотвратить переход этих материалов в чужие руки.

Эллинг, далее, говоря об экономических интересах США на Ближнем Востоке, указывает на ответственность США в деле удовлетворения экономических потребностей местного населения ближневосточных стран[119]. Последнее они осуществляли вместе с Англией. Исходя из этого было решено учредить американское представительство при Ближневосточном центре снабжения в Каире[120].

Учреждение американского представительства, как бу-

---

[117] Там же, стр. 77.

[118] Там же.

[119] Там же.

[120] Там же.

дет показано ниже, было скорее выражением американо-английского соперничества, чем совместного сотрудничества. США не хотели допустить укрепления позиций Англии в странах Ближнего, в том числе и Арабского Востока путем одностороннего снабжения. Будучи экономически сильны, США стремились использовать Ближневосточный центр снабжения как один из каналов укрепления своих собственных экономических позиций.

Резюмируя, Эллинг еще раз подчеркивает: «Из вышеизложенного ясно, что наши политические, военные и экономические интересы на Ближнем Востоке имеют первостепенное значение»[121].

Появление меморандума Эллинга не было частной инициативой самого автора. Составление такого документа диктовалось необходимостью обобщить первые итоги американской политики в начальной стадии войны и начертать дальнейшее ее направление на всем Ближнем Востоке. Ценность документа, повторяем, заключается в том, что в нем впервые четко изложены все аспекты внешней политики США и раскрыто содержание американских политических, военных и экономических интересов в арабском мире и других частях Ближнего и Среднего Востока.

Меморандум Эллинга, вместе с другими официальными документами внешней политики США, является лучшим опровержением точки зрения тех буржуазных авторов, которые пытались доказать, что у США во время войны 1939—1945 гг. не было никаких политических интересов на Арабском Востоке и что они ставили перед собой исключительно военные цели.

В свете вышеизложенных документов можно считать несостоятельным тезис о политическом индифферентизме США.

Политика США на Арабском Востоке в годы второй мировой войны в основном преследовала те цели, которые изложены в меморандуме Эллинга от 8 мая 1942 г.

* * *

В общей политике США на Арабском Востоке большое место занимали военно-стратегические вопросы. Как было отмечено, США стремились предотвратить захват Ближнего и Среднего Востока фашистскими государствами. Но в первый период войны они не имели на Ближнем Востоке собственных вооруженных сил. Главная военная сила, противостоящая германо-итальянской опасности на Ближнем Вос-

[121] Там же, стр. 78.

токе и в Северной Африке, была английская армия. Поэтому США согласились в марте 1942 г. считать Ближний и Средний Восток зоной английской стратегической ответственности[122]. На этой базе сложились весьма странные взаимоотношения между США и Англией. Дело в том, что Соединенные Штаты, соглашаясь признать Англию ответственной за стратегическую безопасность стран Ближнего и Среднего Востока, не отказались от собственных планов в отношении этого региона. Снабжая Англию необходимым военным снаряжением: танками, самолетами, артиллерией и другими видами оружия, — США стремились использовать английскую армию для достижения собственных военно-политических целей.

Англия же со своей стороны надеялась использовать американскую военную помощь для осуществления своих военно-политических планов — предотвращения захвата Ближнего и Среднего Востока Германией и Италией и сохранения господствующих имперских позиций. Так возникла политика союза и соперничества между США и Англией.

В американских военно-политических кругах всегда акцентировалось большое военно-стратегическое значение Ближнего Востока, поскольку считалось, что тот, кто имеет господствующее положение на Ближнем и Среднем Востоке, может укрепить свое влияние в Азии и Африке, во всем бассейне Средиземноморья и в районе Персидского залива.

В мае 1941 г. Ирак посетил капитан Джеймс Рузвельт, один из сыновей Рузвельта. После возвращения в США он имел обстоятельную беседу с отцом и представил ему подробнейший доклад о своей миссии. В докладе подчеркивается исключительное «военное и экономическое значение Ближнего Востока»[123]. Джеймс Рузвельт обращает внимание на падение престижа Великобритании в арабских странах[124]. По его мнению, у населения арабских стран наблюдалась плохо скрытая ненависть к британцам. Нетрудно понять смысл замечания капитана Джеймса Рузвельта о падении авторитета Англии и ненависти арабских масс к ней. Здесь, как и в других аналогичных сообщениях, еще и еще раз делается попытка обосновать необходимость активного вмешательства США в дела арабских стран и использования

---

[122] *Л. Поздеева,* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. 1941—1945 гг., М., 1969, стр. 392.

[123] Jacques Benoîs-Méchin, Arabian Destiny, p. 218.

[124] Там же.

пошатнувшегося положения Великобритании для укрепления позиций самих Штатов.

Ту же мысль высказывает глава американской экономической миссии на Ближнем Востоке Лэндис. Он особенно акцентирует на военно-стратегическом значении Ближнего Востока в мировой политике США. «Безопасность Ближнего Востока, — говорил Лэндис, — необходима для мировой безопасности и чрезвычайно важна для всех коммуникаций. Каир имеет такое же значение для авиации, как Суэцкий канал для судоходства»[125]. По его мнению, США имели наилучшие шансы обосноваться на Ближнем Востоке, «так как жители Ближнего Востока не боятся Соединенных Штатов, знают американскую традицию невмешательства и знают также, что Соединенные Штаты не имеют на Ближнем Востоке территориальных притязаний»[126]. В данном случае мы вновь сталкиваемся с антинаучным тезисом об «антиколониализме» и «антиимпериализме» США, который использовали апологеты американского империализма, чтобы облегчить проникновение американского империализма в колонии и переманить народы этих стран на свою сторону.

Конечно, Франклин Рузвельт и другие руководители США и без этих докладных понимали исключительную важность сохранения в своих руках Ближнего и Среднего Востока. В течение первой половины 1942 г. Рузвельт и его ближайшие советники тщательно и подробно рассмотрели все аспекты ближневосточной политики США. Результатом их многодневных консультаций и обсуждений явился меморандум Рузвельта от 16 июля 1942 г. Гарри Гопкинс, генерал Маршалл и адмирал Кинг с этим документом отправились в Англию для обсуждения ближневосточного вопроса с британским правительством[127].

В меморандуме, наряду с другими важными вопросами, связанными с ведением войны, большое место занимали проблемы политики США на Ближнем и Среднем Востоке. Рузвельт считал, что «Средний Восток следует удерживать по возможности прочно» и что потеря Среднего Востока означает «1) потерю Египта и Суэцкого канала; 2) потерю Сирии; 3) потерю мосульских нефтепромыслов; 4) потерю Персидского залива»[128]. Помимо этого, захват Средне-

---

[125] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 3998, л. 32.

[126] Там же.

[127] *Р. Шервуд,* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. перевод с англ., т. 2., М., 1958, стр. 233.

[128] Там же, стр. 235.

го Востока фашистскими державами даст возможность соединиться германским и японским силам и может стать причиной потери Индийского океана, оккупации немцами Туниса, Алжира, Марокко, создаст серьезную угрозу судоходству в южной части Атлантического океана, Бразилии и всему побережью Южной Америки[129]. Президент поручил Гопкинсу, Маршаллу и Кингу определить, «какими наилучшими способами можно удержать Средний Восток»[130]. При этом он отмечает, что тут возможны или один из двух вариантов или оба вместе: либо отправить воздушные и сухопутные силы к Персидскому заливу, в Сирию и Египет, либо организовать «новую операцию в Марокко и Алжире, рассчитанную на удар в тыл армиям Роммеля»[131].

Из меморандума видно, какое большое место занимал Средний Восток в военно-стратегических планах США и какое важное значение придавалось ему в решении исхода войны[132].

Соединенные Штаты в период войны постепенно, шаг за шагом усиливают свои военные позиции на Ближнем Востоке, все активнее вмешиваясь в организацию обороны этого региона. Примечательно, что американцы стараются создать свои самостоятельные, отдельные военные организации разного характера, параллельно и независимо от существующих английских.

Уже осенью 1941 г. США пришли к выводу о необходимости направить военные миссии на Ближний Восток. Одну, так называемую Североафриканскую, в задачу которой входило обеспечение быстрой доставки вооружения английским военным частям на Ближнем Востоке, возглавлял генерал Максвелл. Сфера ее деятельности распространялась на район Красного моря, Египет, Палестину, Трансиорданию и Сирию. Ее местопребыванием был город Каир[133].

Руководителем второй, так называемой Иранской военной миссии, которая находилась в Басре (Ирак), был генерал Уилер. Она ведала вопросами, связанными с поставками материалов Советскому Союзу через Персидский залив,

---

[129] Там же.

[130] Там же.

[131] Там же, стр. 236.

[132] После длительных и трудных переговоров было достигнуто соглашение между США и Англией о высадке американских и английских войск в Северной Африке не позднее ноября 1942 г.

[133] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 234, л. 161, ед, хр. 235, л. 20.

Ирак и Иран[134]. В ноябре 1941 г. эти миссии уже приступили к выполнению своих задач. Сюда входило строительство складов, доков, подъездных путей, посадочных площадок для самолетов, наблюдение за нормальным осуществлением поставок по «ленд-лизу» и т. д.[135].

Решение американского правительства о посылке двух военных миссий объясняется, с одной стороны, тем, что оно не желало оставлять решение всех военных вопросов в ведении Великобритании и всячески укрепляло свое влияние в арабских и других странах Ближнего и Среднего Востока, с другой стороны, оно боялось, что Советский Союз продержится недолго и немцы смогут вторгнуться на Ближний Восток со стороны Кавказа. Военно-политические руководители США хотели воспользоваться тем, что Советский Союз пока оказывает сопротивление Германии, и выиграть время для укрепления обороны Ближнего Востока.

Военный министр США спустя два дня после нападения Германии на СССР представил президенту свои соображения о политике США в связи с новой обстановкой. Министр и его военные эксперты считали, что «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России»[136]. В течение этого времени Германия, по мнению военного министра, должна совсем оставить или отсрочить ряд мероприятий, среди которых и «всякую попытку обойти правый фланг англичан в Египте через Ирак, Сирию или Иран, а также, вероятно, планы нажима в Ливии и на Средиземном море»[137]. Считая, что война Германии против СССР дала США «непредвиденную и драгоценную передышку», он предлагал использовать эту передышку «для самых энергичных мер на атлантическом театре военных действий»[138]. Надо быстро воспользоваться ситуацией, «прежде чем Германия высвободит ноги из русской трясины»[139].

Почти в аналогичном духе высказывался посланник США в Египте Кирк в своем обращении к Корделу Хэллу: «Следует использовать все преимущества, которые создает концентрация нацистов на Востоке, не полагаясь при этом

---

[134] Там же.

[135] Там же.

[136] *Р. Шервуд*, Рузвельт и Гопкинс, т. 1, М., 1958, стр. 495.

[137] Там же.

[138] Там же.

[139] Там же, стр. 496.

на силу и продолжительность советского сопротивления»[140].

В начале войны основное внимание американцев было сосредоточено на атлантическом театре военных действий, Ближний Восток отодвигался на второй план. Но постепенно в американских военно-политических кругах стали поговаривать о ближневосточном, в том числе и арабском регионе, считая, что надо воспользоваться сопротивлением Советской Армии немецким захватчикам для организации обороны арабских стран. Этот вопрос неоднократно обсуждался на страницах американской печати, особенно после решения Белого дома о прямой доставке самолетов из США в Африку, главным образом в Египет. Газета «Нью-Йорк таймс» 21 августа 1941 г. писала, что немцы, наступая в районе Черного моря, готовятся к вторжению на Кавказ. Но, пишет газета, «еще есть время задержать их в Иране и на турецкой границе. Однако это требует решительного применения силы. Новый путь доставки самолетов будет служить линией снабжения для новых важных фронтов войны»[141].

Обозреватель газеты «Вашингтон пост» Линдлей писал, что пока Германия занята на советском фронте, Англия имеет возможность сосредоточить достаточно крупные силы, чтобы остановить немцев на Ближнем и Среднем Востоке. Но «англичане могут лишь создать затруднения немцам на Среднем Востоке и организовать нападение на их фланг, если сопротивление русских будет продолжаться и в будущем году»[142].

Таким образом, в первый период после нападения Германии на СССР у американцев почти безраздельно господствовало неверие в боеспособность Советской Армии и они спорили лишь о сроках поражения Советского Союза. Даже в 1942 г. у руководителей США еще не было уверенности в победе Советского Союза и они допускали возможность поражения СССР. Рузвельт в упомянутом уже выше меморандуме от 16 июля 1942 г., давая инструкции Гопкинсу, Маршаллу и Кингу, говорил о тех последствиях, которые могли бы быть при поражении Советского Союза. «Если Россия потерпит крах, — писал Ф. Рузвельт, — и это высвободит германские воздушные и сухопутные силы, операцию «Раундап», возможно, не удастся осуществить в 1943 г.». И далее: «Средний Восток следует удерживать по возможности

---

[140] The Minister in Egypt (Kirk) to the Secretary of State, FRUS DP, 1941, vol. III, p. 279—280.

[141] „New York Times", 21. VIII. 1941.

[142] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 234, л. 111.

прочно, независимо от того, потерпит Россия крах или нет»[143].

Эти соображения легли в основу решения правительства США ускорить укрепление обороны Арабского Востока. Туда начали поступать все в большем и большем количестве американские самолеты, танки и другое военное снаряжение. Энергично действовали американские Североафриканская и Иранская военные миссии. Широкий размах получило строительство военных объектов. Так, в октябре 1941 г. под Каиром завершилось сооружение одной из важных авиационных баз на Ближнем Востоке, которая находилась в совместном пользовании США и Англии. Строительство аэропорта обошлось в 250 тысяч долларов и было закончено в рекордно короткий срок 5 тыс. рабочими[144].

Однако арабские и другие ближневосточные страны были спасены от немецко-фашистского вторжения благодаря тому, что СССР, один на один при отсутствии второго фронта выстоял в невиданно тяжелой борьбе и в конце 1942 г. — начале 1943 г., блестяще осуществив одну из грандиозных операций в истории войн — Сталинградскую, перешел в наступление и до конца войны не упускал из своих рук стратегическую инициативу. Немецко-фашистские войска не смогли прорвать линию обороны на Кавказе и выйти прямо к подступам Ближнего и Среднего Востока.

Американо-английское военное сотрудничество на Арабском Востоке протекало негладко. Между американо-английскими союзниками периодически возникали разногласия и часто происходили трения. Американская сторона обвиняла Англию в том, что она использует поставки по «ленд-лизу» на Ближнем и Среднем Востоке не для достижения общесоюзнических задач, а в корыстных целях, «в целях усиления своих торговых и политических позиций»[145].

Другим поводом для размолвки между США и Англией служило то обстоятельство, что, по мнению американского военного командования, Англия не умела эффективно пользоваться американским оружием[146].

Большие разногласия между США и Англией в начале 1943 г. вызвал вопрос о главнокомандующем вооруженными силами на Ближнем Востоке. На этот важный пост претендовали обе страны.

---

[143] *Р. Шервуд*, Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 235.

[144] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп 1, ед. хр. 1374, л. 255.

[145] *Л. Поздеева*, Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1941—1945 гг., стр. 394—395.

[146] *R. Casey*, Personal Experience, 1939—1946, p. 73.

В результате было принято компромиссное решение — каждая страна назначала своего главнокомандующего. С английской стороны главнокомандующим стал бывший командующий английскими вооруженными силами в Ираке и Иране генерал Вильсон. Ему подчинялись английские вооруженные силы, дислоцированные в Палестине, Сирии, Ливане, Ираке и Иране[147].

Правительство США возложило обязанности главнокомандующего всеми вооруженными силами США на Ближнем Востоке на генерал-майора Бреретона[148].

За спором о посте главнокомандующего вооруженными силами на Ближнем Востоке скрывались политические мотивы. Именно политические соображения не позволили союзникам договориться об общем командующем, потому что каждая сторона ясно сознавала, что главнокомандующий, в силу своей должности, может оказать большое политическое влияние на страны Ближнего и Среднего Востока.

К этому времени США и Англия смотрели уже в будущее и каждая из них вынашивала собственные планы послевоенного устройства Арабского Востока. Видные американские политические деятели все чаще и чаще обращали внимание американского правительства на цели и задачи послевоенной политики США на Ближнем и Среднем Востоке. В январе 1945 г., выступая на собрании, организованном торговой палатой штата Нью-Йорк и «Национальным советом внешней торговли», председатель специальной экономической миссии правительства США на Ближнем Востоке, во Французской Северной Африке и в Италии Калбертсон заявил, что «национальные интересы Соединенных Штатов требуют, чтобы США оказали влияние на развитие устойчивости и безопасности в этом районе»[149]. Далее он говорил о важном политическом, стратегическом и экономическом значении Ближнего Востока. «Ближний Восток, — продолжал Калбертсон, — великая мировая столбовая дорога»[150]. Отмечая, что великие державы имеют там огромные интересы, Калбертсон признается, что и у США имеются свои интересы и призывает еще больше укрепить позиции на Арабском Востоке.

Заслуживает внимания также доклад двух американских сенаторов об интересах США на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Сенатор-демократ Таннел (от штата Де-

---

[147] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1374, л. 58.

[148] Там же.

[149] Там же, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4636, л. 5.

[150] Там же.

лавар) и сенатор-республиканец Бартон (от штата Огайо) с 28 декабря 1944 г. по 18 января 1945 г., совершая поездку по Северной Африке и Ближнему Востоку, имели многочисленные встречи с местными государственными и политическими деятелями, с представителями военных и деловых кругов. Они представили сенату США доклад о результатах поездки и выдвинули ряд практических предложений. В докладе, наряду с экономическими вопросами, о которых речь пойдет ниже, ставился вопрос защиты интересов США в послевоенный период. Авторы доклада считали необходимым, чтобы «Соединенные Штаты определили ясную политику для руководства гражданскими агентствами и вооруженными силами для защиты и развития интересов Соединенных Штатов, особенно когда военный этап американской оккупации закончится и начнется мирный этап»[151].

Сенаторы подчеркивали, что «определение политики США в послевоенный период стало настоятельной необходимостью, иначе будет нанесен ущерб американскому престижу и сократятся выгоды от затрат, сделанных в военное время»[152].

Сенаторы, представлявшие собой подкомиссию сената, расследующую вопрос о базах, нефти и других проблемах в Северной Африке и на Ближнем Востоке, особо обращали внимание на сохранение и расширение прав США на заморские военные базы, вследствие ценности этих баз после войны[153].

Таким образом, США подходили к проблеме Ближнего Востока не только и не столько из интересов текущей политики, а преследовали далеко идущие политико-стратегические задачи, которые хронологически не ограничивались рамками второй мировой войны.

В непосредственной связи с военно-политическими находились вопросы американской экономической политики на Арабском Востоке.

Одной из главных целей американской внешней политики на Арабском Востоке в 1939—1945 гг. было обеспечение благоприятных условий для деятельности американского капитала. Это было связано с определенными трудностями, так как на арабских рынках доминировали английские мо-

---

[151] Там же, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 3998, л. 39.

[152] Там же.

[153] Там же, л. 38.

нополистические объединения. Англия заключила ряд экономических соглашений с местными арабскими правителями, которые обеспечивали ей более выгодные позиции по сравнению с другими странами. Ликвидация искусственных препятствий, созданных английским правительством на пути проникновения неанглийского капитала, стала первостепенной задачей американских монополистических объединений. И правительство США весьма энергично требовало уничтожения искусственных барьеров и провозглашения принципа свободной конкуренции.

Мы уже упоминали, что во время американо-английских переговоров в августе 1941 г. президент США Ф. Рузвельт открыто выступал за свободу торговли, настаивая на ликвидации всех искусственных барьеров и на денонсации экономических соглашений, «предоставляющих одним государствам преимущества перед другими»[154].

Лейтмотивом американской экономической политики становится принцип «открытых дверей для здоровой конкуренции». Но как раз с принципом открытой конкуренции не хотела соглашаться Англия, считая, что это подорвет основы британской империи. И вопрос об экономической политике «открытых дверей» стал одним из серьезных причин американо-английских противоречий на Арабском Востоке в годы второй мировой войны. Как правильно подмечает Дж. Кирк, «стремление американцев к политике «открытых дверей» для экспорта своих товаров на Ближний Восток противоречило надеждам англичан»[155].

США надеялись, что в открытой схватке за рынки ближневосточных стран они выйдут победителями. Американская уверенность основывалась главным образом на производительной мощности американской экономики, наличии свободных капиталов и низких ценах американских товаров. Египетский журнал «Ал-Муссавар» в своем августовском номере за 1944 г., обращая внимание на торговое и экономическое соперничество между США и Англией на всем Ближнем Востоке, отмечал, что в этом соперничестве американцы выступают, «вооруженные деньгами, большой производительной мощностью и низкими ценами»[156]. А что касается Англии, то, по мнению египетского журнала, козырем

---

[154] *Э. Рузвельт,* Его глазами, стр. 51.

[155] *G. Kirk.* The Middle East in the War, p. 24.

[156] «Ал-Муссавар», Каир, август 1944.

в руках Англии являются договорные обязательства «в виде традиционной дружбы между Англией и властями ближневосточных стран, правительственных мероприятий в этих странах, посредством которых английские интересы будут поставлены выше интересов других стран»[157].

В борьбе против экономического нажима американского капитала на Арабском Востоке Англия опиралась на разного рода соглашения, заключенные с Египтом и Ираком, и использовала свои права и «обязанности» мандатария в отношении Палестины и Трансиордании, стремясь сохранить свои экономические преференции.

Другой причиной американо-английских разногласий было существование стерлинговой зоны, куда входили почти все арабские страны. С помощью стерлинговой зоны Англия сосредоточила в своих руках все валютные запасы арабских стран и лишила их возможности вести торговлю и совершать экономические операции непосредственно с США. По утверждению Дж. Кирка, США рассматривали стерлинговую зону как «искусственное приспособление для ограничения американской конкуренции»[158].

И когда Рузвельт во время встречи с Черчиллем в августе 1941 г. говорил о ликвидации всех искусственных барьеров на пути свободной конкуренции, он имел в виду и стерлинговую зону.

Руководитель американских экономических операций на Ближнем Востоке Лэндис представил Рузвельту специальный доклад, который Бенуа-Мешин называет «Библией Белого дома» по вопросам ближневосточной политики США. Лэндис, характеризуя стерлинговую зону как «поношеный инструмент британского господства», предлагал Рузвельту «обойти стерлинговый блок путем установления непосредственного обмена с арабскими странами»[159].

На необходимости расширения американской торговли и формах обхода искусственных экономических барьеров настаивали уже упомянутые выше сенаторы Таннел и Бартон. В своем докладе они требовали, чтобы Соединенные Штаты целиком воспользовались возможностями, которые открываются для торговли на Ближнем Востоке, и указывали, что «если Соединенные Штаты не примут необходимых мер теперь, то после войны они могут быть полностью уст-

---

[157] Там же.

[158] *D. Kirk.* The Middle East in the War, p. 24.

[159] *J. Benois-Mechin.* Arabian Destiny, p. 229.

ранены от торговли на Ближнем Востоке, вследствие заключения договоров между другими крупными державами и малыми странами в районе Средиземного моря и Ближнего Востока»[160].

В своих рекомендациях сенаторы Таннел и Бартон предлагали правительству США заключить торговые соглашения с арабскими и другими странами Ближнего Востока, предоставить им необходимый кредит, а государственному департаменту — усилить свою поддержку различным американским гражданским агентствам, действующим в зарубежных странах[161].

Для усиления своих позиций на Арабском Востоке США пытались использовать Ближневосточный центр снабжения. Он был учрежден Великобританией в 1941 г. и его первым председателем был английский государственный министр на Ближнем Востоке Оливер Литтлтон[162].

Создание центра снабжения стало необходимым, так как в результате войны ближневосточные страны лишились традиционных источников многих товаров. В этих странах создалось тяжелое экономическое положение. Великобритания вынуждена была покрыть часть потребностей экономики арабских и других ближневосточных стран в продовольствии, сырье и т. д. из своих фондов. Но она сама была в тяжелом положении, и после установления американо-английского сотрудничества в годы войны США начали принимать участие в поставках товаров. Это сделало необходимым прямое участие США в Ближневосточном центре снабжения (БВЦС) и превращение его в совместную американо-английскую организацию. В 1942 г. США официально вошли в состав БВЦС.

Государственный секретарь Кордел Хэлл, поставив в известность дипломатических представителей США в арабских странах о решении правительства США вступить в БВЦС, объяснял, что это стало необходимым «для ликвидации беспорядков и дубликации усилий, которые случались в прошлом вследствие сепаратных действий американских и английских властей в их попытках удовлетворить гражданские нужды ближневосточных стран»[163].

Соединенные Штаты в БВЦС назначили военных и граж-

---

[160] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. кр. 3998, л. 39.

[161] Там же.

[162] *Lord Casey*, Personal Experience, 1939—1946, p. 129.

[163] The Secretary of State to the Chargé in Iraq (Farrell), 6. V. 1942, FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 344.

данских представителей. Кроме того они имели своих представителей по линии БВЦС в каждой арабской стране[164].

Уже из сообщения государственного секретаря видно, что США не хотели оставить такой важный вопрос, как обеспечение гражданских нужд населения арабских и ближневосточных стран, исключительно в ведении Англии. Они хотели покончить с сепаратными действиями Англии и, принимая участие в БВЦС, иметь возможность контролировать деятельность последней.

Решив вступить в БВЦС, США преследовали две главные цели: первая — использовать этот орган для расширения своих экономических позиций и ограничить влияние и роль Англии в снабжении ближневосточных стран и вторая — превратить центр снабжения в орудие для усиления уже достигнутого политического влияния не только в отдельных странах, но и на всем Ближнем Востоке в целом[165].

Первым американским представителем в БВЦС стал сотрудник государственного департамента США Фредерик Вайнант. В сентябре 1943 г. его заменил бывший декан школы правоведения при Гарвардском университете Джеймс Л. Лэндис. В заявлении Белого дома говорилось, что Ф. Рузвельт назначил Лэндиса руководителем американских экономических операций на Ближнем Востоке и главным американским гражданским представителем при БВЦС в ранге посланника[166]. А Фреду Вайнанту было поручено руководить в Вашингтоне работой по вопросам снабжения Ближнего Востока. По решению государственного департамента в сферу деятельности Вайнанта и Лэндиса входили Египет, Абиссиния, Ирак, Саудовская Аравия, Сирия и Ливан[167].

Фактически президент Ф. Рузвельт дал Лэндису такой же статут, который имел английский государственный министр на Ближнем Востоке. Тем самым президент хотел подчеркнуть то большое значение, которое он придает Ближнему Востоку, и нежелание США отстать в чем-либо от Великобритании.

Эту политику неукоснительно проводил и сам Лэндис. Начнем с того, что он в первом своем интервью поставил вопрос об увеличении американского штата в БВЦС. «В Каире (т. е. БВЦС. — *Н. О.*), заявил Лэндис, занято свыше

---

[164] Там же.

[165] Memorandum by Frederik Vinant to Acheson. 17. V. 1942, FRUS DP, 1942, vol. IV., p. 11—12.

[166] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1374, л. 233.

[167] Там же.

200 англичан, а американцев имеется всего 18 человек»[168].

До войны ближневосточные страны ежегодно ввозили почти 5 млн. тонн различных товаров из Англии, Франции, Германии, Италии, Чехословакии и других стран.

По сообщению американского бюро военной информации, за два года существования Ближневосточного центра снабжения, т. е. за 1941—1943 гг., США и Англия доставили на Ближний Восток около 1600 тыс. тонн различных товаров, в том числе 600 тыс. тонн пшеницы, 200 тыс. тонн удобрений, 47 тыс. тонн хлопчатобумажных товаров, 147 тыс. тонн сахара и 636 тыс. тонн других товаров[169].

Английский государственный министр Кейзи, отмечая, что импорт в ближневосточные страны сократился с 5 млн. тонн до 1 млн. тонн, объясняет такое резкое сокращение невиданным ростом поставок военных материалов, главным образом из США[170]. По меткому выражению Кейзи, американские военные поставки хлынули вовремя на Ближний Восток, чтобы вооружить и обмундировать Восьмую армию для ее продвижения на Запад в ноябре месяце»[171].

Лэндис в многочисленных публичных выступлениях перед различными аудиториями арабских стран не переставал указывать на большое значение Ближнего Востока в общей глобальной политике США и на намерения США увеличить свой экспорт в арабские страны. В декабре 1944 г., прибыв в Бейрут, Лэндис устроил пресс-конференцию в американском информационном бюро. Перед многочисленными журналистами Лэндис заявил, что США придают большое значение экономическим вопросам арабских стран и будут увеличивать свой экспорт в эти страны. «Интерес США к Ближнему Востоку, — отметил руководитель американской экономической миссии на Ближнем Востоке, — беспрестанно возрастает»[172].

При этом он не скрывал, что США будут вести борьбу за арабские рынки и конкуренция их не пугает. «Я лично полагаю, — заявил Лэндис, — что после войны в нашей торговле с Ближним Востоком будет играть роль конкуренция и что в международной торговле будет установлен режим свободного обмена между народами. Таким образом, все-

---

[168] Там же.

[169] Там же, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1374, л. 144.

[170] Lord Casey, Personal Experience, 1939-1946.

[171] Там же.

[172] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 3108, л. 136.

препятствия, которые мешают обмену, будут устранены»[173].

Последняя часть заявления Лэндиса явно была направлена против английской политики преференций и особых соглашений.

Было ясно, что США стоят за самое широкое экономическое проникновение в арабские страны. Это вызвало беспокойство у арабов за судьбу их национальной промышленности. И не случайно один из корреспондентов, присутствовавший на пресс-конференции, спросил Лэндиса, «какова же будет судьба промышленности Ближнего Востока, если все промышленные товары будут ввозиться из-за границы»[174]. На это Лэндис, с предельной откровенностью заявил, что «промышленность Ближнего Востока не имеет никакого будущего ввиду того, что после войны при системе свободного обмена и конкуренции иностранные товары, и особенно американские, которые являются лучшими по качеству и более дешевыми, не дали бы возможности этой промышленности процветать»[175].

В заявлении Лэндиса отчетливо проявились две основные стороны экономической политики американского империализма — а) опираясь на военно-экономическую мощь США, вытеснить конкурентов из арабских рынков и б) не дать развиваться молодой и слабой промышленности арабских стран.

Американо-английское сотрудничество в рамках Ближневосточного центра снабжения не проходило гладко и не могло продолжаться долго. Принимая участие в работах БВЦС, американские эксперты имели возможность детально ознакомиться с положением вещей и обнаружить, какой строгий контроль установила Англия над торговлей с арабскими странами. Американские деятели, конечно, и до этого знали об английском контроле, но пределы этого контроля и степень влияния английских специальных соглашений, навязанных арабским странам, на ограничение свободной торговли стали ясны во всех деталях лишь после вступления США в БВЦС и его превращения в совместный американо-английский орган.

Упорные споры разгорелись и вокруг стерлингового блока. Как мы отмечали, большинство арабских стран были включены в этот блок. Наличие стерлингового блока под единственным и строгим контролем Великобритании явилось

---

[173] Там же.

[174] Там же, л. 135.

[175] Там же.

серьезным препятствием на пути расширения торговли США на Арабском Востоке.

Представители деловых кругов США критиковали политику Англии в вопросе торговли и требовали отказа от замкнутого стерлингового блока и перехода на принципы свободной торговли. Лэндис, последовательный противник английской политики ограничительных мер, осудил в начале 1945 г. Англию за ее политику «установления финансового контроля над так называемым «стерлинговым районом», прямо противоречащим американской политике свободы торговли»[176].

Американо-английские противоречия, будучи выражением борьбы за господство на Ближнем и Среднем Востоке, естественно, не могли решиться добровольной уступкой Англии и ее отказом от своих уже завоеванных позиций.

Все это привело к тому, что в самом начале 1945 г. Лэндис отказался от своего поста — руководителя экономической миссии США в Ближневосточном центре снабжения. В дальнейшем США вышли из его состава, и БВЦС перестал существовать[177].

Таким образом, в годы второй мировой войны постепенно оформились и выкристаллизовались основные цели внешней политики США на Арабском Востоке. США стремились, во-первых, не допустить захвата Арабского Востока фашистской Германией и Италией и предотвратить возможность соединения германо-итальянских сил с японскими в районе Ближнего Востока и Индийского океана. Во-вторых, усилить свои позиции за счет Англии и Франции. Интересам США не отвечало сохранение старых колониальных империй. В борьбе за подрыв позиций Англии и Франции на Арабском Востоке и их вытеснение из этого региона США пытались играть на антиимпериалистических чувствах арабских народов, выступая в роли «антиколониальной» и «антиимпериалистической» силы.

В-третьих, с усилением политического влияния создались необходимые благоприятные условия для укрепления экономических позиций американского капитала на арабских рынках. Эту политику США проводили под лозунгом «открытых дверей», ликвидации искусственных ограничительных барьеров и провозглашения принципа свободной конкуренции и свободной торговли.

---

[176] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 3998, л. 32.

[177] В политике США на Арабском Востоке в период 1939—1945 гг. большое место занимала проблема нефти, освещение которой не входит в задачи данного исследования.

В-четвертых, США пытались укрепиться на Арабском Востоке и создать сильный плацдарм для наступательной политики в послевоенный период. К середине 1943 г. уже ни у кого не вызывало сомнения поражение Германии и Италии. Франция потерпела военный крах, а Англия сильно ослабла в военно-экономическом отношении и все больше и больше попадала в зависимость от США. Соединенные Штаты оставались единственной сильной державой капиталистического мира. Такая картина послевоенного развития капиталистического мира, а ее контуры ясно были видны американским политическим руководителям уже в 1943—1944 гг., открыла большие перспективы перед США. У них постепенно укрепилась убежденность в том, что США должны играть главную роль в послевоенном мире. Но для этого надо было уже в годы войны создать прочные точки опоры в разных частях мира. В планах американских политических стратегов одной из важных опор послевоенной внешней политики США должен был стать Арабский Восток.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ США, АНГЛИИ, ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ В ЕГИПТЕ

Стратегическое значение Египта общеизвестно. Египет занимает ключевые позиции на перекрестке важных морских, воздушных и наземных линий.

Имея господствующие позиции в Египте, можно приобрести сильное политическое и военное влияние на значительной части африканского и азиатского континентов. Через территорию Египта проходит одна из важнейших международных артерий — Суэцкий канал.

Значение Египта, как важного стратегического узла и страны, имеющей большие экономические возможности, сильно возросло в годы второй мировой войны. Обе воюющие стороны, как Германия и Италия, так и Англия и США, придавали стране, расположенной по обе стороны долины Нила, исключительное значение. Германия и Италия стремились захватить Египет, сломать становой хребет британской империи и открыть широкие просторы для дальнейшего осуществления своих охватывающих почти весь мир стратегических планов. Англия и США старались предотвратить катастрофу в долине Нила, приостановить продвижение фашистских войск в Египте и Северной Африке, сохранить и усилить свои позиции и создать благоприятные военно-стратегические условия для дальнейшего продолжения войны.

Вот почему в годы второй мировой войны, особенно в 1940—1942 гг., Египет стал ареной ожесточенных схваток между германо-итальянской и англо-американской группировками. Египет в этот период занимал большое место как в военной, так и в политико-дипломатической деятельности воюющих стран и фактически являлся одним из важных узловых центров противостояния и борьбы.

В столице Египта Каире разместились все важные во-

сино-политические организации США и Англии на Ближнем Востоке. Здесь находилась ставка главнокомандующего британскими вооруженными силами на Ближнем Востоке, резиденция британского государственного министра на Ближнем Востоке, штаб-квартира Ближневосточного центра снабжения — совместной американо-английской организации, ставка американской Северо-африканской миссии, американская администрация по ленд-лизу и многие другие мелкие и крупные организации.

В 1943 г. в Каире проходила конференция, в которой принимали участие президент США Ф. Рузвельт, премьер-министр Великобритании У. Черчилль, руководитель Китая Чан Кай-ши и президент Турции Исмет Иненю.

Вторая мировая война, начавшаяся в сентябре 1939 г., сразу отразилась на Египте. В этот же день, вечером, посол Англии в Каире Майлз Лэмпсон посетил премьер-министра Египта Али Махера и сообщил ему о начале войны в Европе. Цель посещения британского посла заключалась не в том, чтобы поставить в известность об этом египетского премьер-министра. Он, как и весь мир, в этот же день уже знал о начале войны между Германией и Англией и Францией. Майлз Лэмпсон потребовал от Али Махера выполнения всех обязанностей, вытекающих из англо-египетского договора 1936 г. Этот договор, который назывался договором о союзе, предусматривал взаимную консультацию между странами в случае конфликтов с прочими державами; взаимную помощь «в случае войны, угрозы войны и чрезвычайной международной ситуации». При возникновении такой ситуации Египет обязался предоставить Англии «все находящиеся в его распоряжении возможности и помощь», включая использование его портов, аэродромов и средств сообщения[1].

Во время встречи с Лэмпсоном Али Махер заверил английского посла в готовности своего правительства выполнять свои союзнические обязательства в отношении Англии, вытекающие из договора 1936 г.

1 сентября 1939 г. Египет порвал дипломатические отношения с Германией. Премьер-министр стал военным губернатором, обязанным обеспечить безопасность страны. Лица германского происхождения были арестованы, а на их имущество наложен секвестр[2].

---

[1] «Англо-египетский договор 1936 г. о союзе», «Дипломатический словарь», т. 1, М., 1960, стр. 81.

[2] „Great Britain and Egypt. 1914—1951. Information Papers № 19", London, 1952, p. 60.

Египет был разделен на четыре военные области. Все порты, аэродромы и коммуникации были поставлены в распоряжение Великобритании[3]. Египетская армия взяла на себя охрану Суэцкого канала[4].

Али Махер, 18 ноября 1939 г., выступая на открытии заседания египетского парламента, заявил, что оказание поддержки союзнице Египта Англии не означает, что Египет не желает мира. Союз с Англией обеспечит и укрепит мир на Ближнем Востоке. Отмечая, что Англия вступила в войну, Али Махер подчеркивает, что в такой ситуации «Египет не может поступить иначе, как выполнить свои обязанности, и он сделает это без колебания, верный данному слову... Наш союзник, таким образом, получит от нас всякую возможную помощь»[5].

Вся египетская экономика была поставлена на удовлетворение военных потребностей Англии, а затем и США. Кроме того, Англия использовала египетские авуары. Египтяне, как отмечает Ахмед Хусейн, испытывали больше лишений и перенесли больше нужд в Египте, чем англичане в своей стране[6].

До середины 1940 г., когда в войну вступила Италия, над Египтом непосредственно не висела военная опасность. Война в основном шла в Европе, вдали от Египта, и египтяне о ней судили в основном по сообщениям информационных органов.

Но за этот промежуток времени, с сентября 1939 г. по июнь 1940 г., в период сравнительного затишья, Германия и Италия не упускали из виду Северную Африку, Ближний и Средний Восток, в том числе и Египет. Между руководителями Германии и Италии происходила оживленная переписка и состоялся обмен мнениями на разных уровнях, во время которых согласовывались планы дальнейшего удара, уточнялись все детали совместных действий.

Как уже отмечалось, официальные документы показывают, что руководители Германии и Италии были единодушны в оценке необходимости захвата Египта, как важного, можно даже сказать, определяющего фактора в осуществлении германо-итальянского плана оккупации Северной Африки и Ближнего Востока. В своих многочисленных обраще-

---

[3] Там же.

[4] *Ahmad Hussain,* The Story of Egypt and Anglo-Egyptian relations, New York, 1947, p. 37.

[5] „Great Britain and Egypt", p. 60—61.

[6] *Ahmad Hussain,* The Story of Egypt, p. 37.

ниях к Гитлеру Муссолини подчеркивал исключительную важность Египта, как стратегически важного плацдарма, и обосновывал необходимость нанесения решающего удара британской империи именно в Египте. По его глубокому убеждению, если Германии и Италии удастся ликвидировать господство Англии в Египте, то они ликвидируют и всю британскую империю[7]. Но этим не исчерпывались последствия захвата Египта. По мнению Муссолини, падение Египта имело бы далеко идущие последствия для Англии на всем Востоке, и в первую очередь для судеб Индии.

Более того, Муссолини в одном из своих писем Гитлеру в ноябре 1941 г. высказывает ту мысль, что захват Египта и всего Ближнего Востока окажет «далекоидущий эффект на Дальний Восток»[8].

Таким образом, по мнению Муссолини, Египет находился в центре осуществления стратегического плана германо-итальянского блока в Северной Африке и на Ближнем Востоке, с дальнейшим выходом в район Индийского океана и соединения с японским союзником.

Гитлер полностью разделял соображения своего итальянского союзника о значении Египта в стратегических планах Германии и Италии. Германское правительство, детально разрабатывая свою арабскую политику, центральное место в ней уделяло Египту. По утвержденному в марте 1941 г. немецким правительством плану «решающий удар британской империи можно было нанести через Египет»[9].

И Германия, и Италия, начиная со второй половины 1940 г., планомерно, не жалея сил и энергии, приступили к осуществлению намеченной программы.

10 июня 1940 г. Италия вступила в войну. Ее вступление сразу изменило обстановку в Северной Африке и непосредственно отразилось на положении Египта.

Надо отметить, что до вступления Италии в войну в Египте с большим вниманием следили за развитием событий и допускали возможность вовлечения Египта, может быть даже помимо его воли, в войну. 12 апреля 1940 г. поверенный в делах США в Египте передал государственному секретарю США, что ему сообщили официально, но совершенно секретно, что премьер-министр Египта Али Махер дал

---

[7] DGFP, 1918—1945. Series, D, vol. VIII, Washington, 1954, p. 907, vol. XIII, London, 1964, p. 9, 221.

[8] DGFP, Series D, vol. XIII, p. 750.

[9] DGFP, Series D, vol. XII, p. 236.

указание военному министру представить ему в течение 48 часов план общей мобилизации[10]. Этот шаг был предпринят, как сообщал американский представитель в Египте, из опасения вражеских действий Италии в Средиземном море[11].

Такие же опасения были у английского правительства. Министерство иностранных дел Англии 12 апреля 1940 г. дало указание послу Майлзу Лэмпсону поставить в известность египетское правительство о возможных акциях со стороны Италии и «попросить предпринять соответствующие подготовительные меры»[12]. В июне 1940 г. английское правительство пошло еще дальше. 1 июня 1940 г. британский посол в Каире посетил премьер-министра Египта и задал ему вопрос: какую позицию займет египетское правительство в случае нападения Италии на Францию и последующего объявления войны Италии Великобританией.

Али Махер ответил Лэмпсону, что при такой ситуации англо-египетский договор 1936 г. не обязывает Египет вступить в войну и что правительство Египта «не может без согласия парламента, как предусмотрено конституцией, соединиться с Великобританией в объявлении войны Италии, пока последняя не предпримет нападение на Египет»[13]. Али Махер обещал английскому послу представить этот вопрос, если наступит такая необходимость, на рассмотрение парламента. Но он выразил сомнение в возможности одобрения парламентом предложения английской стороны, имея в виду то обстоятельство, что в стране царило общее настроение избежать войны[14].

Параллельно с этим Али Махер поддерживал регулярные контакты с послом Италии в Каире графом Серафино Маццолини. Их встречи особенно участились в апреле-мае 1940 г. Итальянский посол заверил Али Махера, что неприкосновенность египетских границ будет уважена со стороны Италии, даже если она вступит в войну на стороне Германии. Он заявил, что «Италия не имеет никаких намерений нападать на Египет»[15]. Такие заверения в дальнейшем дава-

---

[10] The Charge in Egypt (Hare) to the Secretary of State, 12. IV. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, Washington, 1958, p. 465.

[11] Там же.

[12] The Charge in Egypt (Hare) to the Secretary of State, 15. IV. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 466.

[13] The Charge in Egypt (Hare) to the Secretary of State, 2. VI. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 467.

[14] Там же.

[15] „Great Britain and Egypt. 1914—1951", p. 63.

ли Муссолини, Гитлер и другие руководители Германии и Италии, подчеркивая, что они питают самые искренние и дружеские чувства к Египту и ко всем арабам, и не стремятся к территориальным захватам.

Как уже отметили, Италия вступила в войну 10 июня 1940 г. Таким образом, война расширяла свои границы. Если ранее военные действия шли между Германией и Англией и Францией, то теперь против Англии и Франции выступила Италия. На следующий день 11 июня 1940 г. граф Маццолини сообщил правительству Египта о вступлении своей страны в войну[16].

Под давлением Англии египетское правительство 12 июня 1940 г. порвало дипломатические отношения с Италией, однако воздержалось от объявления войны.

В этот же день заместитель министра иностранных дел Египта от имени своего правительства обратился к поверенному в делах США в Каире Хару с просьбой, чтобы посол США в Риме поставил в известность египетского посла о разрыве дипломатических отношений с Италией, о прекращении его миссии и о скорейшем возвращении всего персонала посольства и самого посла в Египет[17].

США пошли навстречу пожеланиям правительства Египта и довели до сведения египетского посла в Риме решение правительства Египта. 14 июня 1940 г. государственный секретарь США Кордел Хэлл поручил Хару сообщить египетскому правительству, что дано указание американскому послу в Риме передать египетскому послу просьбу правительства Египта о немедленном возвращении в Каир[18].

Хотя египетское правительство пошло на разрыв дипломатических отношений с Италией, но тем не менее, не было ясности в его позиции в отношении Италии в случае ее нападения на Египет. Для окончательного определения политики Египта 12 июня 1940 г. было созвано секретное заседание египетского парламента, на котором со специальной декларацией выступил премьер-министр Али Махер. 14 июня 1940 г. министерство иностранных дел Египта передало американской миссии в Каире полный текст заявления премьер-министра Египта, сделанного на этом секретном заседании

---

[16] Там же.

[17] The Charge in Egypt (Hare) to the Secretary of State, 13 VI. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 468.

[18] Там же, стр. 469.

относительно позиции Египта в связи с вступлением Италии в войну[19].

Али Махер заявил, что Египет сохранит верность союзу с Великобританией и окажет ей, в пределах территории Египта, любую помощь, которая потребуется по союзническому договору.

Египет, как утверждал Али Махер, вступит в войну, если он будет подвергнут атаке со стороны Италии в следующих трех случаях: а) если итальянские войска вступят на территорию Египта, б) если Италия разбомбит египетские города и в) если Италия совершит налеты на египетские военные объекты[20].

В заключении декларации отмечалось, что правительство готово, по требованию парламента, вновь представить этот вопрос на его рассмотрение, если ситуация ухудшится.

Как видно из декларации Али Махера, египетское правительство не желало безоговорочно, при любых обстоятельствах, вступать в войну против Италии на стороне Англии.

С другой стороны, как правильно отмечал Хар, если бы Италия разбомбила британские военные и военно-морские объекты, расположенные в Египте, то египетское правительство не рассматривало бы это как акт агрессии против Египта и, следовательно, не вступило бы в войну. Исходя из этого, а также из своих личных наблюдений, американский поверенный в делах в Каире сообщил Корделу Хэллу, что «в египетских правительственных кругах есть тенденция избежать военных действий с Италией или по крайней мере отсрочить их[21].

Особенную ценность представляет последняя часть донесения Хара Корделу Хэллу. Правительство США интересовалось в большой степени настроениями, царившими в Каире. Это было необходимо не только для полной информации о Египте и соответствующей ориентации в отношении Египта, но и для англо-американских отношений, которые очень часто были запутанными и противоречивыми. США никогда не упускали возможности воспользоваться противоречиями Англии с арабскими странами, в том числе и с Египтом.

Хорошо зная это обстоятельство и будучи в курсе событий, Хар считал своим долгом в донесении государственному секретарю США особо отметить, что «отношения меж-

---

[19] The Charge in Egypt (Hare) to the Secretary of State, 14. VI. 1940—FRUS DP, 1940, vol. 111. p. 469.

[20] Там же.

[21] Там же.

ду премьер-министром (Египта. — *Н. О.*) и британским посольством все более осложняются»[22].

В данном случае причиной усиления напряженности в англо-египетских отношениях явился отказ Али Махера объявить войну Италии и его попытка заранее оговорить вступление в войну рядом условий. Англия прекрасно понимала смысл декларации премьер-министра Египта от 12 июня 1940 г.

Англо-египетские отношения еще больше обострились, когда Али Махер выдвинул план объявить Каир открытым городом. Англия резко отвергла это предложение и начала оказывать сильное давление на правительство Египта и на короля Фарука с целью замены Али Махера и создания нового правительства, которое пользовалось бы доверием Англии.

Фарук не хотел уступить английскому нажиму. Он даже специально обратился к английскому королю Георгу, но последний отказался вмешиваться в этот вопрос[23].

В конце концов Фарук вынужден был уступить и 23 июня 1940 г. правительство Али Махера пало. Новым премьер-министром был назначен Хасан Сабри[24].

Он заявил, что целью его политики является сохранение независимости и безопасности Египта и выполнение договорных обязательств в отношении Великобритании[25].

Любопытно, что в парламенте, во время дебатов по вопросу правительственной декларации Хасана Сабри, несколько депутатов строго критиковали Великобританию за ее вмешательство во внутренние дела Египта, что «привело к падению Али Махера в то время, когда он пользовался доверием народа, парламента и короля»[26].

Поверенный в делах США в Каире считал необходимым именно эту часть включить в свое донесение, адресованное государственному секретарю США Корделу Хэллу.

После капитуляции Франции Италия серьезно готовилась к военным действиям в Северной Африке и к нападению на Египет. Бенито Муссолини 17 июля 1940 г. сообщал Гитлеру, что «подготовка к широкому наступлению на Еги-

---

[22] Там же, стр. 470.

[23] The Charge in Egypt (Hare) to the Secretary of State, 24. VI. 1940—FRUS DP. 1940, vol. 111, p. 471.

[24] *Ш. А. ам-Шафии,* Развитие национально-освободительного движения в Египте (1882—1956), пер. с арабск., М., 1961, стр. 110.

[25] Там же, FRUS DP. 1940, vol. 111, p. 471.

[26] Там же.

пет завершена»[27]. Как он отмечал, для того, чтобы дойти до Александрии, надо пройти 600 км по настоящей пустыне при температуре 56°С. По убеждению руководителя фашистской Италии, эти климатические условия ослабили британские армии, которые не могли перенести такую жару.

В конце своего письма Муссолини затрагивает вопрос конкретной даты начала наступления на Египет. «Я надеюсь, — писал Муссолини, — начать нападение в то время, когда вы начнете свое нападение на Англию»[28].

В сентябре 1940 г. итальянские войска под командованием маршала Грациани вторглись со стороны Ливии в Египет. Английские войска не смогли приостановить нападение итальянских войск и последние продвинулись почти на 100 км в глубь территории Египта[29]. В направлении Александрии итальянские войска заняли ряд населенных пунктов, а 16 сентября — город Сиди Барани[30].

Вступление итальянских войск на территорию Египта очень обострило и без того напряженное положение в Египте. В стране было введено военное положение, но правительство по-прежнему не хотело объявлять войну Италии[31].

Четыре члена кабинета, представляющие партию саадистов, — сторонников тесного сотрудничества с Англией, потребовали от правительства немедленного объявления войны Италии. Но остальные члены отвергли предложение саадистов и последние подали в отставку[32].

Но в Египте были сильны противоположные настроения. В этот период на страницах египетской печати, на собраниях и в общественных местах живо обсуждался вопрос о вступлении Египта в войну. Население, а также некоторые политические деятели были против объявления войны Италии: «Египет не должен бороться за предотвращение возможной оккупации (итальянской. — *Н. О.*), чтобы сохранить существующую оккупацию (английскую. — *Н. О.*)»[33]. Многолетнее господство Англии в Египте не прошло бесследно. Египетский народ и все патриотические силы выступали за полную

---

[27] Benito Mussolini to Adolf Hitler, 17. VII. 1940—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. X, London, 1957, p. 242.

[28] Там же.

[29] *Л. Ватолина,* Современный Египет, М., 1949, стр. 165.

[30] «Новейшая история арабских стран», М., 1968, стр. 381.

[31] „Great Britain and Egypt. 1914—1951", p. 65.

[32] The Minister in Egypt (Fish) to the Secretary of State, 23. IX. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 480.

[33] „Great Britain and Egypt. 1914—1951", p. 65.

независимость своей страны и эвакуацию английских войск из Египта. В этой связи в некоторых египетских кругах господствовало мнение, что поражение Англии облегчит освобождение Египта от английского господства и создаст благоприятные условия для укрепления национальной независимости и суверенитета. Некоторые политические и государственные деятели поддерживали даже секретные связи с руководителями Италии и Германии.

Здесь немалую роль сыграли и демагогические заявления руководителей фашистской Германии и Италии о том, что они борются против английского и французского колониализма и что сами являются «истинными друзьями» арабов и не стремятся ни к каким территориальным приобретениям.

Насквозь фальшивая и демагогическая пропаганда Германии и Италии имела некоторое влияние на определенные круги египетского общества, а также других арабских стран.

Английские политические деятели, а вслед за ними и английские буржуазные историки объявляли пронацистским любого египетского деятеля, который не поддерживал Англию или стремился воспользоваться результатами военных неудач Англии.

Однозначный подход к оценке позиции вышеуказанных египетских сил будет ошибочным. Конечно, среди египетских деятелей были такие, кто был связан с государствами оси. Но огульно представлять те силы, которые не поддерживали военные усилия Англии и желали поставить военные неудачи Англии на службу национальным интересам Египта как профашистские или пронацистские, в корне неверно[34].

Причины неучастия Египта в войне интересовали в большой степени правительство Соединенных Штатов Америки. И посланник США в Египте Фиш выдвигает свою версию, которая была изложена в его донесении государствен-

---

[34] В последние годы этот вопрос находился в центре внимания советских арабистов, и они внесли ясность в эту запутанную проблему, доказав, что патриотические силы желали воспользоваться ситуацией, возникшей вследствие войны, и добиться завоевания политической независимости своих стран и что нельзя ставить знак равенства между ними и пронацистскими силами, см. «Новейшая история арабских стран», М., 1968; «Современный Ирак», М., 1966; «Объединенная Арабская Республика», М., 1968; *Н. О. Оганесян,* Отношение различных арабских политических сил ко второй мировой войне, «Арабские страны. История, экономика», М., 1974; *его же.* Национально-освободительное движение в Ираке (1917—1958 гг.)»., Ереван, 1976 и др.

нему секретарю США 23 сентября 1940 г., т. е. спустя почти неделю после вторжения итальянских войск в Египет.

По мнению Фиша на решение египетского правительства отклонить предложения министров-саадистов об объявлении войны Италии повлияли разные причины. Во-первых, настроение египетского народа — «всеобщая оппозиция народа к войне»[35]. К этому он добавляет и позицию офицеров египетской армии, большинство которых, по выражению Фиша, «не одобрило участие в войне»[36].

Среди других причин Фиш указывает также неподготовленность Египта, боязнь итальянского возмездия, которое, в частности, могло бы выразиться в бомбежке египетских городов и, наконец, надежда, что при победе Италии «к Египту отнесутся более великодушно, если он не поднимет оружия против Италии»[37].

Сейчас трудно установить, получил ли Кордел Хэлл донесение Фиша в тот же день или, получив, счел его недостаточным, но 23 сентября 1940 г. он дает указание Фишу о том, что государственный «департамент желает иметь более полный анализ позиции Египта в отношении итальянского вторжения на египетскую территорию»[38]. Государственный секретарь предлагал Фишу включить в анализ такие вопросы, как оценка влияния короля Фарука, его кабинета и «союзника Египта, Великобритании»[39], а также другие факторы, касающиеся отношения Египта к вторжению Италии.

Инструкция Кордела Хэлла свидетельствует о большом интересе США к Египту и о желании знать как можно больше об этой стране, занимающей ключевые позиции в районе Северной Африки и Ближнего Востока. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что государственного секретаря очень интересовала степень влияния Великобритании в Египте, в связи с чем, среди вопросов, поставленных перед Фишем, позиция Англии была выделена в отдельный вопрос. Это и понятно. Для США не был безынтересным характер англо-египетских отношений. Полная информация по этому важному вопросу была необходима, так как США, как отмечалось в предыдущей главе, твердой ногой вступили на

---

[35] The Minister in Egypt (Fish) to the Secretary of State, 23. IX. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 480.

[36] Там же.

[37] Там же.

[38] The Secretary of State to the Minister in Egypt (Fish), 23. IX. 1940—FRUS DP, vol. III, p. 480—481.

[39] Там же, стр. 481.

Ближний Восток и уже преследовали свои собственные военно-политические и экономические цели.

Во исполнение требования государственного секретаря США Кордела Хэлла американский посланник в Египте Фиш 25 сентября 1940 г. отправил в государственный департамент новое донесение, давая анализ позиций короля, египетского правительства и Великобритании.

Фиш сообщал, что король Египта Фарук настроен «антибритански и он против вступления Египта в войну на стороне Великобритании»[40].

Что касается позиции египетского правительства, то Фиш отмечал, что премьер-министр и кабинет хотя и считают, что египетское правительство, согласно декларации, должно защищать страну, на самом деле они против того, чтобы Египет поднял оружие и признают такую возможность только «в случае абсолютной необходимости» и хотят ухватиться за благовидный повод, чтобы избежать вступления в войну[41]. В данный момент свой отказ от объявления войны Италии они мотивируют тем, что, мол, неясно, нужно ли «итальянское продвижение по египетской территории рассматривать как запланированное вторжение»[42]. Далее Фиш останавливается на позиции египетского народа: кроме Ахмеда Махера, его последователей и нескольких других деятелей, «народ не чувствует, что это война Египта и боится последствий вступления в войну»[43]. Поэтому, отмечал Фиш, весь народ Египта против таких действий, т. е. объявления войны Италии.

И, наконец, Фиш отмечает, что Великобритания, хотя и сейчас приветствовала бы вступление Египта в войну, очевидно отказалась от этой идеи, имея в виду сильное сопротивление египетского народа. Поэтому Англия считает лучше не оказывать давления на Египет в этом вопросе[44].

Этим не исчерпывались сообщения американского посланника в Египте. Он регулярно и подробно информировал правительство США о всех важных событиях, происходивших в Египте, и об англо-египетских отношениях.

15 октября 1940 г. он сообщил Корделу Хэллу, что присутствовал на ужине в британском посольстве в честь ми-

---

[40] The Minister in Egypt (Fish) to the Secretary of State, 25. IX. 1940— FRUS DP, 1940, vol. 111, p. 481.

[41] Там же.

[42] Там же.

[43] Там же.

[44] Там же.

нистра иностранных дел Англии Антони Идена. Говоря о причинах визита Идена в Каир, Фиш отмечает, что он (Иден) пытается улучшить англо-египетские отношения, и в частности отношения с королем Фаруком[45]. Иден пытался оказать давление на короля Египта, заявляя, что «тактику обструкции, которую проводит дворец, больше терпеть невозможно»[46].

Эти и другие сообщения о положении в Египте и об англо-египетских отношениях были необходимы правительству США, чтобы иметь полное представление и выработать свою политику в отношении Египта.

Итальянское наступление в Египте продолжалось недолго. Англии удалось, сосредоточив значительные силы на Ближнем Востоке и. получив огромную военную помощь от США, приостановить его. 9 декабря 1940 г. английские войска перешли в контрнаступление и в течение двух месяцев смогли нанести поражение итальянской армии маршала Грациани, отбросить итальянскую армию с территории Египта и перенести военные действия на территорию Ливии[47]. 6 февраля 1941 г. английские войска заняли Бенгази[48].

Поражение Италии в Египте и Ливии сильно обеспокоило Германию, и в немецких военных и политических кругах назрела идея непосредственного участия Германии в военных операциях в Северной Африке.

Первоначально Гитлер предполагал послать на помощь Италии небольшую, но сильную группу немецких войск. Но масштабы поражения Италии были так велики, что германское верховное командование предложило более широкое участие Германии в военных действиях. Руководители Германии были убеждены, что Италия без активной помощи Германии не сможет внести перелом в ходе военных действий и добиться успеха в Ливии и Египте.

Обо всем этом Гитлер считал нужным откровенно сообщить Муссолини. В своем письме от 5 февраля 1941 г. Гитлер писал, что после тщательного анализа создавшейся ситуации он пришел к выводу, что итальянские войска уже несколько недель переносят большие трудности, что не может не влиять отрицательно на психику солдат и веру в себя.

---

[45] The Minister in Egypt (Fish) to the Secretary of State, 15. X. 1940—FRUS DP, 1940, vol. 111, p. 482.

[46] The Minister in Egypt (Fish) to the Secretary of State, 14. X. 1940—FRUS DP, 1940, vol. 111. p. 483.

[47] *Л. Ватолина,* Современный Египет, стр. 166.

[48] *G. Kirk,* The Middle East in the War, p. 197.

«Поэтому, дуче, писал Гитлер, — я сейчас полностью убежден, если иметь в виду только психологический момент, интервенция немецкого подразделения может иметь только благоприятный эффект для ваших солдат»[49]. Но эта помощь, продолжает Гитлер, может иметь смысл только в том случае, если она будет способной вызвать коренной перелом в судьбе войны в Северной Африке. Исходя из этих соображений он предлагает взамен небольшого немецкого военного соединения, как предполагалось раньше, послать усиленный танковый корпус[50]. И если Муссолини согласится с его предложением, то он назначит командующим немецким корпусом, который должен действовать в Африке, генерала Роммеля. Гитлер отмечал, что он самый выдающийся генерал бронетанковых войск, которым располагает Германия, и что его заслуги в западной кампании исключительны[51].

Муссолини, попавший в затруднительное положение, не имел выбора и был вынужден согласиться с прямым немецким участием в военных операциях в Северной Африке, которая считалась сферой влияния Италии.

Германия завершила переброску в Африку корпуса Роммеля, который часто в литературе называется Африканским корпусом, в апреле 1941 г. Немцы немедленно начали широкое наступление на английские позиции и добились значительных успехов. Роммелю удалось полностью очистить Киренаику и Ливию от английских войск и вступить на территорию Египта[52].

С этого момента участие Соединенных Штатов Америки в дела Египта принимает широкий и разносторонний характер, в частности в организации обороны Египта и всей Северной Африки от фашистского наступления, и укрепляются позиции американского империализма в Египте.

* * *

Организация надежной обороны Египта и предотвращение полного развала британских военных позиций в Ливии становятся главными целями американской военной политики в районе Средиземноморья и Северной Африки в 1941—1942 гг.

---

[49] Adolf Hitler to Benito Mussolini,DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 27.

[50] Там же, стр. 28—29.

[51] Там же, стр. 29.

[52] *Л. Ватолина,* Современный Египет, стр. 167.

Одним из первых шагов в этом направлении явилась поездка специального представителя президента США Ф. Рузвельта Гарри Гопкинса в Англию. Он прибыл в Лондон 9 января 1941 г. и имел ряд встреч с Черчиллем и другими руководителями Англии. В задачи Гопкинса входило ознакомление с положением в Англии, установление личных контактов с Черчиллем и выяснение возможностей более тесного контакта и военного сотрудничества между США и Англией. В официальном письме Рузвельта Гопкинсу говорилось: «Питая к вам особое доверие и полагаясь на Вас, прошу как можно скорее выехать в Великобританию, чтобы действовать там в качестве моего личного представителя»[53]. Советуя ему сделать аналогичное сообщение королю Англии Георгу VI, Рузвельт заканчивает свое письмо следующей, на наш взгляд, очень важной фразой: «Естественно, что Вы сообщите нашему правительству все, что привлечет Ваше внимание в процессе выполнения Вашей миссии и что с Вашей точки зрения послужит *важнейшим интересам Соединенных Штатов* (подчеркнуто нами.—*Н. О.*)»[54].

Значит, осуществляя свою миссию по оказанию помощи Англии, Гопкинс должен был исходить в первую очередь из интересов США, найти такие формы сотрудничества, которые обеспечили бы военно-политические и экономические интересы США.

Гопкинс аккуратно информировал Рузвельта о своих встречах и беседах с Черчиллем. Как свидетельствуют сообщения Гарри Гопкинса, текстуально приведенные в книге Р. Шервуда «Рузвельт и Гопкинс», в беседах с Черчиллем всегда затрагивался вопрос Египта, Суэцкого канала, всей Северной Африки и Средиземного моря. В одном из своих писем из Лондона Гопкинс писал Рузвельту, что Черчилль выразил уверенность, что «Великобритания будет контролировать Средиземное море и Суэцкий канал, оберегая их от Германии»[55]. При этом, пишет Гопкинс, Черчилль выражает надежду, что «Англия сможет господствовать в воздухе, и тогда Германии со всеми ее армиями придет конец»[56].

Уже при первой встрече со специальным представителем президента Рузвельта стало очевидным зависимое по-

---

[53] *Р. Шервуд,* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 397.

[54] Там же, стр. 398.

[55] Там же, стр. 407.

[56] Там же.

ложение лидера Англии от американских военных поставок[57].

В своих выступлениях во время встреч с представителями руководящей верхушки Англии Гопкинс подчеркивает, что Америка несет определенные обязанности по отношению ко всему миру (он фактически повторял мысли Ф. Рузвельта) и что «международные обязанности Америки могут быть успешно выполнены лишь в сотрудничестве с Англией»[58].

Высказывание Гарри Гопкинса, которое выражало точку зрения руководителей США, надо понимать в том смысле, что США, оказывая военную и материальную помощь Англии, поддерживая ее усилия в продолжении войны против Германии и Италии, стремились воспользоваться ослаблением Англии, под маской помощи проникнуть в обширные владения британской империи и усилить свои собственные позиции. Сказанное полностью относится и к Египту и всему Арабскому Востоку.

В США отлично понимали, что с падением Египта откроется путь перед немецко-фашистскими войсками на весь Ближний и Средний Восток, в руки немцев перейдет важный стратегический район с огромными естественными богатствами, и станет реальным объединение германо-итальянских и японских милитаристов в районе Индийского океана.

И чтобы предотвратить захват Египта немецкими войсками генерала Эрвина Роммеля и итальянскими войсками, США принимают решение оказать военную поддержку Англии в Египте. Сюда прибывает в большом количестве американское снаряжение, самолеты, танки, артиллерия и т. д.

Чтобы облегчить перевозку военного снаряжения в Египет, президент Ф. Рузвельт 10 апреля 1941 г. объявил Красное море открытым для американских торговых судов. А спустя месяц правительство США специально выделило 30 судов для доставки военного снаряжения и других материалов английским войскам в Египте[59].

Американское военное участие принимало такие большие масштабы, что стало необходимым создание специальной американской военной миссии. Такая миссия, как было отмечено в первой главе, была создана осенью 1941 г. во

---

[57] По указанию Геббельса немецкая пропаганда пыталась представить визит Гопкинса в Лондон как попытку «забрать остатки Британской империи в обмен на еще какие-нибудь заржавевшие и устаревшие американские материалы».

[58] *Р. Шервуд,* Рузвельт и Гопкинс, т. 1, стр. 419.

[59] *Л. Поздеева,* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1941—1945 гг., стр. 392—393.

главе с генералом Максвеллом и именовалась американской Североафриканской военной миссией[60]. Резиденцией миссии считался город Каир. После образования Североафриканской миссии широкий размах получило строительство различных американских военных объектов — аэродромов, посадочных площадок, складов, коммуникаций и т. д. Миссия установила контроль над своевременным поступлением военных материалов и их правильным использованием.

Среди американских поставок большое место занимали танки и самолеты. В августе 1941 г. в Египет, по линии Такоради—Каир, для открытия которой еще в июне Каир посетил специальный представитель Рузвельта Аверелл Гарриман, видный политический деятель США, игравший заметную роль в годы второй мировой войны, прибыли американские бомбардировщики[61]. К концу октября число американских танков, доставленных в Египет на помощь английской армии, сражавшейся против войск Роммеля, достигло 300[62].

В этот период участились посещения Египта различными американскими военными миссиями, что объясняется усилением заинтересованности США Египтом и тем значением, которое США придавали ему на ближневосточном и североафриканском театре военных действий. В декабре 1941 г. в Каир прибыла американская авиационная комиссия во главе с генералом Адлером. В ее задачу входило оказание помощи всем странам Ближнего Востока[63]. Комиссия помогла установить регулярную воздушную связь между Вашингтоном и Каиром. Кроме того, авиационная комиссия открыла в Египте специальные технические школы, в которых технический состав английского воздушного флота, дислоцированного в Египте, получил практические навыки ведения американских самолетов[64].

В завершение правительство США в 1941 г. распространило закон о «ленд-лизе» на Египет, но решение об этом было принято с некоторой затяжкой. Еще в октябре 1941 г. новый американский посланник в Египте Кирк, заменивший Фиша, запрашивал государственного секретаря США Кор-

---

[60] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 234, л. 161.

[61] *Л. Поздеева,* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1941—1945 гг. стр. 393.

[62] Там же.

[63] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 235, л. 32.

[64] Там же.

делла Хэлла о возможности распространить положения этого закона на Египет[65].

Кирк был активным сторонником включения Египта в список стран, получавших помощь по «ленд-лизу». Он считал, что Египет имеет все основания получить такую помощь и что это отвечает интересам США. «Эта страна, — писал Кирк Корделлу Хэллу, — является театром военных действий и я вижу большие выгоды, с точки зрения политической, экономической и финансовой, от развития американо-египетских отношений не только для военных усилий, но и как возможный импульс для широкой послевоенной торговли во всем этом районе»[66].

Вопрос об оказании помощи Египту по «ленд-лизу» Корделл Хэлл поставил перед американским правительством. 25 октября 1941 г. государственный секретарь передал Кирку, что Гопкинс считает невозможным предпринять что-либо в этом направлении, так как «все имеющиеся налицо корабли и материалы очень нужны британцам, русским и китайцам»[67]. Для оказания помощи Египту нужны были корабли, локомотивы, дополнительные товары и материалы и т. д. Правительство США мотивировало свой отказ тем, что в его распоряжении не было в достаточном количестве средств транспорта.

Однако в дальнейшем, с ухудшением положения на Ближнем Востоке и в Египте, американское правительство пересмотрело этот вопрос и 11 ноября 1941 г. приняло решение о распространении закона о «ленд-лизе» на Египет[68].

10 декабря 1941 г. Гарри Гопкинс просит государственный департамент США сообщить американскому посланнику в Египте Кирку, что Рузвельт в своем письме к руководителю комиссии по вопросам «ленд-лиза» Стеттиниусу включил Египет в список тех государств, защита которых «жизненно важна для обороны Соединенных Штатов»[69].

24 декабря 1941 г. это официально подтвердил также Стеттиниус[70].

---

[65] The Minister in Egypt (Kirk) to the Secretary of State, 15. X. 1941—FRUS DP, 1941. vol. 111, Washington, 1959, p. 314.

[66] Там же.

[67] The Secretary of State to the Minister in Egypt, 25. X. 1941—FRUS DP, 1941, vol. 111, p. 315.

[68] „Documents on American Foreign Relations. July 1943—June 1944", vol. VI, Boston, 1945, p. 216.

[69] FRUS DP, 1941, vol. 111, 10. X. 1941, p. 316.

[70] Там же.

Известно, что закон о «ленд-лизе» президент имел право распространить лишь на те страны, защита котрых вытекала из интересов безопасности США.

Защита Египта свидетельствовала о важном стратегическом значении этой страны. Кроме того, руководители США уже тогда смотрели на Египет с точки зрения своих послевоенных интересов. Ведь недаром посланник США в Египте Кирк, обосновывая необходимость оказания помощи Египту по «ленд-лизу», особо подчеркивал политико-экономические аспекты вопроса и послевоенные торговые интересы США в Египте и других странах Арабского Востока.

Американская военная помощь значительно облегчила положение английских войск в Северной Африке. Продвижение Африканского корпуса Роммеля было приостановлено. И в этом решающее значение имело нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. Против СССР были брошены основные военные силы Германии и с этого момента Советский Союз нес на своих плечах основную тяжесть второй мировой войны. Советская Армия, выполняла не только свой священный долг перед Советской Родиной, но и благородную миссию освобождения всего человечества от угрозы фашистского порабощения.

Напав на Советский Союз, Германия резко ослабила свои военные действия против Англии и временно прекратила посылку пополнения Африканскому корпусу Роммеля. Англия и США получили передышку и начали укреплять свои позиции на подступах к Египту. Посланник США в Египте Кирк писал 22 июня 1941 г. государственному секретарю Корделу Хэллу, что «нападение Германии на Советскую Россию надо просто рассматривать как акт, предоставляющий возможность временной передышки, в течение которой военная машина здесь (в Египте. — *Н. О.*) должна быть усилена очень быстро, как с целью оказания сопротивления, так и нанесения удара нацистским силам в Средиземноморье, на Балканах и Ближнем Востоке»[71]. Эту точку зрения разделяло и военное министерство США и сам министр Стимсон. По мнению Стимсона, в связи с нападением Германии на СССР угроза англо-американским военным силам в Египте уменьшилась[72]. Соединенные Штаты половину всех военных самолетов, производимых в США, поставляли Анг-

---

[71] The Minister in Egypt (Kirk) to the Secretary of State, 22. VI. 1941—FRUS DP, 1941, vol. 111, p. 279.

[72] The Under Secretary oy State (Welles) to the Minister in Egypt (Kirk), 14. VII. 1941, FRUS DP, 1941, vol. 111, p. 287—288.

лии[73]. Больших размеров достигла также поставка других видов оружия.

А. Кирк, видимо не без ведома Англии, обратился к Соединенным Штатам с просьбой еще больше увеличить поставки оружия английским войскам, находящимся в Египте, что могло привести к сокращению поставок вооруженным силам самих США. Военный министр Стимсон отверг необоснованное предложение американского посланника в Египте, мотивируя свой отказ тем, что, во-первых, после начала советско-германской войны опасность нападения немецких войск на Египет резко уменьшилась и, что, во-вторых, США и без того поставляют огромное количество разного рода вооружения, которое при умелом их использовании вполне достаточно для ведения не только оборонительных, но и наступательных операций.

Военный министр Стимсон, заместитель государственного секретаря США Уэллес и другие в этом вопросе были правы. В конце концов А. Кирк также приходит к такому мнению. 18 сентября 1941 г. он сообщает Корделу Хэллу, что «русская кампания избавила этот район от угрозы немедленной атаки»[74].

Передышка, возникшая на североафриканском театре военных действий после нападения Германии на СССР, была, таким образом, использована Англией и США для укрепления обороны Египта. Но руководители США и Англии, как было отмечено, не верили в способность Советского Союза оказать длительное сопротивление фашистской Германии. Правящие круги обеих стран были почти уверены в поражении СССР и старались максимально использовать в своих интересах тот промежуток времени, который они могли бы выиграть вследствие советско-германской войны.

Германия и Италия также не сомневались в поражении Советского Союза. Гитлер и Муссолини были уверены, что войну против СССР закончат в 1941 г., после чего снова начнут активные военные действия против Англии, в том числе и в Египте. В беседе с министром иностранных дел Италии Чиано Риббентроп подчеркивает, что Россия, последний союзник Англии в Европе, будет уничтожена, и тогда «ни Англия отдельно, ни Англия и Америка вместе, в Европе не смогут напасть на страны оси. Война практически выиграна.

---

[73] Там же.

[74] The Minister in Egypt (Kirk) to the Secretary of State, 18. IX. 1941, FRUS DP, 1941, vol. III, p. 292.

Что может сделать Англия в Африке? Этот вопрос остается открытым»[75].

Фашистские лидеры Германии и Италии, рассчитывая разгромить СССР в 1941 г., запланировали решение проблемы Северной Африки, т. е. захвата Египта и других территорий Ближнего Востока, не позже чем в 1942 г. Эта мысль ясно изложена в письме Муссолини к Гитлеру от 6 ноября 1941 г.

Еще раз отмечая, что британская империя будет сокрушена в Египте, Муссолини пишет: «Я верю, что в 1942 г. будет возможным объединить клещи, что уничтожит политические и военные позиции Англии на Ближнем Востоке»[76]. Муссолини отмечает, что если им удастся осуществить этот план, то он будет иметь «далеко идущие последствия для Дальнего Востока»[77]. Муссолини имел в виду Японию и возможность объединения германо-итальянских и японских войск.

Начиная с 1941 г. в немецких официальных документах все чаще принимается в расчет позиция США. В переписке Гитлера с Муссолини, при встречах германских и итальянских государственных деятелей, на немецко-итальянских совещаниях при рассмотрении стратегических планов учитывают и возможную реакцию США. Но лидеры Германии и Италии уверены, что помощь США Англии не может помешать осуществлению их захватнических планов. Мы уже упоминали, что Риббентроп по этому поводу выразил уверенность, что после разгрома СССР Англия и США вместе взятые, уже не смогут представлять опасность для Германии в Европе.

30 апреля 1941 г. Риббентроп поручил немецкому посланнику в Тегеране Эттелу передать через египетского посла в Иране Зульфикара-пашу египетскому королю Фаруку мнение Гитлера о перспективе войны: как только потерпит поражение Англия и будет ликвидирована британская империя, немедленно произойдут определенные изменения в судьбах арабских стран, в том числе и Египта[78]. «Война,— отмечает Гитлер, — навязанная Германии Англией, закон-

---

[75] Record of the Conversation in Berlin on November 25, 1941, between the Reich Foreign Minister (Ribbentrop) and the Italian Foreign Minister (Chiano)-DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XIII, p. 830.

[76] Benito Mussolini to Adolf Hitler, 6. XI. 1941, DGFP, 1918—1945, Series D, vol XIII, p. 750.

[77] Там же.

[78] The Foreign Minister to the Legation in Iran, 30. IV. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 680.

чится полным поражением последней, и даже помощь, обещанная Соединенными Штатами, не сможет изменить положение»[79].

Получив передышку в результате нападения Германии на Советский Союз и укрепив свои вооруженные силы за счет поступления американских вооружений, английские войска летом 1941 г. перешли в наступление. Германия, будучи целиком занята войной на советско-германском фронте, не могла своевременно перебросить подкрепление Роммелю в Африке. Воспользовавшись этим, английские войска в течение лета и осени 1941 г. добились значительных военных успехов. Они оккупировали Эритрею, Итальянское Сомали, большую часть Эфиопии. В ноябре 1941 г. англичане заняли Киренаику и деблокировали Тобрук, который почти восемь месяцев был осажден немецкими войсками[80].

Военные успехи Англии в Африке не могли не обеспокоить Германию и Италию. Их руководители обсуждают планы оказания помощи германским и итальянским войскам, находившимся в Африке. Гитлер 29 октября 1941 г. направляет письмо Муссолини, излагая ему свои соображения. «Несмотря на то, — писал он, — что ваши силы, дуче, и силы Германского Африканского корпуса существенно укреплены в последнее время, я лично того мнения, что еще многое надо сделать, чтобы любое увеличение угрозы (со стороны Англии и США. — *Н. О.*) не имело шансов на успех»[81].

Гитлер сообщает Муссолини, что Африканский корпус Роммеля скоро будет пополнен новым вооружением и предлагает ему обеспечить надежную защиту действиям солдат Роммеля с воздуха[82].

Получив пополнение, Роммель в конце 1941 г. остановил наступление английских войск и даже отбросил их назад. В начале 1942 г. германо-итальянские войска перешли в контрнаступление в Киренаике. 29 января 1942 г. они взяли город Бенгази и заняли позиции на линии аль-Газала — Бир-Хакейм.

Успехи войск Германии и Италии и их появление на границе Египта вызвали серьезный политический кризис в Египте. В стране активизировались пронемецкие силы, которым удалось 1 февраля 1942 г. организовать в Каире де-

---

[79] Там же.

[80] *Л. Ватолина,* Современный Египет, стр. 167.

[81] Adolf Hitler to Benito Mussolini, Führer's Headquarter, 29. X. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XIII, p. 714.

[82] Там же, стр. 715.

монстрацию студентов. Демонстранты скандировали: «Мы — солдаты Роммеля»[83], требовали возвращения Али Махера к власти. На следующий день король Фарук заставил правительство Хусейна Сирри[84] уйти в отставку[85], мотивируя тем, что оно порвало дипломатические отношения с правительством Виши, не проконсультировавшись с ним.

Над позициями Англии в Египте нависла серьезная опасность. Правительство Великобритании боялось потерять Египет и решило действовать решительно и быстро. Оно потребовало от короля Фарука поручить формирование правительства не Али Махеру, который был известен своими антианглийскими настроениями, а лидеру партии Вафд Нахасу. Партия Вафд в целом выступала за сотрудничество с Англией, хотя и требовала полного признания независимости Египта. Но в данный период, повторяем, она стояла на позициях сотрудничества с Великобританией. И так как она была самой влиятельной политической организацией Египта, то Англия надеялась с ее помощью обеспечить спокойствие в стране и укрепить свой тыл.

Король Фарук отверг ультимативное требование Англии, после чего развитие событий приняло драматический характер. Английский посол Майлз Лэмпсон предъявил ультиматум королю Фаруку, где было отмечено, что если он до 6 ч. вечера 4 февраля 1942 г. не назначит Нахаса премьер-министром, то его величество принудит англичан к соответствующим действиям[86]. Король созвал совещание политических деятелей между 3 и 4 часами 4 февраля, которые одобрили его решение — не принимать британский ультиматум. В 6 ч. вечера начальник королевской канцелярии Ахмед Хасанейн посетил британского посла и сообщил ему об отказе короля принять предложение английского посла, выраженное в форме ультиматума. Тогда Майлз Лэмпсон ответил, что он посетит короля в 9 часов вечера[87].

В назначенное время английские танки окружили королевский дворец Абдин и тысячи вооруженных английских солдат установили контроль над всей территорией, окружа-

---

[83] „Great Britain and Egypt, 1914—1951", p. 70.

[84] Хусейн Сирри стал премьер-министром после смерти Хасана Сабри 14 декабря 1940 г.

[85] *J. Banerji*, The Middle East in World Politics, Calcutta, 1960, p. 47.

[86] *G. Kirk*, The Middle East in the War, p. 210.

[87] Там же.

ющей дворец. Один танк вступил на территорию дворца[88]. За танком, в сопровождении вооруженных солдат шли посол Великобритании Майлз Лэмпсон и главнокомандующий английскими войсками в Египте генерал-лейтенант Стоун[89]. Королевская гвардия не оказала сопротивления и посол вошел в комнату короля. Телефонная связь с дворцом была прервана. Английские войска окружили также здание радиостанции.

Таким образом король Фарук и его дворец оказались в осадном положении. Посол Лэмпсон настаивал на немедленном выполнении английского ультиматума. Король, обращаясь к своим приближенным, присутствовавшим в комнате, сказал, что он может отвергнуть ультиматум и превратить страну в поле битвы. «Но он хочет спасти жизнь своих подданных и пусть история осудит его действия»[90].

Согласно версии генерала Нагиба, посол Лэмпсон положил перед королем Фаруком два документа и потребовал подписать один из них. В одном документе говорилось об отречении короля от престола, а в другом — о назначении Нахаса премьер-министром. Король подписал второй документ[91]. Низложение короля Фарука вообще не исключалось.

Добившись «блестящей победы», посол Великобритании Майлз Лэмпсон покинул Абдинский дворец и вернулся в свою резиденцию.

Действия английского посла нельзя квалифицировать иначе, как грубое нарушение суверенитета Египта, осуществленное в стиле и духе классического периода колониализма. Они нанесли оскорбление национальной чести египтян и еще больше усилили антибританские настроения в Египте. В этом смысле типичными являются чувства, выраженные генералом Нагибом в его письме королю Фаруку. «Поскольку, — писал он королю, — армии не была дана возможность защищать Ваше Величество, то мне стыдно носить военную форму. Поэтому я прошу Вашего разрешения уйти в отставку из египетской армии»[92].

Какова была позиция Соединенных Штатов во время февральского кризиса?

Соединенные Штаты Америки поддерживали действия

---

[88] *J. Kimche.* Seven Fallen Pillars. The Middle East in 1945—1952, London, 1953, p. 32.

[89] *G. Kirk,* The Middle East in the War, p. 210.

[90] *J. Kimche,* The Seven Fallen Pillars. p. 33.

[91] *Mohammed Naglub,* Egypt's Destiny, p. 86.

[92] Там же, стр. 87.

английского посла в Каире. На этом, как утверждает Дж. Кирк, настаивало правительство Англии[93]. «Посланник Соединенных Штатов, — пишет он, — по требованию британского посольства довел до сведения короля, что его правительство предпочло бы назначить (премьер-министром. — *Н. О.*) такого человека, который дружелюбно относится к делу союзников»[94]. И действительно, посланник США в Каире А. Кирк предпринял необходимые шаги для разрешения конфликта в пользу англичан. Об этом А. Кирк лично заявил 4 февраля 1942 г. королю во время своего визита в Абдинский дворец. Он отметил, что главное — поражение Гитлера, следовательно, надо максимально содействовать усилиям, способствующим достижению победы[95].

Заявление А. Кирка дает ключ к пониманию позиции США. Раздувать конфликт между Великобританией и Египтом, когда германо-итальянские войска стояли у порога Египта, готовые нанести решающий удар союзникам в долине Нила, было не в интересах США.

Но тем не менее, в дипломатических кругах США, в частности в государственном департаменте, не все одобряли грубые формы действия Великобритании, в частности ее посла в Каире Майлза Лэмпсона, впоследствии лорда Киллерана. Об этом свидетельствует меморандум руководителя Ближневосточного отдела государственного департамента США Мэррея заместителю государственного секретаря Уэллесу.

Меморандум написан 5 февраля, т. е. на следующий день после грубых действий Лэмпсона и разрешения конфликта с королем Фаруком.

В меморандуме отмечается, что будет в высшей степени нежелательно для самой Великобритании лишение короля Фарука трона, так как это «сделает его мучеником в глазах народа и средоточием недовольства, саботажа и прямых нападок на британцев»[96].

Мэррей обращает внимание Уэллеса на то обстоятельство, что английский посол Лэмпсон «постоянно обходился

---

[93] *G. Kirk*, The Middle East in the War, p. 210.

[94] Там же.

[95] The Minister in Egypt (Kirk) to the Secretary of State, 4. 11. 1942, FRUS DP, 1942, vol. IV, Washington, 1963, p. 66– 67.

[96] Memorandum by Chief of the Division of Near Eastern Affairs (Murray) to the Under Secretary of State (Welles), 5. 11. 1942—FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 69.

с Фаруком бестактно и выглядит в его глазах как ищущий ошибок учителем»[97].

Весьма примечательна заключительная часть меморандума, в которой говорится, что если в годы первой мировой войны англичане были в состоянии без труда отстранить хедива[98], то сейчас они слабы и не могут осуществить подобные планы в отношении египетского короля. Англичане, «как видно, не понимают огромного ущерба, нанесенного их престижу на Востоке, который является результатом их слабости в нынешней войне»[99].

Весной и летом 1942 г. Северная Африка, и в частности Египет, вновь стали ареной ожесточенных сражений. 26 мая 1942 г. войска Роммеля атаковали позиции восьмой английской армии в квадрате Айн ал-Газали—Тобрук—Бир ал-Куби—Бир-Хаким[100]. Роммелю удалось прорвать линию обороны английской армии и в сравнительно короткий срок, в течение июня, занять вышеуказанные важные стратегические пункты. Особенно впечатляющим было взятие немецкими войсками Тобрука 21 июня 1942 г. 25 тыс. англичан, защищавших Тобрук, сдались в плен немцам[101]. В это время премьер-министр Англии находился в США и вел переговоры с Ф. Рузвельтом. Утром 21 июня 1942 г. Рузвельт вручил Черчиллю сообщение о падении крепости Тобрук. Черчилль отмечает, что для него это была большая неожиданность. «Я не думаю, — вспоминал впоследствии Черчилль, — чтоб кто-либо в Соединенных Штатах был так несчастен, как я»[102].

После падения Тобрука и захвата Мерса Матрука, ал-Адема и других важных пунктов, Роммель стремительно вклинился в Египет, продвигаясь к Александрии и Каиру.

Приблизительно в это же время немецкие армии добились успеха на советско-германском фронте. Они подошли к Сталинграду и вышли на подступы к Кавказу.

Казалось, что немцы были близки к осуществлению своих планов. Об этих планах Гитлер упоминал в беседе с немецким послом во Франции Абецом 5 января 1942 г. «Ес-

---

[97] Там же.

[98] Речь идет о низвержения 19 декабря 1914 г. хедива Аббаса Хильми, на место которого с титулом султана на трон был посажен Хусейн Камили.

[99] Там же.

[100] *G. Kirk,* The Middle East in the War, p. 215

[101] „Onwards to Victory. War Speeches by the Right Hon. Winston S. Churchill", p. 22.

[102] Там же, стр. 103.

ли бы англичане знали, — подчеркивал Гитлер, — что ожидает их на Востоке, то они не имели бы причин радоваться. Как только падет Сингапур... японцы станут хозяевами в Бенгальском заливе. К концу весны их крейсеры появятся в Персидском заливе.

В это время я возобновлю наступление на русском фронте более мощной армией, чем в 1941 г. Мои бронированные дивизии будут продолжать идти в направлении Кавказа и дойдут до Персидского залива. Мы соединимся с японцами в Басре»[103].

Успехи немецких войск на всех фронтах были так очевидны, что, как отмечал фельдмаршал Кейтель впоследствии, они никогда, ни до и ни после этого, не были так близки к победе, как в это время[104].

Положение англичан было почти безнадежным. Как признает сам главнокомандующий английскими войсками в Египте Окинлек, в это время «только барьер Сталинграда стоял между силами Вермахта и почти пустыми пространствами Ближнего Востока»[105].

Историческая битва под Сталинградом и героическая оборона Кавказа приковали главные силы Германии на советско-германском фронте и не дали возможности главному командованию германской армии усилить Африканский корпус Роммеля для нанесения окончательного удара англичанам в Египте и захвата Александрии, Каира и Суэцкого канала.

Немецкая армия продвинулась почти на 400 км в глубь Египта[106]. 30 июня 1942 г. войска Роммеля были с большим трудом приостановлены англичанами у ал-Аламейна. Фашистские войска находились в непосредственной близости от Александрии.

Положение, создавшееся в Ливии и Египте, сильно обеспокоило не только правительство Англии, но и США. Политические и военные руководители США с неослабным вниманием следили за развитием событий на североафриканском фронте, разрабатывая планы предотвращения полной катастрофы.

Рузвельт в беседе с лордом Маунтбэтеном изъявил желание послать около шести дивизий не в Англию, как было решено ранее, а «прямо в Северную Африку... для участия в

---

[103] *J. Benoist-Mechin,* Arabian Destiny, p. 221.

[104] Там же, стр. 223.

[105] Там же.

[106] «Новейшая история арабских стран», стр. 384.

«боях в Ливии, либо прямо в Марокко, на соединение с армией на Ниле»[107].

Положение на египетском фронте детально обсуждалось во время встречи У. Черчилля с Ф. Рузвельтом в июне 1942 г. в Вашингтоне. Именно в это время пала крепость Тобрук. Это был, как отмечает Р. Шервуд, страшный удар для Черчилля[108]. Но не только для Черчилля. Американцы встревожились не в меньшей степени. Сам Р. Шервуд признает, что это был новый Сингапур. «Катастрофа эта могла привести к еще более страшным последствиям, чем падение Сингапура, ибо с падением Тобрука мало что могло помешать Роммелю продвинуться к Александрии, Каиру и дальше. Соединение немцев и японцев стало сейчас как никогда не только возможным, но даже и вероятным»[109].

Естественно, это не только личные рассуждения Р. Шервуда. Будучи советником Ф. Рузвельта и одним из близко стоявших к Гарри Гопкинсу людей, Р. Шервуд в данном случае выражал настроения, царившие среди военных и политических лидеров США.

Военные штабы США и Англии, которые во время встречи Черчилля и Рузвельта рассматривали планы совместных действий в Европе, сразу, после ряда поражений Англии в Ливии и Египте, приступили к рассмотрению вопросов военных действий в Египте. Начальник штаба американской армии генерал Маршалл считал, что положение на фронтах «угрожало полным крушением на Среднем Востоке, потерей Суэцкого канала и жизненно важных источников снабжения нефтью в районе Абадана. Это был мрачный час»[110].

В США с согласия Черчилля было решено пересмотреть распределение вооружений и военных материалов с тем, чтобы резко увеличить количество поставляемых вооружений, в первую очередь танков и самолетов, английским войскам, сражавшимся в Египте. В результате американских поставок по «ленд-лизу» генерал Александер[111], как отмечает Дж. Кирк, не испытывал недостатка в вооружении, как его предшественник генерал Окинлек[112]. США передали Англии для сражавшихся в Египте войск большое количество тан-

---

[107] *Р. Шервуд,* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 209—210.

[108] Там же, стр. 219.

[109] Там же.

[110] Там же, стр. 220.

[111] Он был назначен главнокомандующим английскими вооруженными силами на Ближнем Востоке на место Окинлека в августе 1942 г.

[112] G. Kirk, The Middle East in the War, p. 224.

ков типа «Шерман». «Американские танки «Шерман», — говорил У. Черчилль в своей речи в палате общин 11 февраля 1943 г., — которые президент (Ф. Рузвельт. — *Н. О.*) дал мне в Вашингтоне в то мрачное утро, когда мы узнали о падении Тобрука и капитуляции его 25 тыс. защитников, перешли в руки войск, которые жаждали иметь хорошее оружие, чтобы использовать его против врага»[113].

Большую помощь оказала англичанам также американская авиация. Особенно надо отметить роль девятой воздушной армии Соединенных Штатов, которая эффективно бомбила коммуникации корпуса Роммеля, лишая его возможности получить пополнения и затрудняя его продвижение.

Но положение в Египте по-прежнему оставалось напряженным, что вызвало сильное беспокойство у Рузвельта. И, как свидетельствуют записи бесед президента, различные меморандумы, составленные им самим, и другие материалы, Рузвельт уделял много внимания Египту, имея в виду как военные, так и политические аспекты вопроса. 30 июня 1942 г. Рузвельт и Гопкинс отправили генералу Маршаллу телеграмму, в которой выдвинуты вопросы, проливающие свет на политику США в районе Северной Африки и Ближнего Востока.

Рузвельт спрашивал Маршалла: «Можем ли мы немедленно предпринять какие-либо шаги, которые благоприятно отразились бы на положении на Среднем Востоке?»[114]. Далее пишет Рузвельт, «я хотел бы знать:

1. Какие есть у нас основания предполагать, что канал (Суэцкий. — *Н. О.*) действительно будет блокирован?... Эффективное блокирование канала крайне необходимо.

2. Из какого пункта или пунктов на территории Африки англичане будут действовать в воздухе, на суше и на море? То же самое — в Малой Азии?

3. Каков может быть следующий шаг Роммеля или Германии. Думаете ли Вы, что это будет Сирия или Кипр? Не являются ли целью нефтяные промыслы Мосула?

4. Какие английские силы могут быть переброшены в эти районы и в чем будет заключаться вероятная стратегическая оборона нефтепромыслов?

5. Сообщите мне, какие, по Вашему мнению, воздушные и сухопутные силы нужно иметь в Сирии, чтобы сдерживать Турцию?

---

[113] „Onwards to Victory. War Speeches by the Right Hon. Winston S. Churchill", p. 22.

[114] *Р. Шервуд,* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 224.

6. Какое внимание следует уделить организации сильной обороны Басры или района Черного моря?»[115]

Вопросы, поставленные Ф. Рузвельтом перед начальником штаба американской армии, свидетельствуют о тех сложных проблемах, которые возникли или могли возникнуть вследствие успеха Роммеля в Египте. Они одновременно свидетельствуют о широких интересах США не только в Египте, но и на всем Ближнем Востоке, включая Сирию, Турцию и Ирак.

Генерал Маршалл отвечает, что Суэцкий канал в принципе можно эффективно блокировать. Что касается целей Роммеля, то, по мнению Маршалла, «первой целью его является уничтожение английской армии, затем оккупация Кипра и Сирии и в конечном счете захват района Мосула и Басры»[116]. Генерал Маршалл считал вероятным также стремление Роммеля «перерезать американскую авиатрассу, ведущую через Африку на Средний Восток, в Советский Союз и на Дальний Восток»[117].

Что касается сосредоточения войск в Сирии для удержания Турции от вмешательства, то Маршалл отмечает: «Это потребовало бы такого увеличения сил, которое далеко превосходило бы наши возможности», а учитывая оборону Басры, «любая крупная операция в этом районе полностью обескровила бы нас»[118].

Из ответа Маршалла Ф. Рузвельту окончательно стали ясны катастрофические последствия возможной потери Египта. Необходимо было дать решающий отпор немецким войскам именно в Египте, в противном случае весь Ближний Восток остался бы беззащитным перед корпусом Роммеля. На этом он еще раз останавливается в своем меморандуме от 16 июля 1942 г. Ввиду важности выдвинутых в ней вопросов мы считаем необходимым более подробно остановиться на изложении и анализе этого документа.

Меморандум Рузвельта был написан в связи с поездкой Гарри Гопкинса, генерала Маршалла и адмирала Кинга в Лондон для переговоров с Черчиллем.

«Немедленно выезжайте в Лондон, — приказывал им Рузвельт, — в качестве моих личных представителей для

---

[115] Там же.
[116] Там же.
[117] Там же.
[118] Там же, стр. 225.

консультации с соответствующими английскими властями о ведении войны»[119].

Известно, что в июне 1942 г. сам Черчилль находился в Вашингтоне и вел переговоры с Рузвельтом. Он уехал из Вашингтона в конце июня. На первый взгляд кажется странным, что спустя немногим более две недели после отъезда английского премьер-министра американский президент отправил в Лондон трех своих высокопоставленных представителей для уточнения военных планов. Это объясняется тем, что в этот короткий срок обстановка резко изменилась, что вызвало, как было отмечено, весьма обоснованную тревогу у Рузвельта. «Военное и морское стратегическое положение настолько изменилось, — писал в меморандуме Рузвельт, — что стало необходимым немедленно прийти к соглашению о совместных оперативных планах»[120]. Надо было определить и согласовать планы действий как на 1942 г., так и на весь 1943 г.

Отмечая, что основной задачей Объединенных Наций должен быть разгром держав оси и с этой целью необходимо, чтобы союзники сконцентрировали свои усилия и избегали распыления сил, Ф. Рузвельт подчеркивал: «Совершенно необходимо полностью согласованное использование английских и американских сил... Крайне важно, чтобы американские сухопутные войска были введены в действие против врага в 1942 году»[121].

Примечательно включение в меморандум пункта о «полностью согласованном использовании английских и американских сил». Появление этого пункта не было случайным. Дело в том, что Англия очень часто использовала поставки американского оружия и других материалов по «ленд-лизу» по своему усмотрению для укрепления своих имперских позиций в разных частях мира, в том числе и на Арабском Востоке. В США раздавались критические голоса в адрес политики Англии, с одновременным требованием более строгого контроля со стороны США на поставляемое ими вооружение.

В США были недовольны также тем, что английские военные силы, находившиеся в Египте и других арабских странах, не могли эффективно использовать поставляемое по «ленд-лизу» вооружение[122]. На трудности, возникшие при

---

[119] Там же, стр. 233.

[120] Там же.

[121] Там же, стр 234.

[122] Lord Casey, Personal Experience, 1939—1946, p. 73.

взаимных действиях американских и английских войск в Египте, обратил внимание Рузвельта и Гарри Гопкинс[123]. Вот почему Рузвельт требовал, чтобы его представители во время переговоров в Лондоне настаивали на согласованном использовании английских и американских сил.

Интересно и другое предложение Рузвельта — ввести американские сухопутные войска в действие против Германии и Италии в 1942 г. США не желали довольствоваться ролью только поставщика вооружений. Было понятно, что для укрепления своих позиций и влияния в послевоенном мире необходимо послать в Африку и другие части мира и свои сухопутные войска.

Весь восьмой пункт меморандума Рузвельта посвящен Египту и Арабскому Востоку. «Средний Восток, — писал Ф. Рузвельт,—следует удерживать по возможности прочно, независимо от того, потерпит Россия крах или нет.

Я хочу, чтобы Вы учли, к каким последствиям приведет потеря Среднего Востока»[124]. И он четко, пункт за пунктом указывает на последствия потери Среднего и Ближнего Востока, в географические рамки которого входит и весь Арабский Восток. По мнению Ф. Рузвельта, захват Ближнего и Среднего Востока германо-итальянскими войсками означал бы «потерю Египта и Суэцкого канала; потерю Сирии; потерю мосульских нефтепромыслов; потерю Персидского залива в результате наступления с севера и запада, а вместе с тем и потерю доступа ко всей нефти Персидского залива»[125]. Однако, как видно из меморандума, последствия захвата Египта и других арабских стран не ограничивались только районом Ближнего и Среднего Востока. По глубокому убеждению Ф. Рузвельта потеря Ближнего Востока создала бы возможность «соединения германских и японских сил и вероятную потерю Индийского океана»[126]. Она отразилась бы также на судьбе Северной и Восточной Африки, Южной Америки и т. д. Поэтому Ф. Рузвельт дает указание Гопкинсу, Маршаллу и Кингу определить, каким способом можно удержать Ближний и Средний Восток. Он предлагает для обсуждения с английским правительством в Лондоне два варианта:

а) «отправку воздушных и сухопутных сил к Персидскому заливу, в Сирию и Египет;

---

[123] *Р. Шервуд,* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 242.

[124] Там же, стр. 235.

[125] Там же.

[126] Там же.

б) новую операцию в Марокко и Алжире, рассчитанную на удар в тыл армиям Роммеля»[127].

В конце меморандума Ф. Рузвельт, подписавшийся под этим очень важным документом как главнокомандующий вооруженными силами США, еще раз подчеркивает, что «американские сухопутные войска должны сражаться в 1942 году»[128].

Когда три представителя США уже были в Лондоне, Рузвельт отправил им телеграмму, где еще раз подчеркивалось, что он стоит за операцию в Северной Африке в 1942 году[129].

Эту операцию, получившую кодовое название «Джимнаст», было решено провести не позже 30 октября 1942 г.[130].

Параллельно с подготовкой к операции «Джимнаст» правительство США предприняло ряд срочных мер по оказанию военной помощи английским войскам в Египте. По личному распоряжению президента Рузвельта бомбардировщики, ранее предназначавшиеся для оказания помощи Советскому Союзу, Китаю и Турции, были переданы английским войскам в Египте. Чан Кай-Ши выразил протест правительству США, отмечая, что «если в Ливии существует кризис, то кризис существует также и в Китае»[131].

У. Черчилль сам в своей телеграмме от 4 июля 1942 г. подсказал Рузвельту передать Англии также 40 бомбардировщиков «А-20», предназначенных для Советского Союза. Они должны были вылететь из Басры в СССР. Ф. Рузвельт согласился выполнить просьбу Черчилля. Он телеграфировал И. В. Сталину, сообщая ему о критическом положении в Египте, которое могло отразиться и на коммуникациях, идущих через Средний Восток в Советский Союз. Рузвельт писал Советскому Верховному главнокомандующему, что Черчилль просил передать 40 бомбардировщиков для немедленного использования их в битве за Египет, и добавил со своей стороны: «Я прошу Вас принять решение об этих бомбардировщиках, учитывая интересы наших общих военных усилий»[132]. И. В. Сталин дал свое согласие на переда-

---

[127] Там же, стр. 236.

[128] Там же.

[129] Там же, стр. 243.

[130] В дальнейшем операция была переименована в «Торч».

[131] Там же, стр. 226.

[132] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. 1, М., 1957, стр. 50.

чу этих бомбардировщиков Англии. Советский Союз пошел на этот шаг, несмотря на то, что вследствие отсутствия второго фронта положение советских войск в этот период было очень тяжелым. Но советское правительство удовлетворило просьбу США и Англии, исходя из союзнических интересов и показывая пример верности союзническому долгу.

США и Англии удалось в сентябре-октябре 1942 г. сосредоточить колоссальную военную технику и добиться численного превосходства над армией генерала Роммеля, которая в связи с гигантской битвой на берегах Волги не могла получить соответствующего подкрепления.

23 октября 1942 г. войска Восьмой английской армии под командованием фельдмаршала Монтгомери перешли в наступление у ал-Аламейна. Битва продолжалась 12 дней и принесла победу англичанам. Роммель отступил на запад. Этой битве последовала высадка крупных американских и английских сил в Алжире в ноябре 1942 г. В Северной Африке США и Англия высадили около полумиллиона войск[133]. Черчилль отмечает, что высадка войск в Северной Африке была «американским предприятием», о котором они договорились еще несколько месяцев назад с президентом Рузвельтом. Главная роль в этом «предприятии» принадлежала США, и американский генерал Эйзенхауэр был назначен главнокомандующим союзническими войсками[134]. Английский генерал Александер стал его заместителем.

В результате ряда военных операций американским и английским войскам удалось с ноября 1942 г. до мая 1943 г. полностью изгнать немецкие и итальянские войска из Северной Африки.

Фашистская опасность, нависшая над Египтом и другими странами этого региона, была ликвидирована.

Отдавая должное стойкости и героизму английских и американских солдат в битве при ал-Аламейна, справедливости ради надо отметить, что разгром немецко-итальянских войск в Египте и во всей Северной Африке стал возможным благодаря героизму советского народа, проявленному под Сталинградом и на Северном Кавказе. Именно здесь шла решающая битва этого периода второй мировой войны. Немецкое командование, понимая все последствия возможного поражения под Сталинградом, сосредоточило все свои силы на этом участке фронта. Африканский корпус был лишен

---

[133] „Onwards to Victory. War Speeches by the Right Hon. Winston S. Churchill. 1939", p. 5.

[134] Там же, стр. 25.

всякой помощи, и это предопределило его дальнейшую судьбу. США и Англия добились численного превосходства в живой силе и военной технике над немецко-итальянскими силами и смогли выиграть битву за Египет и Северную Африку.

Кроме того, поражение мощной немецкой группировки под Сталинградом лишило немцев возможности осуществить свой план захвата Закавказья, с дальнейшим выходом на Ближний и Средний Восток. Таким образом, благодаря историческим победам Советской Армии в 1942—1943 гг. полностью провалился фашистский план взять в клещи Арабский Восток со стороны Закавказья и Северной Африки. Победы героической Советской Армии спасли народы Египта и других арабских стран от угрозы фашистской агрессии.

Решающие победы Советского Союза на фронтах второй мировой войны невиданно подняли его авторитет во всем мире, в том числе и на Арабском Востоке.

6 июля 1943 г. премьер-министр и министр иностранных дел Египта Мустафа Нахас обратился через посла СССР в Великобритании И. М. Майского к советскому правительству с предложением об установлении дипломатических отношений. В его письме говорилось, что «Египет в течение двух лет следил с восхищением за подвигами героической русской армии и за громадными усилиями, прилагаемыми русским народом для защиты своей свободы и своей территории»[135]. Отмечая, что отсутствие дипломатических отношений между двумя государствами, находящимися в одном лагере борьбы за дело демократии, не является логичным, Мустафа Нахас предлагал установить дипломатические отношения между Египтом и СССР и обменяться «дипломатическими миссиями в возможно короткий срок»[136].

Советское правительство охотно пошло навстречу пожеланиям египетской стороны. 26 июля 1943 г. оно довело до сведения египетского правительства следующее: «Советское правительство считает, что установление нормальных дипломатических отношений между СССР и Египтом явилось бы важным вкладом в дело укрепления Объединенных Наций против гитлеровской Германии и ее сообщников, а также соответствовало бы интересам обеих стран. Ввиду

---

[135] Письмо министра иностранных дел Египта М. Нахас-паши послу СССР в Великобритании И. М. Майскому 6.VII. 1943 г. «Министерство иностранных дел СССР. СССР и Арабские страны. 1917—1960 гг. Документы и материалы», М., 1961 г., стр. 80.

[136] Там же.

этого Советское правительство охотно принимает Ваше предложение об установлении нормальных дипломатических отношений между СССР и Египтом и готово в кратчайший срок произвести обмен посланниками»[137].

Дипломатические отношения между СССР и Египтом были установлены начиная с 26 августа 1943 г.[138]

Вскоре египетское правительство приняло решение присоединиться к Атлантической хартии. 20 ноября 1943 г. посланник Египта в Вашингтоне Хасан обратился к государственному секретарю США Корделу Хэллу и от имени своего правительства заявил, что египетское правительство всегда одобряло принципы, провозглашенные в совместной декларации Ф. Рузвельта и У. Черчилля от 14 августа 1941 г., известной под названием Атлантической хартии. «Египет, — отмечал Хасан,—заявляет о своей приверженности принципам, провозглашенным в Атлантической хартии, которая содержит обещание всеобщего мира»[139]. При этом правительство Египта подчеркивало, что, по его убеждению, единственным миром, который может распространиться на все народы и обеспечить их безопасность, «является тот мир, который признает суверенные права всех народов»[140]. Египетское правительство обещало свое полное содействие в осуществлении на практике принципов, провозглашенных Атлантической хартией.

В своем ответном письме на имя египетского посланника Хасана государственный секретарь США Кордел Хэлл выражает благодарность за сообщение о решении египетского правительства, отмечая, что решение Египта придерживаться принципов Атлантической хартии «является новым свидетельством твердой преданности Египта идеалам и принципам, за которые борются Объединенные Нации»[141].

Логическим завершением этой линии египетского правительства явилось объявление Египтом войны Германии и Японии 26 февраля 1945 г.

Еще на Крымской конференции, в связи с созывом меж-

---

[137] Письмо посла СССР в Великобритании И. М. Майского министру иностранных дел Египта М. Нахас-паше 26.VII. 1943 г., «СССР и Арабские страны. 1917—1960. Документы и материалы», стр. 81.

[138] Там же, стр. 82.

[139] The Minister of Egypt (Hassan) to the Secretary of State (Hull), 20. X. 1943—DAFR, vol. VI, July 1943—June 1944, Boston, 1945, p. 214.

[140] Там же.

[141] The Secretary of State (Hull) to the Minister of Egypt (Hassan), 27. XI. 1943—DAFR, vol. VI, p. 215.

дународной конференции для создания новой международной организации вместо обанкротившейся Лиги Наций возник вопрос, какие страны должны быть приглашены на учредительную конференцию. 7 февраля 1945 г., выступая на четвертом заседании в Ливадийском дворце, президент США Рузвельт, обращаясь к Сталину и Черчиллю, спросил: «Сейчас имеется один важный практический вопрос: следует ли приглашать на конференцию наряду с воюющими против Германии странами также «присоединившиеся страны», например, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили, Египет, Исландию, которые порвали отношения с Германией, но не объявили ей войны?»[142]. Главы трех великих держав решили поручить своим министрам иностранных дел обсудить этот вопрос и представить свои рекомендации на следующем заседании. 8 февраля 1945 г. на пятом заседании конференции министр иностранных дел Англии Антони Иден доложил, что достигнуто соглашение «созвать конференцию 25 апреля 1945 г. в США. Принято неокончательное решение о том, чтобы пригласить на конференцию членов Объединенных Наций, т. е. те страны, которые подписали декларацию Объединенных Наций на какое-то февраля»[143], т. е. объявили войну фашистским странам.

Выступая на обсуждении этого вопроса, У. Черчилль особо остановился на вопросе Египта. Он отметил, что Египет дважды хотел объявить войну Германии и Италии, «однако британское правительство посоветовало Египту не делать этого, так как сохранение Египтом нейтралитета позволило предотвратить воздушные бомбардировки Каира»[144]. Нейтралитет Египта, продолжал Черчилль, был выгоден и с других точек зрения. Он дал возможность использовать египетскую армию для охраны мостов, линий связи и т. д. «Конечно, — заключил У. Черчилль, — если сейчас Египет захочет объявить войну, британское правительство не будет возражать»[145].

Затем, обращаясь к Сталину и Рузвельту, Черчилль спросил, согласны ли они допустить на конференцию в Сан-Франциско все те державы, которые объявят войну до 1 марта. Сталин и Рузвельт дали положительный ответ[146]. После это-

---

[142] «Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов», изд. 2-е, М., 1970, стр. 150.

[143] Там же, стр. 156.

[144] Там же, стр. 157—158.

[145] Там же, стр. 158.

[146] Там же.

го на Крымской конференции единогласно было принято следующее решение: «На конференцию (в Сан-Франциско.— *Н. О.*) приглашаются Объединенные Нации, которые объявили войну против общего врага до 1 марта»[147].

27 февраля 1945 г. посланник Египта в США Хасан сообщил исполняющему обязанности государственного секретаря США Грю, что его правительство с 26 февраля 1945 г. считает себя в состоянии войны с Германией и Японией и решило присоединиться к декларации Объединенных Наций от 1 января 1942 г.[148] Хасан добавил, что он уполномочен от имени своего правительства подписать эту декларацию.

В своем ответе Грю отмечал, что США, как депозитор декларации, рады приветствовать официальное вступление Египта в ряды Объединенных Наций[149].

Вступление Египта в войну носило чисто формальный характер. Его войска и вооруженные силы не принимали непосредственного участия в военных операциях. Но за это решение поплатился жизнью премьер-министр Египта Ахмед Махир[150]. Он был убит фашистским наемником, когда выходил из палаты депутатов после чтения декларации об объявлении войны[151].

Накануне закрытия Ялтинской конференции Ф. Рузвельт, в присутствии ряда лиц, сообщил У. Черчиллю, что он собирается вылететь в Египет для встречи с королем Египта Фаруком, с королем Саудовской Аравии Абд ал-Азиз Ибн Саудом и императором Эфиопии Хайле Се́ласси́е. Встреча была назначена на борту крейсера «Куинси» на Большом Горьком озере. Сообщение Рузвельта, как отмечает в своих записях Гарри Гопкинс, прямо поразило Черчилля[152]. Так как о поездке Рузвельта в Египет было сказано Черчиллю в присутствии других, то премьер-министр не имел возможности конфиденциально узнать у самого Рузвельта о причинах, побудивших его встретиться с тремя монархами.

---

[147] Там же, стр. 159.

[148] The Minister of Egypt (Hasan) to the Acting Secretary of State Grew; 27. 11. 1945—DAFR, vol. VII, July 1944—June 1945, Princeton, 1947, p. 299.

[149] Там же.

[150] Он стал премьер-министром 8 октября 1944 г., когда вафдистское правительство Нахаса было удалено в отставку королем.

[151] «Объединенная Арабская Республика» (Справочник), М., 1968, стр. 104.

[152] *Р. Шервуд*, Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 590.

Как отмечает Жак Бенуа-Мешин, Черчилль очень нервничал и беспокоился и наконец вынужден был обратиться за разъяснениями к Гарри Гопкинсу[153]. Последний отметил, что он сам ничего не знал о причинах поездки Рузвельта и «задал президенту тот же вопрос»[154]. Гопкинс отмечает в своих записях: «Черчилль думал, что замышляется серьезный заговор для подрыва британской империи в этих районах»[155]. Черчилль заявляет Рузвельту, что он после визита в Грецию также поедет в Египет для встречи с Фаруком, Ибн Саудом и Хайле Селассие. Это была очередная вспышка англо-американских противоречий. Несомненно, Рузвельт своим визитом еще раз хотел подчеркнуть тот интерес, который США питали к Египту и другим странам этого района. Его визит должен был поднять престиж США в глазах общественности Египта и послужить укреплению здесь политического влияния США.

20 февраля 1945 г. вечером официально сообщалось о приеме Рузвельтом короля Египта Фарука на борту американского крейсера «Куниси»[156]. Ему были оказаны военно-морские почести. Между президентом и королем состоялась беседа, во время которой обсуждались многие вопросы, касающиеся американо-египетских отношений[157]. В официальном сообщении не упоминались конкретные вопросы, рассмотренные Рузвельтом и Фаруком, однако некоторые источники информации отмечали, что президент США и король Египта обсуждали проблему арабского единства, участие Египта на мирной конференции и т. д. Указывалось также на то обстоятельство, что Египет вплоть до конца войны против Японии остается важным транзитным центром для войск, направляющихся из Европы на Дальний Восток. Египтяне считают, что те жертвы, которые они понесли ради союзников, дают им право занять свое место на мирной конференции и «король Фарук в связи с этим мог бы настаивать на притязаниях своей страны»[158]. Хотя и поныне не известны все подробности беседы Рузвельта с Фаруком, но ясно, что они обсуждали серьезные вопросы. Поэтому неверно замечание Гопкинса о том, что поездка Рузвельта в Египет «в сущности шутовство и что президент просто предвку-

---

153 J. Benoîs-Mechin, Arabian Destiny p. 229—230.

154 *Р. Шервуд,* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 590.

155 Там же.

156 ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 3998, л. 47.

157 Там же, л. 46—47.

158 Там же, л. 46.

шал удовольствие от встречи с колоритной вереницей повелителей этой части мира, которые считали, что президент Соединенных Штатов Рузвельт может избавить их от всех бед»[159]. Вряд ли больной и обремененный многочисленными обязанностями президент для «встречи с колоритной вереницей» пустился бы на такое путешествие. И вряд ли такой опытный политик, как Черчилль, вслед за президентом США в свою очередь совершил бы поездку по тем же маршрутам.

В данном вопросе прав английский премьер-министр, видевший во встречах Рузвельта с Фаруком и двумя другими монархами угрозу позициям британской империи.

* * *

Американо-египетские отношения не исчерпывались военно-политическими вопросами. США прилагали все усилия для укрепления также своих экономических позиций. Различные американские торгово-экономические компании усиливают свое проникновение в экономику Египта. Однако это было сопряжено со многими трудностями, главной из которых была позиция Англии. Великобритания занимала командные высоты в экономической и финансовой жизни Египта. Она ревниво следила, чтобы ни один иностранный конкурент не мог бы бросить серьезный вызов английским промышленным и торгово-экономическим фирмам. И Англия очень часто создавала искусственные барьеры на пути проникновения небританского капитала. К числу таких ограничений относится в первую очередь стерлинговый блок, куда входил, наряду со многими странами Ближнего и Среднего Востока, также Египет.

Поэтому процесс усиления экономических позиций США происходил в острой схватке с английским капиталом, который ни на йоту не хотел отступать.

Но тем не менее в годы войны Англии пришлось потесниться и дать простор действиям американского капитала. Она сама находилась в зависимости от поставок американских военных и гражданских товаров и вынуждена была под давлением США сделать определенные уступки американским фирмам.

Соединенные Штаты Америки еще до войны заинтересовались египетской нефтью, и в 1938 г. две американские нефтяные компании, «Сокони Вакуум ойл» и «Стандарт ойл

---

[159] *Р. Шервуд,* Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 590.

компани оф Нью Джерси», получили концессии на разведку египетской нефти на площади 6 млн. акров[160].

В годы второй мировой войны эти компании приступили к работе. Американские компании предусматривали вложить в это дело 15 млн. долларов[161]. «Стандарт ойл компани оф Нью Джерси» и «Сокони Вакуум ойл» вначале производили разведывательные работы на Синайском полуострове[162], затем приступили к бурению нефтяных скважин.

Помимо них, в нефтяной бизнес Египта включились также две другие американские компании — «Стандарт ойл компани оф Калифорния» и «Тексас ойл компани», которые в годы войны, в частности в 1944 г., вели разведывательное бурение к западу от Каира[163].

Американские нефтяные заправилы создали в Египте свои филиалы—дочерние компании. Они основали «Стандарт ойл компани» (Египет) — формально египетское общество, но на самом деле дочернюю компанию «Стандарт ойл оф Нью Джерси», кроме того, общество «Саут Медитеранйэн ойл филд компани»[164].

В поисках египетской нефти американские нефтяные компании опередили всех своих конкурентов и добились значительных результатов.

Более трудную область представляла торговля. Здесь американо-египетские отношения развивались туго, преодолевая такие затруднения, как английская конкуренция, наличие стерлингового блока, отсутствие долларовых запасов у Египта, высокие пошлины на некоторые египетские товары и т. д.

Торговля Египта с США до второй мировой войны была небольшого объема и имела отрицательное сальдо. Это обстоятельство беспокоило правительство Египта и оно стремилось внести изменения в торговлю с США и улучшить свой торговый баланс. 15 марта 1939 г. египетское дипломатическое представительство в Вашингтоне по распоряжению своего правительства представило специальный меморандум государственному департаменту США. В меморандуме отмечалось, что торговый баланс все больше принимает для Египта дефицитный характер, что США больше экспортируют в

---

[160] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 3468, л. 7.
[161] „Journal de Egypte", Cairo, 10. XII. 1944.
[162] *Л. Ватолина,* Современный Египет, стр. 207.
[163] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 3468, л. 47.
[164] Там же, ед. хр. 2230, л. 13.

Египет и меньше импортируют из Египта[165]. Так, например, в 1937 г. объем торговли между США и Египтом в денежном выражении составил 3704000 египетских фунтов, из коих 2143000 египетских фунтов импорт из США и только 1561000 египетских фунтов — экспорт в США[166].

Причина такого неблагоприятного для Египта торгового баланса заключалась, как отмечалось в меморандуме, в том, что США установили очень высокие пошлины на ввоз египетского хлопка, марганца и луковицы, составлявшие главные товары, экспортируемые из Египта в США[167].

В меморандуме обращалось внимание правительства США на то обстоятельство, что Египет не ответил США теми же мерами, т. е. не повысил пошлины на те товары, которые могли бы касаться американского импорта[168].

До декабря 1939 г. шли переговоры между правительствами США и Египта о заключении нового торгового соглашения. Египетская сторона отмечала, что она заинтересована в сокращении на 50% пошлин, наложенных на длинноволокнистый хлопок и хлопковое масло[169].

Американцы согласились уменьшить пошлины на длинноволокнистый хлопок, а что касается хлопкового масла, то американское правительство не считало возможным в торговом соглашении пойти на какие-нибудь уступки Египту. США мотивировали тем, что импорт египетского хлопкового масла в США невелик, составляет всего 10,7% общего ввоза США[170].

Переговоры затянулись и стороны не могли прийти к соглашению. 1 ноября 1939 г. руководитель отдела торговых договоров государственного департамента США Хокинс официально уведомил египетского посланника в следующем: «Мы вынуждены прийти к выводу, что в свете ненадежности в наше время, выражением которой является возникновение войны в Европе, и в связи с отсутствием определенных планов созыва конференции по хлопку, для нас фактически невозможно сейчас сформулировать наши предложения. Я не предвижу также, когда можно будет сделать это»[171].

---

[165] The Egyptian Legation to the Department of State. Gide-Memoire. 15. 111. 1939 – FRUS DP 1939, vol. IV, Washington, 1955, p. 487.

[166] Там же.

[167] Там же, стр. 488.

[168] Там же.

[169] Там же, стр. 499.

[170] Там же, стр. 502.

[171] Там же, стр. 504.

Невозможность заключения американо-египетского торгового соглашения 6 ноября 1939 г. подтвердил также государственный секретарь США Кордел Хэлл[172].

Отказ США от заключения торгового соглашения и понижения пошлины на товары, ввозимые из Египта, в частности на египетский хлопок, отчасти объясняется тем, что США сами начали выращивать хлопок и закупать хлопок в странах Латинской Америки, с которыми имели более тесные экономические связи, чем с Египтом.

Однако в годы второй мировой войны произошли существенные изменения в американо-египетских торговых отношениях и США стали проявлять больший интерес к торговым вопросам. Усиление торгово-экономических позиций США в Египте составляло органическую часть общей политики США на всем Ближнем и Среднем Востоке.

В апреле 1941 г. посланник США в Каире А. Кирк предложил государственному секретарю США Корделу Хэллу расширить торговые связи с Египтом, который очень нуждался в различных товарах, в том числе и продуктах, одежде и т. д.[173].

Кирк обратил внимание Кордела Хэлла на то, что США в свою очередь могут импортировать из Египта много товаров, и не только хлопок, шерсть, хлопковое масло, кожу, но и вольфрам, марганец и т. д.[174].

Как видим, была широкая возможность для развития американо-египетской торговли.

Кордел Хэлл живо откликнулся на предложение А. Кирка. 21 апреля 1941 г. он пишет ему: «Очень заинтересован и энергично буду проталкивать вопрос»[175]. Кордел Хэлл отмечает, что решение вопроса можно ускорить, если немедленно сообщить данные о наличии запасов различных товаров, в частности запасов марганца и вольфрама[176].

Не прошло и недели, как Кирк передал К. Хэллу следующие предварительные данные о марганце: имеется налицо 40 тыс. тонн 28%-го, 190 тыс. тонн 45—50%-го и 300 тонн

---

[172] Там же, стр. 505.

[173] The Minister in Egypt (Kirk) to the Secretary of State-FRUS DP. 1941, vol. 111, p. 300.

[174] Там же.

[175] The State Secretary (Hull) to the Minister in Egypt. 21. IV. 1941—FRUS DP, 1941, vol. 111, p. 301.

[176] Там же.

80%-го марганца. Что касается вольфрама, то их копи закрыты, вследствие отсутствия рынков[177].

В дальнейшем Кирк не раз упоминал о необходимости развивать торговлю между США и Египтом, подчеркивая, что это поможет открыть новые «важные рынки для американских товаров в этом районе»[178].

Именно усиление экономических позиций США в Египте и создание благоприятных условий для проникновения американского капитала и для деятельности американских торгово-экономических фирм и миссий стали одной из причин распространения правительством США действия «ленд-лиза» на Египет осенью 1941 г. Собственно, сами американские государственные деятели не скрывали этого. Один из энергичных поборников распространения закона о «ленд-лизе» на Египет американский посланник в Каире Кирк отмечал, что включение Египта в сферу этого закона принесет большие политические, экономические и финансовые выгоды США[179].

Но Кирк не был одинок. Его усилия полностью поддерживал Кордел Хэлл. С требованием полнее использовать создавшиеся в Египте возможности для укрепления положения США выступали крупные финансовые и экономические деятели. Выразителем их интересов стал руководитель американской экономической деятельностью на Ближнем Востоке Лэндис. С точки зрения понимания внутренних пружин американской экономической политики в Египте и на всем Ближнем Востоке большой интерес представляет его доклад об американо-египетских отношениях, прочитанный им 24 декабря 1944 г. в Каире, в Королевском обществе политической экономии. «В тот момент, — отмечает Лэндис, — когда американские товары стали играть в мире доминирующую роль, Ближний Восток, снабжаемый Америкой, должен был заинтересовать ее как рынок. Америка применила и к этим странам «ленд-лиз»[180]. Таким путем, утверждает Лэндис, в Египет были доставлены автомобили, сталь, медикаменты, мануфактура и др.[181]

Вопрос стимулирования американской торговли с Египтом Лэндис обсуждал в январе 1944 г. с Рузвельтом. Он

---

[177] Там же, стр. 301—302.

[178] The Minister in Egypt (Kirk) to the Secretary of State, 12. V. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 304.

[179] The Minister in Egypt (Kirk) to the Secretary of State, 15. X. 1941—FRUS DP, 1941, vol. 111, p. 314.

[180] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 3005, л. 35.

[181] Там же, л. 34.

заявил, что «США недостаточно пользуются возможностями и преимуществами для создания постоянных торговых связей со Средним Востоком, в то время как англичане настойчиво используют все торговые возможности»[182]. Англия удовлетворяет свои военные потребности на Ближнем Востоке через коммерческие каналы, что и дает «возможность английским экспортерам укрепить торговые связи для послевоенной торговли»[183]. США не пользовались таким каналом и это вызвало опасения у торговых кругов отстать от своих английских конкурентов, которые после войны могут оказаться в более выгодных условиях.

С целью обеспечения финансовой поддержки торговым операциям Лэндис добился открытия в Каире отделения одного из крупнейших ньюйоркских банков[184].

Американцы видели большое препятствие на пути развития американской торговли с Египтом и другими арабскими странами в существовании, как мы неоднократно подчеркивали, стерлинговой зоны. У Египта не было долларовых запасов и все операции он совершал на базе английских фунт стерлингов, под финансовым контролем Великобритании. Торговые фирмы США не хотели совершать свои операции в фунт стерлингах, которые были малоценными. Об этом прямо заявил Лэндис. В своем докладе он указывал: «Повсюду в Египте я сталкиваюсь с отсутствием долларов. Имеется большое количество фунт стерлингов, но они малоценны для наших коммерсантов, ибо на них мало что можно купить»[185]. Отсутствие долларов у Египта Лэндис считал основной помехой, препятствующей развитию торговых отношений между США и Египтом.

Поэтому США стремятся, с одной стороны, наладить торговлю с Египтом на принципе взаимного обмена товарами, а с другой, — добиваются смягчения ограничений стерлинговой зоны и увеличения Англией долларовых фондов Египта. Под нажимом США Англия пошла на некоторые уступки. 1 января 1945 г. между Англией и Египтом было заключено финансовое соглашение, по которому Египет «получал от Англии твердую валюту, сумма которой не должна была превышать 40 млн. долл.»[186]. Благодаря этому несколько расширилась торговля между США и Египтом. Лэн-

---

[182] Там же, ед. хр. 2731, л. 10.

[183] Там же.

[184] Там же.

[185] Там же, ед. хр. 3005, лл. 33—34.

[186] *Л. Ватолина,* Современный Египет, стр. 197.

дис считал англо-египетское соглашение «своим последним успехом»[187].

О больших перспективах двухсторонней торговли между США и Египтом говорил Ф. Рузвельт в феврале 1945 г. во время встречи с королем Фаруком. В официальном сообщении Белого дома о встрече Рузвельта и Фарука отмечалось, что «президент коснулся закупок Соединенными Штатами во время войны больших партий длинноволокнистого египетского хлопка и выразил надежду, что в будущем между США и Египтом развернется более широкий обмен другими товарами»[188]. И в связи с этим Рузвельт подчеркнул значение двусторонней торговли. Президент США также указал, что поездки американских туристов в Египет после войны возрастут и тысячи американцев посетят Египет на кораблях и на самолетах[189].

В начале января 1945 г., после заключения англо-египетского финансового соглашения, американское правительство уведомило Египет о своем решении поставить Египту 50 тыс. тонн зерна, значительное количество тканей и других товаров[190].

Об успехах американского империализма в Египте свидетельствует и такой факт, как освобождение от пошлин американских товаров, идущих транзитом через Египет. Переговоры об этом шли летом 1944 г., когда правительство США официально поставило этот вопрос перед министерством финансов Египта. Соединенные Штаты ссылались на то, что такой льготой пользуется торговая корпорация Объединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии и, следовательно, американские товары не должны подвергаться дискриминации. Египетский министр финансов в августе 1944 г. удовлетворил просьбу США[191].

США все больше и больше стремятся осуществлять свои торгово-финансовые и другие операции с Египтом и другими странами Ближнего и Среднего Востока минуя Англию. Эта политика выразилась также в поставках вооружений. До весны 1943 г. размещение в США египетских военных заказов осуществлялось Англией, под английским контролем. С повышением заинтересованности США в делах Египта было решено пересмотреть эту практику. 7 июня 1943 г. госу-

---

[187] ЦГАОР СССР, ф. 4459, от 1, ед. хр. 3998, л. 30.

[188] Там же, ед. хр. 4166, л. 63.

[189] Там же.

[190] Там же, л. 2.

[191] Там же, ед. хр. 3468, л. 37.

дарственный секретарь Кордел Хэлл сообщил А. Кирку, что принято решение перейти к практике прямых запросов к местным властям всех стран Ближнего и Среднего Востока, кроме Турции[192]. Размещение военных заказов для Турции по-прежнему должно было осуществляться Англией.

Прибегая к политике прямых запросов от местных властей Египта и других стран Арабского Востока, США фактически нарушили в одностороннем порядке англо-американское соглашение о «ленд-лизе». По соглашению, заключенному 23 февраля 1942 г., запросы на военные поставки адресовались в англо-американский Объединенный совет по военным заказам в Вашингтоне через английские власти[193]. Но прежняя практика наносила ущерб американскому престижу и жизненно важным американским экономическим интересам в арабском мире[194].

Английскому правительству ничего не оставалось, как согласиться с американской новой политикой установления прямых контактов с Египтом и другими арабскими странами.

Прямые контакты устанавливались не только при поставках вооружения. Американские торговые фирмы начали прибегать к непосредственным сделкам с египетскими партнерами. Египетский журнал «Ал-Муссавар» отмечал, что «многие египтяне во время войны установили с американцами торговые связи, имеющие большое значение»[195]. Журнал выразил мнение, что в скором времени усилится соперничество между США и Англией, и тогда торговые связи египтян с американцами будут играть свою роль.

На расширение непосредственных контактов между американцами и египтянами указывал другой египетский журнал «Роз ал-Юсеф»: «Мы видим, как в Египте американцы сближаются с египтянами и создают дружеские отношения с ними»[196]. Египет приглашали на конгрессы, организуемые США, кроме того, американцы выразили «желание обучать в своих учебных заведениях большое количество египетских учащихся»[197].

---

[192] The State Secretary to the Minister in Egypt (Kirk), 7. VI. 1943—FRUS DP, vol. IV, p. 71.

[193] *Л. Поздеева,* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1941—1945, стр. 410.

[194] FRUS DP, 1943, vol. IV p. 1—3.

[195] «Ал-Муссавар», Каир, 21.VIII.1944.

[196] «Роз-ал-Юсеф», Каир, 11.VIII.1944.

[197] Там же.

В результате активной политики правительства США и деятельности различных торговых фирм резко увеличился удельный вес США в торговле Египта, в частности в египетском импорте. До войны в торговле Египта после Англии первые места занимали Германия, Япония и Италия. США были лишь на четвертом-пятом месте[198]. Во время войны торговля Египта с державами оси прекратилась и США заняли второе место после Англии в импорте Египта. Но это объясняется не только тем, что такие конкуренты, как Япония, Германия и Италия, вышли из игры. Главная причина — увеличение физического объема торговли США с Египтом. За годы войны импорт Египта из США увеличился почти в 3,5 раза. Если в 1939 г. он составлял 2 млн. 682 тыс. египетских фунтов, то в 1946 г.—уже 9 млн. 111 тыс. ег. ф.[199]. Что касается экспорта в США, то он увеличился более чем в 4 раза. Египет в 1939 г. экспортировал товары в США на сумму 1 млн. 145 тыс. ег. ф., а в 1946 г. — на сумму 5 млн. 570 тыс. ег. ф.[200]. Бывали годы, когда США в импорте Египта опережали даже Англию. Так, в 1942 г. Египет импортировал товары из Англии на сумму 12 млн. 770 тыс. ег. ф., а из США — на сумму 13 млн. 238 тыс. ег. ф., в 1944 г., соответственно, 6 млн. 034 тыс. и 6 млн. 727 тыс. ег. ф.[201].

Эти цифры свидетельствуют об успехах, которых добились США в торговле с Египтом и о том серьезном вызове, который бросили они Англии именно в Египте, являющемся цитаделью английского влияния в Северной Африке, на Ближнем Востоке и в бассейне Средиземноморья.

В годы войны резко увеличилось число американских миссий, посетивших Египет с целью решения не только различных военных, но и экономических вопросов. В июне 1941 г. в Египте побывал видный политический деятель демократической партии США Аверелл Гарриман. Он прибыл в Каир в качестве личного представителя президента Ф. Рузвельта для решения некоторых неотложных военных и экономических вопросов.

О посещении Египта миссиями Максуэлла, Адлера, Хоскинса и др. уже говорилось.

В 1944 г. Египет посетила большая американская миссия, целью которой было «изучение производительных сил

---

[198] *Л. Ватолина,* Современный Египет, стр. 195.

[199] Там же.

[200] Там же.

[201] Там же.

страны и ее торговых возможностей»[202]. Различные американские торгово-промышленные фирмы интересовали также ирригационное строительство в Египте и перспективы поставки американского оборудования[203].

В отдельных случаях не исключалась возможность включения представителей американских деловых кругов в состав египетских компаний[204].

Параллельно с этим американские компании действовали через местных агентов, например, американские автомобильные компании. Но крупные компании, как «Дженерал моторс» и Форд имели в Египте свои филиалы[205].

Так обстояло дело не только с экспортом автомобилей. Другие промышленные компании, заинтересованные в египетском рынке, действовали так же, т. е. комбинировали открытие своих филиалов со сбытом товаров через египетских агентов. Даже американская кинопромышленность прибегала к подобным методам. Крупная кинокомпания «Метро» имела свой собственный театр в Каире, где демонстрировала свою продукцию. Другие американские кинокомпании действовали через своих агентов[206].

Успехи американской торгово-экономической политики обостряли отношения между США и Англией. Последняя хотя и всячески старалась преградить путь американскому капиталу, но уже не могла монопольно господствовать в Египте и вынуждена была во многих вопросах уступить США. Соединенные Штаты Америки, провозгласившие еще в начале войны ликвидацию всяких искусственных барьеров на пути свободной торговли, целеустремленно шли к осуществлению этого плана.

Египетские политические и государственные деятели, отлично видя соперничество между США и Англией, старались извлечь из этого выгоду для Египта. Выразителем этих настроений стал журнал «Роз ал-Юсеф». Он отмечал, что Америка начала проникать на Ближний Восток, преследуя те же честолюбивые замыслы, что и Англия. Но это соперничество не должно пугать. «Подобное положение вещей, — резюмировал египетский журнал, — полезно для умелого восточного дипломата и политического деятеля, который мо-

---

[202] Там же, стр. 207.

[203] Там же.

[204] *Л. Поздеева,* Англо-американские отношения, 1941—1945, стр. 414.

[205] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 2230, л. 13.

[206] Там же.

жет использовать эту ситуацию в целях извлечения из нее выгоды для своей страны»[207].

И надо отметить, что египетские политические деятели иногда пытались воспользоваться американо-английскими противоречиями, правда, не всегда успешно, для укрепления независимости Египта.

Говоря об американо-египетских отношениях в годы второй мировой войны, следует остановиться на деятельности различных американских культурно-миссионерских учреждений в Египте. Необходимость освещения этого вопроса диктуется кроме всего и тем, что правительство США активно поддерживало деятельность вышеуказанных учреждений и очень часто вмешивалось в дела Египта с целью защиты их «прав».

В Египте функционировали Американский университет, миссионерский колледж для девочек в Каире, миссионерская школа в Александрии. Большую деятельность развернул американский «Союз христианской молодежи», поставивший перед собой цель — «работать над моральным и физическим воспитанием молодежи» Египта[208]. Он имел свои клубы. В Египте вели раскопки различные археологические компании, организованные и финансируемые Гарвардским, Бостонским и Чикагским университетами[209].

Эти организации, в частности учебные и миссионерские, были проводниками американского влияния в Египте, пытающимися подвергнуть идеологической обработке население Египта, в частности молодежь.

Политика идеологического проникновения США в Египет вызвала серьезное беспокойство у правящих кругов и политических деятелей Египта. Они старались ограничить сферу влияния американских миссионерских учреждений и преградить путь дальнейшему усилению идеологического влияния США в Египте. Летом 1939 г. сенат Египта собирался принять законопроект, так называемый «Билль Абдель Халека Салема», запрещающий, под угрозой наказания, пропаганду среди молодежи других религиозных убеждений[210]. Подготовка принятия закона очень беспокоила американских и английских миссионеров. Полномочный представитель США в

---

[207] «Роз ал-Юсеф», 11.VIII.1944.

[208] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 2230, л. 13.

[209] Там же.

[210] The Minister in Egypt (Fish) to the Secretary of State, 12. VI·1939—FRUS DP, 1940. vol. 111. p. 491.

Египте Фиш сообщал Корделу Хэллу, что руководители Американского университета и американских миссионеров в Каире посетили дипломатическое представительство США и выразили свою тревогу по поводу вышеуказанного «Билля»[211].

Государственный департамент США сразу заступился за сохранение всех прав американских миссионерских учреждений. В инструкциях, данных госдепартаментом США посланнику США в Каире Фишу, отмечалось, что в случае принятия вышеуказанного законопроекта египетским сенатом он, Фиш, уполномочивается довести до сведения египетского руководства, что «правительство Египта не позволит санкционирование какого-либо законодательства, которое может ликвидировать или ущемить права американских институтов, которые публично признаны и утверждены египетским правительством»[212].

Уолтон Мур, исполнявший обязанности государственного секретаря и подписавший вышеуказанное предписание Фишу, 23 июля 1940 г. вновь дает указания Фишу энергичными действиями помешать принятию египетским сенатом «Билля».

Египетское правительство не поддавалось давлению со стороны как США, так и Англии, и продолжало настаивать на принятии законопроекта. Оно считало, что ограничение деятельности американских, равно и других, миссионерских учреждений необходимо с точки зрения поддержания общественного порядка. Именно с такой постановкой вопроса не хотели соглашаться американцы. Государственный «департамент, — писал Уолтон Мур Фишу, — не может признать действительным предложение о том, что для сохранения общественного порядка надо ограничить законную деятельность американских учебных учреждений в Египте»[213]. По мнению Мура, деятельность американских миссионерских и других учреждений в течение ряда лет была полезной. Считая, что желание египетского правительства принять новый закон повредит деятельности американских учреждений[214], Мур фактически от имени правительства США предписал

---

[211] Там же, стр. 492.

[212] The Secretary of State to the Minister in Egypt (Fish), 25. VIII. 1939—FRUS DP, 1940, vol. 111, p. 494.

[213] The Secretary of State to the Minister in Egypt (Fish), 23. VII. 1940, p. 502.

[214] Там же.

посланнику Фишу оказывать давление на правительство Египта и добиться отклонения «Билля».

Так как вышеуказанный законопроект был направлен и против английских миссионерских учреждений, то представители США и Англии действовали совместно. Их дипломатические представители подробно и регулярно информировали друг друга и согласовывали свои действия. Английский посол, с согласия американской стороны, несколько раз встречался с государственными деятелями Египта и оказывал на них сильное давление.

В результате американо-английских совместных действий решение вопроса затянулось. «Билль Абдель Халека Салема» так и не был утвержден египетским сенатом в годы второй мировой войны и американские и английские миссионеры продолжали свою идеологическую деятельность в прежнем объеме.

История с законопроектом об ограничении деятельности иностранных миссионеров и учебных заведений убедительно показывает, что западные империалистические державы готовы были любой ценой сохранить все рычаги распространения своего политического и идеологического влияния и грубо вмешиваться в дела государства, которое формально считалось суверенным. Она также показывает, что США и Англия, несмотря на существующие между ними серьезные противоречия, выступали единым фронтом, когда какая-либо акция Египта угрожала их общим интересам.

Таким образом, как видно из вышеизложенного, Египет в годы второй мировой войны являлся объектом активной дипломатической деятельности империалистических держав. В этой дипломатической борьбе за Египет победителями вышли Англия и США. Германии и Италии, вследствие их военного поражения, не удалось утвердиться в Египте, и они вынуждены были отказаться от своих политических планов.

Англия сумела в основном сохранить свои позиции и к концу войны продолжала оставаться державой, имеющей господствующее положение в Египте. Но вместе с тем, она вынуждена была несколько потесниться и признать военно-политические и экономические интересы США в Египте.

США удалось добиться основной военно-политической цели — предотвратить захват Египта Германией и Италией и соединение их с Японией и укрепить свое политическое влияние в Египте. Они сумели также расширить свои тор-

гово-экономические позиции в Египте и усилить влияние как на политическое, так и на экономическое развитие страны.

В годы войны США заложили фундамент своего политического и экономического влияния, которое усилилось в первые послевоенные годы, при одновременном ослаблении позиций британского империализма.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИРАК В ПОЛИТИКЕ АНГЛИИ, ГЕРМАНИИ И США

После Египта Ирак, пожалуй, самая влиятельная страна в арабском мире. Его географическое положение и природные богатства, в частности нефть, привлекали взоры великих держав, и в первую очередь Англии, Германии и Соединенных Штатов Америки. Иметь преобладающие позиции в Ираке, значило приобрести влияние на весь Арабский Восток, в какой-то степени направляя ход развития в этом важном районе.

В рассматриваемый период борьба за Ирак шла в основном между Великобританией и Германией. Но исходные позиции в этой борьбе у них были различны. Великобритания до 1932 г. имела мандат на Ирак. В 1932 г. Ирак формально был провозглашен независимым государством и принят в Лигу Наций.

Но до этого, в 1930 г. Англия навязала Ираку так называемый договор «О дружбе и союзе». Договор устанавливал, что обе стороны будут иметь полную и откровенную консультацию между собой по вопросам внешней политики. В случае войны или угрозы войны Англия и Ирак договорились оказывать друг другу необходимую помощь. Английские войска имели право пользоваться железными дорогами, реками, портами, аэродромами и средствами связи Ирака. Правительство Ирака согласилось предоставить Англии две военно-воздушные базы и право держать свои войска в Ираке[1].

Договор имел специальное приложение, по которому английские военнослужащие сохраняли все свои иммунитеты и привилегии как в юридических, так и в финансовых вопросах, включая освобождение от уплаты налогов. Для

---

[1] „Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record. 1914—1956", vol. 11, pp. 178—179.

подготовки военных кадров и обучения своей армии Ирак обязывался приглашать только английских военных инструкторов и снабжать армию только английским вооружением. Иракцы могли также обучаться в английских военных учебных заведениях. Иракская же сторона должна была создать все условия передвижения английских войск на территории Ирака.

Кроме того, Ирак также обязался приглашать из-за границы только британских чиновников и экспертов, британскую военную миссию и признать старшинство английского посла перед дипломатическими представителями других стран[2].

Таким образом, Ирак находился под полным политическим, военным и экономическим контролем Великобритании.

В годы войны 1939—1945 гг. стратегической целью Великобритании в Ираке было сохранить свои позиции и не разрешить ни одному государству попытаться проникнуть в Ирак и бросить вызов господствующему положению британского империализма.

Цель Германии заключалась в ликвидации британского господства как в других арабских странах, так и в Ираке. И, пожалуй, самая опасная ситуация для Англии создалась именно в Ираке, в частности в 1939—1941 гг. Германия считала Ирак очень важным звеном в общем плане установления своего господства на Арабском Востоке.

Иной была позиция США в иракском вопросе. Внешне США почти полностью солидаризировались с позицией Англии, в частности в критические для Англии апрельско-майские дни 1941 г. Но вместе с тем они стремились воспользоваться ослаблением и зависимым положением Англии и укрепить свое политическое и экономическое влияние. Открыто США не выступали против господства Англии в Ираке. Наоборот, иногда США настаивали, чтобы Ирак остался верным своим союзническим обязанностям в отношении Англии. Такая позиция Соединенных Штатов объясняется главным образом стремлением не допустить захвата Ирака Германией.

Но США, будучи в союзнических отношениях с Англией, стремились укрепить свои позиции в Ираке. Эту политику они осуществляли главным образом с помощью военных поставок и организации обороны Ирака, закона о «ленд-лизе» и других каналов.

---

[2] Там же, стр. 179—181.

В годы второй мировой войны Ирак стал одним из сложных узлов межимпериалистических противоречий и занимал важное место в стратегических планах Англии, США и Германии.

* * *

Интересы США в Ираке были разнообразными. Они включали как военно-политические и экономические, так и другие области общественной жизни Ирака. Как показывают официальные документы и материалы, США пытались использовать все, даже на первый взгляд самые незначительные возможности, для того, чтобы обосноваться в Ираке и в дальнейшем усиливать свое влияние.

В этом аспекте весьма примечательна позиция США в отношении решения иракского правительства об иностранных учебных заведениях, функционировавших в Ираке.

Официальные документы показывают, что в 1939—1940 гг. в американо-иракских отношениях большое место занимала проблема сохранения в неприкосновенности американских учебных заведений в Ираке. Вопрос имел столь первостепенное значение, что правительство США прибегло к решительным мерам, чтобы помешать иракскому правительству принять новый закон об иностранных учебных заведениях.

Но прежде чем осветить позицию США в этом вопросе, разъясним смысл нового закона и причины, побудившие иракское правительство и парламент прибегнуть к такому мероприятию.

В мае 1939 г. в иракских газетах появилось сообщение о том, что иракское правительство внесло на рассмотрение парламента новый закон об иностранных школах.

Новый закон, как официально отмечало правительство, преследовал цель «организовать дела в области культуры и образования»[3].

Центральным пунктом нового закона было запрещение иракским подданным посещать иностранные школы.

В Ираке действовал ряд иностранных, главным образом иракских, французских и американских школ. Американские школы, как начальные, так и средние, имелись в Багдаде и Басре[4].

---

[3] The Iraqi Minister for Foreign Affairs to the American Legation, 12. VIII, 1939—FRUS DP, 1939, vol. IV, p. 550.

[4] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 5. VIII. 1939—FRUS DP, 1939, vol. IV, p. 547.

Школы были основаны американскими миссиями методистов и пресбитерианцев[5]. Кроме того, в Багдаде существовал колледж американских иезуитов. Американцы вложили в колледж приблизительно 250 тыс. долларов[6].

В американских учебных заведениях иракским детям внушали преклонение перед американской системой и пытались подготовить из молодежи Ирака верных служителей интересам американского империализма.

Это не могло не беспокоить иракские национально-патриотические силы. Судьба каждой страны в конечном счете в значительной степени зависит от того, в каком духе воспитывается молодое поколение и по какому пути оно пойдет.

Тридцатые годы нашего века были сложным периодом в истории Ирака. В этот период значительно окрепли национально-патриотические силы и усилился иракский национализм. И поскольку национализм был направлен против господства империализма и способствовал укреплению национального самосознания иракцев, то он, бесспорно, имел прогрессивный характер.

Иракские национально-патриотические силы, бросившие вызов империализму, не могли относиться равнодушно к деятельности различных иностранных просветительно-культурных и миссионерских организаций в Ираке, быть безразличными к судьбе молодого поколения. Наоборот, их целью было воспитать молодых иракцев в духе патриотизма и сделать из них верных и последовательных борцов за независимость Ирака. Следовательно, борьба иракских патриотических сил за ликвидацию иностранного влияния на просвещение, по сути дела, являлась составной частью общего национально-освободительного движения.

Американцы, как будет показано, оказывали сильное давление на Ирак, пытаясь провалить обсуждение законопроекта в иракском парламенте и сохранить в полном объеме американские просветительные учреждения.

На первый взгляд может показаться не совсем понятной столь сильная реакция США на иракский законопроект о школах. Но нельзя упускать из виду, что США не имели сильных позиций в Ираке и каждая возможность обеспечить свое присутствие в Ираке приобретала для них весьма важное значение. С сохранением американских учебных заведений они имели возможность в какой-то степени оказывать

---

[5] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 2230, л. 12.

[6] The Secretary of State to the Minister in Iraq (Knabenshue), 9. XI. 1939—FRUS DP, 1939, vol. IV, p. 553.

влияние на Ирак, создавая кадры, готовые служить интересам американского империализма. Вот почему в течение 1939—1940 гг. американская дипломатия развернула энергичную деятельность в Ираке, пытаясь добиться отклонения или изменения законопроекта, с целью полностью сохранить права американских учебных заведений.

5 августа 1939 г. американский посланник-резидент в Ираке Кнабеншу отправил государственному секретарю США свою первую подробную информацию о новом законопроекте иракского правительства в области образования, о его последствиях для американских школ и о своих действиях, направленных на предотвращение принятия законопроекта.

Кнабеншу был твердо убежден, что принятие иракского законопроекта «будет пагубным для американских и других иностранных школ»[7]. Он вступает в переговоры со своим французским коллегой Лекуером, так как в Ираке функционировали также французские школы и новый иракский законопроект относился в равной степени и к французским школам. Кнабеншу и Лекуер договариваются действовать совместно[8].

15 мая 1939 г. Кнабеншу встретился с министром иностранных дел Ирака и заявил ему, что положения закона противоречат 15-й статье Декларации, представленной Ираком Лиге Наций 30 мая 1932 г.[9] Он даже потребовал у министра показать ему текст законопроекта, прежде чем он будет представлен на рассмотрение совета министров Ирака.

1 августа иракские газеты сообщили, что законопроект одобрен правительством и представлен парламенту для утверждения на данной сессии, до парламентских каникул. Кнабеншу 4 августа 1939 г. направил ноту министру иностранных дел Ирака. В американской ноте отмечалось, что новый законопроект наносит ущерб американским образовательским учреждениям и противоречит привилегиям, которыми они пользовались согласно Конвенции и Протоколу, заключенному между Соединенными Штатами, Англией и Ираком в Лондоне 9 января 1930 г. и Декларации Иракского королевства Лиге Наций 30 мая 1932 г.[10] Американский по-

---

[7] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 5. VIII. 1939—FRUS DP, 1939, vol. IV, p. 545.

[8] Там же.

[9] Там же, стр. 546.

[10] The American Legation to the Iraqi Ministery for Foreign Affairs, 4. VIII. 1939—FRUS DF, 1939, vol. IV, p. 548.

сланник желает уточнить, «действительно ли предполагаемый закон представлен в парламент для его одобрения?»[11].

Кроме того, Кнабеншу изложил свое мнение и премьер-министру Ирака Нури Саиду. Он просил иракского премьер-министра задержать рассмотрение закона в парламенте до следующей сессии парламента, которая должна была открыться в октябре.

Свою просьбу Кнабеншу мотивировал тем, что он собирался внести свои предложения и желал бы, чтобы иракская сторона уделила им соответствующее внимание[12]. Нури Саид заверил американского посла, что удовлетворит его просьбу и что «ничего не будет принято до открытия следующей сессии парламента»[13].

Выше было отмечено, что принятие нового законопроекта явилось выражением стремлений иракских национально-патриотических сил укрепить чувство национального самосознания у иракцев и в конечном счете было направлено против империализма. В связи с позицией Нури Саида, поддержавшего вышеуказанный закон, могут справедливо возникнуть сомнения, так как последний был ярым защитником интересов империализма в Ираке. Но Нури Саиду не всегда удавалось проводить ту политику, которую он и его империалистические хозяева хотели бы. В течение своей долголетней политической деятельности не раз приходилось ему сталкиваться с непреодолимыми трудностями, иной раз даже спасаться бегством из Ирака. В указанный период в Ираке усилилось влияние национально-патриотических сил, в частности в армии, и они играли решающую роль как во внешней, так и во внутренней политике Ирака. Именно этим силам удалось добиться принятия нового законопроекта.

С другой стороны, законопроект не затрагивал интересы Великобритании, так как она не имела в Ираке учебных заведений. Нури Саид был ярым защитником интересов именно британского империализма и в данном конкретном случае его не очень беспокоило, как и Англию, будущее американских, французских и иранских школ в Ираке. И этим, главным образом, можно объяснить позицию Нури Саида и сил, сгруппировавшихся вокруг него, в вопросе законопро-

---

[11] Там же.

[12] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 5. VIII. 1939—FRUS DP, 1939, vol. IV, p. 547.

[13] Там же.

екта иракского правительства об иностранных учебных заведениях.

Сказанное о позиции Англии в этом вопросе подтверждается американскими официальными источниками. Поверенный в делах США в Багдаде Мэтисон 22 августа 1939 г. сообщил Корделу Хэллу, что он по приглашению секретаря по восточным вопросам британского посольства в Ираке капитана Хольта посетил британское посольство и обсудил с ним ситуацию, связанную с иракским законопроектом. Единственной основой для выражения протеста Ираку, — говорит Хольт, — является Декларация Ирака Лиге Наций от 30 мая 1932 г. Однако вряд ли «протест на этой основе будет иметь большой эффект, потому что Ирак первоначально возражал против включения вопроса об учебных заведениях в Декларацию»[14].

Мэтисон, конечно, понял, что британское посольство не очень склонно поддерживать усилия США. Сам Мэтисон объяснял позицию Великобритании тем, что «британские интересы в учебных заведениях этой страны незначительны»[15]. Исходя из этого, он сообщает государственному секретарю США, что «не будет удивительным, если их (англичан. — *Н. О.*) действия будут соответствовать их интересам»[16].

Государственный департамент полностью одобрил действия Кнабеншу. Исполняющий обязанности государственного секретаря Уолтон Мур, сообщив об этом 14 сентября 1939 г. Кнабеншу, вновь указывал, что иракский законопроект противоречит иракской Декларации 30 мая 1932 г., «на основе которой Ирак был признан как независимая нация»[17]. Мур предлагал Кнабеншу продолжать настаивать на ответственности правительства Ирака в этом отношении, т. е. в отношении взятых Ираком обязательств перед Лигой Наций.

Чтобы усилить нажим на Ирак, американский посланник-резидент пытался добиться поддержки своих действий со стороны Великобритании. В начале ноября 1939 г. он встретился с послом Англии в Багдаде Базилем Ньютоном. Разговор между ними носил предельно откровенный харак-

---

[14] The Charge in Iraq (Mattison) to the Secretary of State, 22. VIII. 1939—FRUS DP, 1939, vol. IV, p. 549.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] The Secretary of State to the Minister Resident in Iraq (Knabenshue), 14. IX. 1939—FRUS DP, 1939, vol. IV, p. 551.

тер. Кнабеншу говорил Ньютону, что, хотя сейчас в Ираке нет британских школ, но желательно, чтобы английский посол поддержал представителей дипломатических миссий США и Франции[18]. Кнабеншу пытался убедить британского посла, что «вновь предложенный законопроект направлен вообще против иностранцев и любое мероприятие против иностранных интересов может создать прецедент для дальнейших действий в других областях»[19]. Кнабеншу тем самым пытается создать объединенный фронт империалистических держав против Ирака. Он запугивает британского посла перспективой укрепления национальных чувств иракцев и суверенитета иракского государства, считая, что это противоречит интересам западных держав.

Английский посол в принципе согласился с американским посланником. 1 ноября Базил Ньютон сам нанес визит Кнабеншу и сообщил ему, что он поставил этот вопрос перед своим правительством и получил указание из Лондона оказывать полную поддержку действиям американской дипломатической миссии в Ираке[20]. Посол добавил, что он собирается встретиться с министром иностранных дел Ирака и заявить ему, что «по мнению его правительства, правительство Ирака должно воздержаться от одобрения закона об образовании, который противоречит букве и духу Декларации Ирака Лиге Наций от 30 мая 1932 г.»[21]. Базил Ньютон действительно сдержал свое слово и оказывал полную поддержку Кнабеншу.

Возникает вопрос, чем вызвано изменение политики Англии. Ведь в первый период Англия не оказывала никакой поддержки США. Можно даже предположить, что лидеры Ирака, видимо, знали о позиции Англии и это обстоятельство также сыграло свою роль в составлении и выдвижении нового законопроекта, который прямо не задевал интересы Англии.

Изменение политики Англии объясняется главным образом тем, что уже началась вторая мировая война. В этой войне, как неоднократно отмечалось, Англия нуждалась в военной, материальной и финансовой помощи и политической поддержке США. Кроме того, отношения Англии с Ираком были весьма натянуты. В Ираке существовали вли-

---

[18] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 2. XI. 1939—FRUS DP, 1939, vol. IV, p. 552.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] Там же.

ятельные антибританские силы, как в политических, так и в армейских кругах. Против Великобритании был настроен весь иракский народ.

В такой сложной ситуации Англия сама нуждалась в помощи США, потому и решила поддержать усилия американцев и оказать нажим на правительство Ирака.

Под давлением английского посольства и американской и французской дипломатических миссий министр образования Ирака, как сообщал Кнабеншу 12 апреля 1940 г. государственному секретарю США, снял законопроект с рассмотрения иракского парламента. В печати сообщалось, что в законопроект министром здравоохранения будут внесены кое-какие изменения.

Министр иностранных дел Ирака заверил американского посланника, что «компетентные иракские органы рассматривают вопрос во всех его аспектах и в ближайшем будущем сообщат о результатах»[22].

Однако в дальнейшем правительство Ирака решило действовать энергично и дать силу закону об иностранных учреждениях. Оно вновь внесло закон на рассмотрение парламента. Палата депутатов одобрила закон после рассмотрения его 12—14 апреля 1940 г., а сенат — в мае 1940 г.[23]

Здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что в марте 1940 г. состоялась смена правительства Ирака. Правительство Нури Саида ушло в отставку и премьер-министром стал Рашид Али ал-Гайлани. Он был решительно настроен против Англии и считал своим первейшим долгом укрепление независимости и суверенитета Ирака.

С помощью Нури Саида Англии и США удалось затянуть рассмотрение вопроса с середины 1939 г. до весны 1940 г. Более того, законопроект был снят с повестки дня парламента. Но теперь, с приходом к власти Рашида Гайлани, с которым патриотические силы Ирака связывали большие надежды, Англия и США были лишены возможности откровенно и бесцеремонно оказывать давление на иракское правительство, и оно быстро добилось одобрения законопроекта иракским парламентом.

США, потерпев фиаско в своих стремлениях не допустить рассмотрения и одобрения законопроекта иракским парламентом, пытаются действовать через регента Абдул

---

[22] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 12. IV. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 731.

[23] Там же, стр. 731—732.

Иллаха[24]. США оказывают давление на регента с помощью британского посла и Нури Саида, который занял пост министра иностранных дел в кабинете Рашида Али ал-Гайлани.

6 мая 1940 г. состоялась встреча министра иностранных дел Ирака Нури Саида с американским посланником в Ираке Кнабеншу. Нури Саид принес ему свои извинения за принятый парламентом закон и объяснил, что во время рассмотрения закона в сенате он отсутствовал, иначе он бы предложил отложить рассмотрение до следующей сессии парламента[25].

Кнабеншу, воспользовавшись столь любезным отношением Нури Саида, предложил ему, учитывая создавшуюся ситуацию, отложить подписание закона регентом[26].

Закон, согласно иракской конституции, получал силу только после его подписания главой государства, в данном случае регентом.

Нури Саид обещал содействие Кнабеншу, вследствие чего закон, одобренный иракским парламентом еще в мае, был рассмотрен регентом лишь в августе 1940 г.

Параллельно с этим как американская, так и иракская сторона пытались найти какое-то компромиссное решение, не нарушавшее основные принципы закона об иностранных школах.

10 июля 1940 г. состоялась встреча представителей американских школ и министерства просвещения Ирака. После длительных споров стороны пришли к следующему соглашению: американские начальные школы вверяются иракцам, которые приобретут разрешение открыть эти, т. е. американские, школы под своим именем как частные, при условии, что министерство просвещения поможет им в получении аттестатов из Америки, через американские школы[27].

Соглашение считалось неофициальным, джентльменским. Но тем не менее, Нури Саид посчитал своим долгом подтвердить 15 июля 1940 г., что американская и иракская стороны достигли джентльменского соглашения[28]. Нури Саид надеялся, что это соглашение послужит основой для дальнейших переговоров и заключения нового соглашения.

---

[24] Иракский король Фейсал II, внук Фейсала I и сын Гази I, был малолетним и его дядя Абдул Иллах был назначен регентом до его совершеннолетия.

[25] FRUS DP, 1940, vol. III, p. 732.

[26] Там же.

[27] Там же, стр. 738.

[28] Там же, стр. 741.

Но новые переговоры не состоялись. В августе 1940 г. регент Абдул Иллах подписал новый закон об иностранных учебных заведениях. Он задержал подписание закона до последнего срока, дозволенного конституционной процедурой. Кнабеншу утверждает, что регент не хотел подписывать этот закон, но «подписал его под нажимом правительства, которое угрожало уйти в отставку»[29].

С подписанием законопроекта регентом он получил силу закона. Это означало, что потерпели крах все попытки США добиться при поддержке Англии и Франции отклонения закона об иностранных школах и об организации образовательного дела в Ираке.

7 сентября 1940 г. государственный секретарь США Корделл Хэлл дал указание Кнабеншу «не предпринимать в настоящее время никаких дальнейших шагов в отношении нового закона об образовании»[30].

Государственный департамент принимал к сведению джентльменское соглашение, достигнутое в июле 1940 г. между представителями американских школ и генеральным директором общественного обучения и образования Ирака.

Так завершилось американское дипломатическое вмешательство во внутренние дела иракского государства.

Принятие закона, вследствие активного вмешательства США, а также Франции и Англии затянулось более чем на год. И лишь твердость национально-патриотических сил Ирака, а также своевременные действия правительства Рашида Али ал-Гайлани смогли положить конец происка м американской дипломатии и добиться принятия закона об иностранных учебных заведениях.

* * *

В годы второй мировой войны, в частности в ее начальной стадии, Ирак стал ареной ожесточенной межимпериалистической борьбы. Весь вопрос для Англии заключался в том, чтобы заставить Ирак выполнить свои «союзнические» обязательства и без колебания выступить против Германии на стороне Великобритании. Соединенные Штаты Америки,

---

[29] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 7. VIII. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 746.

[30] The Secretary of State to the Minister Resident in Iraq (Knabenshue), 7. IX. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 746.

несмотря на свои противоречия с Великобританией, всячески поддерживали ее.

Германия, как уже неоднократно говорилось, старалась вытеснить Великобританию и утвердиться как в Ираке, так и в других странах Арабского Востока. Именно стремление Германии к установлению своего господства над Ираком создало напряженную ситуацию не только в Ираке, но и на всем Арабском Востоке и вызвала серьезную тревогу.

В соперничестве с Германией, не будучи более в состоянии одной решать все проблемы Арабского Востока, как это было до 40-х годов, и противостоять ее натиску, Великобритания вынуждена была все чаще искать поддержки у Соединенных Штатов Америки.

После начала войны между Англией и Германией английский посол в Багдаде Базил Ньютон посетил министра иностранных дел Ирака Али Джавдат ал-Айюби и заявил ему, что его правительство требует, чтобы Ирак порвал дипломатические отношения с Германией и объявил ей войну[31]. Али-Айюби передал требования британского правительства премьер-министру Нури Саиду. 5 сентября 1939 г. состоялось заседание совета министров Ирака под председательством регента Абдул Иллаха. На заседании присутствовал английский посол Базил Ньютон, который вновь повторил свои требования. Он подчеркнул, что такая акция иракского правительства явится лучшим доказательством верности Ирака англо-иракскому союзническому договору 1930 г.

Обсуждение вопроса на заседании правительства шло негладко. Премьер-министр Нури Саид был сторонником объявления войны Германии. Но ему возражали другие члены кабинета, в частности, министр юстиции Махмуд Субхи и министр обороны Таха Хашими. Они настаивали на том, что объявление войны не вытекает ни из буквы, ни из духа англо-иракского договора 1930 г.[32]

Нури Саид остался в меньшинстве. Совет министров на своем заседании 5 сентября 1939 г. решил порвать дипломатические отношения с Германией без объявления ей войны, взять под арест и интернировать немецких граждан[33].

---

[31] عبدالرزاق الحسنى الاسرار الخفية فى حركة السنة ١٩٤١ التحررى صيدا ١٩٧١ ص ٤٦ (далее Абд ал-Раззак ал-Хасани, Ал-асрар ал-хафия фи харакаты ас-сана 1941 ат-тахаррурия).

[32] Там же. .

[33] Там же, стр. 47.

Это было первым поражением Нури Саида и всех сторонников Англии в самом начале войны[34].

Во исполнение этого решения немцы, находящиеся в Ираке, были арестованы и переведены в английскую военно-воздушную базу в Хаббании, а отсюда отправлены в Индию.

Иракские власти выслали из пределов страны также полномочного представителя Германии в Ираке доктора Гробба.

Защиту немецких интересов в Ираке взяло на себя посольство Афганистана[35].

Нельзя сказать, что разрыв дипломатических отношений с Германией встретил одобрение у общественности Ирака. По мнению арабского историка Амина Саида, подобные меры, т. е. разрыв дипломатических отношений, «не обусловливались договором 1930 г. Ирак не был обязан предпринимать подобные шаги»[36]. Иракские националистические круги, как свидетельствует иракский историк Маджид Хаддури, подвергли резкой критике решение правительства. Более того, эти настроения нашли свое выражение даже в парламенте. 1 ноября 1939 г. на заседании парламента ряд депутатов выступил с критикой в адрес правительства Нури Саида. считая, что прежде чем разорвать дипломатические отношения с Германией надо было созвать чрезвычайную сессию парламента, которая рассмотрела бы необходимость такого шага[37].

Естественно, возникает вопрос, чем объяснить столь странную на первый взгляд позицию общественности Ирака? Ведь речь шла о разрыве с фашистским государством.

Позиция, занятая общественностью, а также широкими политическими и военными кругами Ирака в отношении Германии в 1939—1941 гг., объясняется двумя обстоятельствами.

---

[34] Известный иракский историк Абдел Раззак ал-Хасани упоминает о своей беседе с ал-Гайлани, во время которой последний утверждал, что английский посол Ньютон показал ему телеграмму своего правительства, где выражалась благодарность правительству Ирака за то, что оно объявило войну Германии. Ал-Гайлани утверждал, что Нури Саид и ал-Айюби заранее заверили британского посла, что Ирак объявит войну Германии. См. там же, стр. 48.

[35] Там же, стр. 47.

[36] *Амин Саид,* Восстания арабов в XX веке, М., 1964 г., пер. с арабск., стр. 191.

[37] *Majid Khadduri,* Independent Iraq. A Study in Iraqi Politics from 1932 to 1958, London, 1960, p. 146—147.

Во-первых, антиимпериалистические силы Ирака хорошо понимали, что разрыв дипломатических отношений с Германией лишил Ирак возможности лавировать между Великобританией и Германией и играть на их противоречиях. Следовательно, этот акт усилил зависимость Ирака от Англии. Во-вторых, они стремились воспользоваться сложной международной ситуацией, создавшейся в результате второй мировой войны, и выдвинуть на первый план свои собственные национальные проблемы — освобождение арабских стран от господства английского и французского империализма. Для достижения этой своей основной цели — освобождения от британского господства, они стараются использовать англо-немецкие противоречия, не останавливаясь даже перед получением помощи от Германии, однако без того, чтобы попасть под ее господство.

Эту тактику патриотических сил Ирака, служившую осуществлению главной стратегической цели, нельзя отождествлять с политикой сотрудничества с фашистскими силами, как в течение долгих лет пытаются доказать некоторые английские историки. Выступление против Великобритании еще не означало поддержку фашистской Германии. Это обстоятельство нельзя забывать, чтобы правильно ориентироваться в сложной ситуации, царившей в Ираке в первый период второй мировой войны.

Надо отметить, что эту разницу заметил весьма наблюдательный американский полномочный министр в Ираке Кнабеншу. В своем донесении государственному секретарю США от 29 мая 1940 г., давая информацию о внутреннем положении в Ираке и об англо-иракских отношениях, он писал: «Кроме сравнительно маленькой группы иракцев, которые определенно настроены пронемецки, остальные иракцы не настроены пронемецки, они только настроены антибритански»[38].

Причина антибританских настроений иракцев кроется в том, что именно Великобритания, завоевав Ирак в годы первой мировой войны, лишила его независимости, навязала ему неравноправный договор 1930 г. и совместно с Францией осуществила раздел арабских стран на основе «соглашения Сайкс-Пико». И, как отмечает Дж. Моррис, арабы в годы второй мировой войны «стали вспоминать все старые тайные обиды и оскорбления, нанесенные им Мак-Магоном,

---

[38] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 29. V. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 705.

Сайкссом, Бальфуром, выражали недовольство мандатной системой, предательством Великобритании, сионизмом»[39].

В этой сложной ситуации США должны были действовать, стремясь, с одной стороны, обеспечить свои собственные интересы и усилить свое влияние и, с другой, — добиться более или менее гармоничного сотрудничества между Ираком и Великобританией, заслонить путь немецкому проникновению и ликвидировать опасность оккупации Ирака Германией.

В начале января 1940 г. между правительствами США и Ирака шли переговоры о заключении консульского соглашения. Уже само стремление США к заключению такого соглашения свидетельствует об усилении заинтересованности американского правительства Ираком и о растущем американском влиянии в Ираке. 29 января 1940 г. Кнабеншу сообщал Корделу Хэллу, что министерство иностранных дел Ирака официально уведомило американскую дипломатическую миссию «о готовности иракского правительства заключить консульское соглашение с Соединенными Штатами»[40]. Одновременно иракское правительство обратилось с просьбой представить проект предложений.

2 февраля 1940 г. государственный департамент США отправил Кнабеншу в Багдад проект консульского соглашения. 11 марта 1940 г. Кнабеншу посетил премьер-министра Ирака Нури Саида и вручил ему вышеуказанный проект[41]. На этом переговоры прекратились и консульское соглашение между США и Ираком не было заключено.

Издатели третьего тома «Внешних сношений Соединенных Штатов. Дипломатические материалы. 1940 г.» в своих комментариях подчеркивают, что в архивах государственного департамента США «не нашли ни одного документа, который свидетельствовал бы о дальнейших действиях Ирака, предпринятых в отношении предложенного консульского соглашения»[42].

Прекращение переговоров между США и Ираком о заключении консульского соглашения, видимо, следует объяснить той напряженной ситуацией, которая возникла в Ираке. 24 марта 1940 г. вместо ушедшего в отставку правительства Нури Саида к власти пришло правительство Рашида Али

---

[39] *J. Morris*, The Hashimite Kings, London, 1959, p. 162.

[40] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 29, 1. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 747.

[41] Там же, стр. 748.

[42] Там же.

ал-Гайлани. Объясняя причины отставки Нури Саида, арабский историк Амин Саид отмечает, что регент Ирака «Абдул Иллах понял, что необходимо сформировать новый кабинет, более приемлемый для иракского народа, который в Нури Саиде видел своего заклятого врага. Он поручил начальнику королевской канцелярии Рашиду Али ал-Гайлани сформировать кабинет»[43].

Вопрос американо-иракских консульских отношений был решен лишь после англо-иракской войны 1941 г. и свержения правительства Рашида Али ал-Гайлани. 22 декабря 1941 г. государственный департамент США официально объявил о создании американского консульства в Басре[44]. Первым американским консулом был назначен Мэттисон, занимавший до этого пост поверенного в делах США в Багдаде.

Но если кабинет Рашида Гайлани, образованный 24 марта 1940 г., был приемлем для иракских патриотических сил, то Великобритания приняла его с большим недовольством и чинила ему всякие препятствия.

Англия добивалась свержения правительства ал-Гайлани, что ей удалось в январе 1941 г. Гайлани вновь пришел к власти в апреле того же года, а в мае вспыхнула англо-иракская война.

В такой чрезвычайно сложной ситуации правительствам Ирака, несколько раз сменившим друг друга в течение 1940—1941 гг. и полностью поглощенным разрешением серьезных и трудных проблем, некогда было заниматься второстепенными вопросами.

По всей вероятности, так можно объяснить прекращение переговоров между США и Ираком о заключении консульского соглашения.

Приход Рашида Али ал-Гайлани к власти в марте 1940 г. правительство Великобритании рассмотрело как угрозу своим интересам. Ал-Гайлани представлял то национально-патриотическое крыло иракского общества, которое откровенно и последовательно выступало за ликвидацию английского господства, завоевание полной независимости и укрепление суверенитета Ирака. На месте Нури Саида, марионетки британского империализма, раболепно выполнявшего волю и любое желание англичан, Великобритания в лице Рашида Али ал-Гайлани видела государственного деятеля, который не подчинялся ее диктату. Вот почему правительство Анг-

---

[43] *Амин Саид*, Восстания арабов в XX в., стр. 191—192.

[44] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 356, л. 10.

лии с самого начала заняло враждебную позицию в отношении правительства ал-Гайлани и пыталось свергнуть его. Англичане использовали все, чтобы дискредитировать правительство ал-Гайлани, искусственно вызвать недовольство его политикой и добиться его изоляции. Правительство Англии в осуществлении своей политики возлагало большие надежды на поддержку правительства США. И оно получило такую поддержку.

После прихода Рашида ал-Гайлани к власти в Ираке усилились патриотические настроения и укрепилось национальное самосознание иракцев. Национализм, будучи для данного периода положительным явлением, направленным своим острием против империализма, одновременно вызвал у части иракцев, в частности среди работников печати, и крайне отрицательные настроения. На страницах некоторых иракских газет пропагандировались идеи ксенофобии и делались выпады вообще против иностранцев, что, конечно, не могло служить интересам национально-освободительного движения Ирака.

Англичане ухватились именно за эти ошибки, чтобы дискредитировать в глазах мировой общественности политику правительства ал-Гайлани, носившую антиимпериалистический характер и направленную на укрепление независимости и суверенитета Ирака.

Не без помощи англичан в Багдаде среди иностранцев стали распространять слухи, что народ может напасть на евреев, англичан и всех иностранцев.

Английский посол, очень ловко играя на этом, втянул США в свои планы по оказанию давления на иракское правительство. Во время встречи Ньютон внушил Кнабеншу, что очень обеспокоен судьбой иностранцев, проживавших в Ираке. Далее он сообщил американскому полномочному министру, что беседовал с премьер-министром Ирака Рашидом ал-Гайлани, требуя предпринять необходимые шаги, чтобы контролировать положение, рассеять страх и поддержать порядок. Отмечая, однако, что он не имел никакого успеха и не смог оказать давление на премьер-министра, английский посол предлагал Кнабеншу самому попытаться поговорить с ал-Гайлани.

Кнабеншу принял это предложение и встретился с иракским премьер-министром. Он потребовал принять необходимые меры, чтобы успокоить общественность и ликвидировать напряженность, которая может повредить американским гражданам. В заключении беседы американский посланник

заявил, что он, ал-Гайлани, лично несет ответственность за безопасность американских граждан в Ираке[45].

Рашид Али ал-Гайлани был уверен, что умышленно распространяются ложные слухи о расправе над иностранцами и что в этом замешаны немецкие агенты. Во всяком случае, как сообщил Кнабеншу Корделу Хэллу, Рашид Али после разговора с ним «разослал всем редакторам местных газет инструкции напечатать статьи, которые подняли бы общественность против распространения ложных слухов и против деятельности немецких агентов»[46].

Поддерживая просьбу британского посла, Кнабеншу вместе с тем информировал американское правительство, что неудачи англичан и французов в Европе расшатали веру у иракцев в Англию, и у них усилился страх перед немецким вторжением[47].

Положение в Ираке стало еще более напряженным после того, как Италия 10 июня 1940 г. объявила войну Англии и Франции. Англия потребовала от правительства Ирака разрыва дипломатических отношений с Италией. На заседании правительства 11 июня 1940 г. с поддержкой требования Англии выступил министр иностранных дел Нури Саид и министр экономики Амин Заки. Они отметили, что «не в интересах Ирака вызвать сомнение у Англии в дружбе с ней»[48].

Против разрыва дипломатических отношений выступили премьер-министр и остальные министры. Они заявили, что из англо-иракского договора 1930 г. не вытекает необходимость разрыва отношений с врагом союзника[49] и что при определении своей позиции правительство Ирака должно прежде всего исходить из интересов Ирака. А эти интересы требуют не прибегать к таким шагам, которые могли бы вызвать вражду с другим государством[50].

Правительство Ирака, вопреки давлению Англии, позиции регента Абдул Иллаха и двух министров, решило на данном этапе отложить рассмотрение вопроса о разрыве дипломатических отношений с Италией. Одновременно оно

---

[45] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 29. V. 1940—FRUS DP, 1940 vol. III, p. 705.

[46] Там же.

[47] Там же, стр. 706.

[48] *Абд ал-Раззак ал-Хасани,* Ал-асрар ал-хафия фи-харакаты сана 1941 г. ал-тахарурия, стр. 54.

[49] Там же.

[50] Там же.

декларировало о своей верности англо-иракскому договору 1930 г.

12 июня 1940 г. посол Англии Ньютон посетил Рашида Али и вручил ему телеграмму министерства иностранных дел Англии, где выражалось недовольство действиями иракского правительства. Рашид Али ответил, что «правительство Ирака никогда не примет решение вопреки интересам страны»[51] и что министерство иностранных дел Великобритании подходит к этому вопросу только из своих собственных интересов. А что касается иракцев, то они рассматривают этот вопрос с точки зрения возможных последствий для Ирака.

В дальнейшем правительство Ирака заявило, что оно готово порвать отношения с Италией, если Англия согласится удовлетворить три его требования. Рашид ал-Гайлани требовал, чтобы Англия и Франция опубликовали совместную декларацию а) о поддержке национальных чаяний Сирии и Палестины; б) об обеспечении иракской армии необходимым вооружением, что вытекало из обязательств Англии по англо-иракскому договору 1930 г.; в) предоставить Ираку достаточное количество валюты в долларах для закупки оружия в США, в случае, если Англия не сможет обеспечить иракскую армию вооружением[52].

Только после принятия этих требований Ирак пойдет на разрыв с Италией. Но английское правительство не приняло эти предложения иракского правительства. Оно не хотело давать никаких обещаний по вопросу Сирии и Палестины и отвергло предложение Ирака о поставке вооружения под тем предлогом, что у них нет лишнего оружия. Что же касается предоставления Ираку валюты в долларах для закупки оружия в США, то Англия заявила, что у нее нет долларовых излишков[53].

Ирак, как и Египет и другие арабские страны, входил в стерлинговый блок и находился под финансовым контролем Англии в вопросах внешнеэкономических сношений. Без предоставления Англией долларов Ирак не мог войти в непосредственные торгово-экономические контакты с США, так как он не располагал свободными долларами. Такая форма взаимоотношений, установленная между Англией и Ираком, помогала Англии сохранить свое экономическое гос-

---

[51] Там же, стр. 55.

[52] *Амин Саид,* Восстания арабов в XX в., стр. 192.

[53] Там же, стр. 193.

подство в Ираке и создавать барьеры на пути проникновения американского империализма в Ирак.

Англия, несмотря на то, что сама нуждалась в помощи и поддержке США, прилагала максимум усилий, чтобы сохранить свои колониальные владения и отнюдь не собиралась за американскую помощь открыть двери Ирака перед американским капиталом.

Этим объясняется отказ Англии предоставить Ираку валюту в долларах для закупки боеприпасов в США. Кроме того, в планы Англии не входило вооружать иракскую армию, которая к этому времени уже твердо занимала антибританскую позицию.

К концу 1940 г. англо-иракские отношения еще больше обострились. В создавшейся ситуации правительство США приняло решение активно выступить в защиту интересов Англии. 3 декабря 1940 г. государственный секретарь США Кордел Хэлл дал указание министру-резиденту США в Багдаде Кнабеншу немедленно встретиться с премьер-министром или министром иностранных дел Ирака и передать им некоторые соображения правительства США[54].

Во время встречи с ал-Гайлани Кнабеншу, по поручению Кордела Хэлла, сообщил ему следующие соображения американского правительства.

Правительство Соединенных Штатов, говорилось в инструкции Хэлла, приняло твердую и фундаментальную политику оказывать всяческую помощь Великобритании в настоящей борьбе, чтобы сократить сроки войны. В свете этой политики «любое решение или действие иракского правительства, которое может привести к ослаблению сотрудничества с Великобританией, не может не создать самое неблагоприятное впечатление в Соединенных Штатах»[55].

В заключении своей телеграммы Хэлл считал нужным обратить внимание ал-Гайлани на следующий факт: «Согласно нашей информации, поражение Британии подвергнет опасности независимое существование Ирака, а также других государств Ближнего и Среднего Востока»[56].

Никогда еще правительство США не оказывало нажима на Ирак так откровенно, как сейчас. Следует отметить, что правительству Англии удалось убедить США, что Ирак не выполняет условия англо-иракского договора, уклоняется от

---

[54] The Secretary of State to the Minister Resident in Iraq (Knabenshue), 3. XII. 1940--FRUS DP, vol. III, p. 716.

[55] Там же.

[56] Там же, стр. 717.

своих союзнических обязанностей. В качестве доказательства Англия указывала на сохранение телеграфной связи между Ираком и Германией и на тайные переговоры, которые иракское правительство якобы вело с Германией для восстановления дипломатических отношений с ней.

Рашид ал-Гайлани, ознакомившись с содержанием телеграммы государственного секретаря США Кордела Хэлла, заявил Кнабеншу, что Ирак верен букве и духу англо-иракского договора 1930 г. и «иракское правительство не предприняло никаких шагов, которые задевали бы интересы союзника Ирака — Великобритании»[57].

Таким образом, Рашид Али отверг все обвинения, предъявленные правительством США Ираку. Он добавил, что все слухи об уклонении иракского правительства от выполнения своих союзнических обязанностей в отношении Англии являются ложными[58]. Тем самым ал-Гайлани отклонил также демарш правительства США.

Но почему США выступали на стороне Англии и оказывали давление на Ирак, требуя соблюдения всех условий неравноправного англо-иракского договора 1930 г.

Ответ на этот вопрос отчасти дает вышеуказанная телеграмма государственного секретаря Кордела Хэлла от 3 декабря 1940 г., где было сказано, что правительство США придерживается политики оказания помощи Великобритании в период второй мировой войны. Победа Германии и Италии, как отмечено в первой главе настоящего исследования, не отвечала интересам США. Исходя из этого, США поддерживали Англию против фашистского блока. Из этой главной, стратегической цели и надо исходить при оценке политики США как в отношении других арабских стран, так и Ирака в период войны 1939—1945 гг.

Такая политика, конечно, не означала, что США стремились укрепить господство Англии над Ираком. Наоборот, существовали глубокие противоречия между США и Англией о дальнейшей судьбе британской империи. США считали, что сохранение после войны британской империи не отвечало бы их интересам. Следовательно, США, в данном случае, оказывая нажим на Ирак, хотели укрепить лишь военные позиции Англии на Арабском Востоке и с ее помощью создать надежный бастион против немецкого проникновения.

---

[57] *Абд ал-Раззак ал-Хасани,* Ал-асрар ал-хафия фи харакаты сана 1941 ал-тахарурия, стр. 69.

[58] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 5. XII. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 718.

Ответ Рашида Али ал-Гайлани Кнабеншу, видимо, не удовлетворил правительство США и оно продолжает оказывать нажим на Ирак, пытаясь вовлечь в игру также Турцию. В начале декабря 1940 г. Кнабеншу встречается с послом Турции в Багдаде и от имени своего правительства предлагает, чтобы Турция также оказала нажим на иракское правительство, требуя беспрекословного выполнения обязанностей в отношении Англии[59]. Однако правительство Турции не поддержало предложения американского правительства. Американский посол в Анкаре Мак-Мэррей сообщил 14 декабря 1940 г. Корделу Хэллу, что он встретился с министром иностранных дел Турции и обсудил с ним вопрос о совместном американо-турецком демарше Ираку. Он отклонил это предложение, мотивируя тем, что надо выяснить, соответствуют ли эти слухи действительности[60]. Министр иностранных дел Турции сообщает Мак-Мэррею, что он дал указание турецкому послу в Вашингтоне Мюнир-бею предложить американскому правительству воздержаться от демарша, пока не будет возможности убедиться, что развитие событий действительно идет по указанному направлению[61].

Турция, таким образом, не только не поддержала предложение США, но и взяла под сомнение утверждение об ирако-немецком сближении.

Позиция Турции объясняется тем, что она в течение всего периода войны лавировала между воюющими блоками, стараясь извлечь наибольшую выгоду для себя. Если бы Турция поддержала американское предложение в вопросе совместного демарша Ираку под тем предлогом, что он хочет улучшить свои отношения, и даже сблизиться с Германией, то тем самым она заняла бы откровенно враждебную позицию в отношении Германии, что правящие круги Турции не могли себе позволить, особенно если учитывать, что в рассматриваемый период Германия одерживала одну победу за другой.

С другой стороны, Турция сама имела территориальные претензии в отношении некоторых арабских стран, в частности Сирии и Ирака. Она хотела отторгнуть и присоединить к своим территориям северные районы Сирии и Ирака. Поэтому свою политику в отношении Ирака она строила исходя из того, насколько та или иная акция могла помочь осу-

---

[59] Там же, стр. 719.

[60] The Ambassador in Turkey (Mac Murray) to the Secretary of State, 14. XII. 1940—FRUS DP, vol. III, p. 721.

[61] Там же.

ществлению ее захватнических планов в отношении сирийских и иракских территорий.

В годы войны турецкое правительство совершенно секретно неоднократно обсуждало этот вопрос с руководителями фашистской Германии. Оно активизировало свои действия в этом направлении, особенно после нападения фашистской Германии на Советский Союз[62]. Турция пыталась добиться своих захватнических планов с помощью Германии[63].

Но, как известно, немецким и турецким планам не суждено было осуществиться.

Вернемся снова к позиции США в отношении Ирака в период обострения англо-иракских отношений.

О всех своих действиях против ал-Гайлани правительство США ставило заранее в известность Англию. Так, например, перед тем как встретиться с Рашидом Али ал-Гайлани, чтобы вручить ему телеграмму Кордела Хэлла от 3 декабря 1940 г., Кнабеншу встретился с английским послом в Багдаде и подробно информировал его о содержании телеграммы и об инструкциях, данных Хэллом Кнабеншу[64]. Британский посол Ньютон полностью одобрил содержание инструкции Хэлла. Не удовлетворившись этим, он после встречи Кнабеншу с Рашидом ал-Гайлани немедленно посетил американского министра-резидента и выразил ему «благодарность за сотрудничество в этом вопросе»[65].

Таким образом, США и Англия выступали единым фронтом против правительства Рашида Али ал-Гайлани.

Правительство Англии заняло откровенно враждебную позицию в отношении Рашида ал-Гайлани и пыталось любой ценой добиться его свержения. Но оно хотело заранее заручиться поддержкой США. 26 ноября 1940 г. английский посол во время беседы с Кнабеншу поставил его в извест-

---

[62] The Ammbasador in Turky (Papen) to the Foreign Ministry, 4. VII. 1941—DGFP, Series D, vol. XIII, p. 53; Memorandum by an Official of the Political Department, 24. VIII. 1941, DGFP, Series D, vol. XIII, p. 369.

[63] Следует отметить, что Турция имела далеко идущие экспансионистские планы не только в отношении Ирака и Сирии, но и Советского Союза и других соседних стран. В годы войны в Турции лелеяли планы захватить Азербайджан, Дагестан, Крым, всю территорию между Волгой и Уралом, Среднюю Азию и т. д.

[64] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 5. XII. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 719.

[65] Там же, 10.XII. 1940, стр. 720.

ность, что встретился с регентом Ирака Абдул Иллахом и потребовал от него «изменения позиции правительства Ирака в отношении британцев, что, по его мнению, можно осуществить только через смену правительства»[66]. В начале декабря 1940 г. Ньютон вновь сообщает Кнабеншу, что «он и его правительство все еще настаивают на отставке премьер-министра (Рашида Али ал-Гайлани. — *Н. О.*)»[67].

Какова была реакция правительства США на попытки Англии свергнуть Рашида ал-Гайлани?

В официальных американских документах нет свидетельства о том, что правительство США заняло отрицательную позицию в отношении английских планов. Американские документы не говорят и о том, что оно откровенно поддержало эти планы. Но существует один документ за подписью государственного секретаря США Кордела Хэлла, который, на наш взгляд, является весьма важным источником, проливающим свет на политику правительства Соединенных Штатов в таком деликатном вопросе, как низвержение правительства Ирака.

Документ датирован 14 декабря 1940 г. В нем Кордел Хэлл сообщает Кнабеншу: «Наши интересы не простираются на вмешательство во внутренние дела Ирака или же на попытки организовать низвержение правительств или применять экономический нажим. Нашей единственной целью является указать иракским властям, что, по нашему убеждению, сотрудничество с Британией как и сопротивление агрессии тоталитарных стран отвечает их интересам»[68].

Документ показывает, что не в интересах США было поставить у власти в Ираке такое правительство, которое, в отличие от правительства Рашида ал-Гайлани, целиком шло бы на поводу у англичан. Поэтому и Хэлл предупреждает Кнабеншу, что заинтересованность США Ираком не распространяется на организацию государственного переворота в Ираке. Видимо, интересам США отвечало существование такого правительства в Ираке, которое, не поддаваясь полностью нажиму Великобритании, одновременно поддерживало бы усилия Великобритании в борьбе против Германии.

Но нельзя не обратить внимание и на тот факт, что инструкции государственного секретаря США не обязывали

---

[66] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 27. XI. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 714.

[67] Там же, 10.XII.1940, стр. 720.

[68] The Secretary of State to the Minister Resident in Iraq (Knabenshue), 14. XII. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 721—722.

Кнабеншу к активным действиям в смысле воспрепятствовать организации свержения правительства ал-Гайлани. Во всяком случае США дали свободу действиям Англии и правительство Англии именно так и восприняло политику США в отношении Ирака в данной ситуации.

Видимо, позиция США сыграла немалую роль при окончательном решении Англией вопроса о свержении ал-Гайлани.

Великобритания, пытаясь усилить нажим на правительство Ирака, добилась от США прекращения военных поставок иракской армии. Поставки вооружения осуществлялись через частные американские фирмы. 6 января 1941 г. британское посольство в Вашингтоне обратилось в государственный департамент США и, ссылаясь на британского посла в Багдаде Ньютона, сообщило, что Англия располагает сведениями о том, что братья Бонд из Сан-Франциско предлагали иракскому правительству различное вооружение[69]. Кроме того, иракский министр обороны разместил в США заказы на 500 винтовок «Джонсон», 303 автоматические винтовки стоимостью 200 тыс. долларов, материалы для производства различных видов оружия, общей стоимостью 280 тыс. долларов и другие материалы, в том числе и телефонный кабель[70].

Правительство Англии считало, что ситуация в Ираке могла улучшиться, «если бы правительство США считало возможным запретить или прекратить экспорт всех видов оружия в Ирак, во всяком случае до тех пор, пока в Багдаде к власти придет более дружественное правительство»[71]. Английское посольство запрашивало государственный департамент, могут ли Соединенные Штаты сделать что-либо в этом направлении.

По всей вероятности, в США также придавали большое значение вопросу поставок вооружения иракской армии. Иначе чем объяснить, что на следующий же день, 7 января 1941 г., заместитель государственного секретаря США сообщил британскому поверенному в делах в Вашингтоне, что правительство США согласно удовлетворить просьбу Англии в отношении поставки оружия Ираку[72].

---

[69] The British Embassy to the Department of state, 6. 1. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 487.

[70] Там же.

[71] Там же.

[72] FRUS DP, 1941, vol. III, p. 488.

Кольцо вокруг правительства Рашида Али все больше и больше сжималось. В конце концов Англии удалось, при активном участии регента Абдул Иллаха и с помощью политических интриг, добиться отставки правительства Рашида Али ал-Гайлани. 31 января 1941 г. он подал в отставку. Формирование нового правительства регент поручил Таха ал-Хашими, занимавшему пост министра обороны в правительстве ал-Гайлани.

Будучи верно своим обещаниям, правительство США наложило запрет на поставку оружия в Ирак. Как выяснилось, иракцы пытались закупить оружие не только у братьев Бонд. Представитель Ирака военный инспектор Али Джалиб вел в США переговоры с Робертом Морганом и К⁰ о приобретении 10 тыс. винтовок и других видов оружия[73].

Но командованию иракской армии не удалось вывести закупленное оружие из США. Правительство США запретило экспорт оружия в Ирак. 11 марта 1941 г. Кордел Хэлл строго конфедициально сообщил Кнабеншу, что «отказано в лицензиях об экспорте в Ирак материалов и снаряжения, кроме части самолетов, которые уже отправлены»[74].

Но ни запрет поставки американского оружия Ираку, ни отставка правительства Рашида ал-Гайлани не прояснили политическую ситуацию в Ираке.

Дело в том, что с конца 30-х годов большую роль в общественно-политической жизни Ирака стала играть иракская армия. В феврале 1940 г., после длительного соперничества, в иракской армии взяли верх четыре офицера, известные под именем «Золотой квадрат». Туда входили командующие пехотными дивизиями Салах ад-Дин ас-Саббах и Камиль Шабиб, командующий военно-воздушными силами Махмуд Сальман и командующий мотомеханизированными частями иракской армии Фахми Саид. Все они были известны своими антибританскими взглядами и преданностью национальным арабским идеалам. «Золотой квадрат» считал, что армия должна стоять на страже независимости и укрепления суверенитета Ирака и добивался ликвидации английского господства.

Англия, а также иракский двор и лично регент Абдул Иллах, который, по определению английского историка Дж. Морриса, был «больше англичанином, чем сами англичане»,

---

[73] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 19. II. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 488.

[74] The State Secretary to the Minister in Iraq (Knabensue), 11. III. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 489.

считали, что пока иракская армия находится под контролем «Золотого квадрата», они не могут быть полновластными хозяевами в Ираке. Поэтому они пытаются разобщить «Золотой квадрат». Таха ал-Хашими и Абдул Иллах, с согласия Англии, разработали план о выводе четырех полковников из Багдада. 26 марта 1941 г. Таха Хашими издал приказ о переводе Камиля Шабиба с поста командующего 1-й дивизии в ад-Диванию. Его место должен был занять генерал ар-Рави, сторонник Англии и регента Абдул Иллаха. Но Камиль Шабиб не подчинился приказу правительства[75].

Решение правительства Таха ал-Хашими Камиль Шабиб и его военные коллеги рассмотрели как вызов, брошенный ставленниками Англии всему «Золотому квадрату» и арабскому национально-освободительному движению. Ситуация не позволяла медлить и требовала быстрых и решительных действий.

1 апреля 1941 г. в военном лагере Рашид, близ Багдада, было созвано тайное совещание, на котором присутствовали четыре полковника — члены «Золотого квадрата», начальник штаба армии Амин Заки Сулейман и Рашид Али ал-Гайлани. Участники тайного совещания приняли решение потребовать отставки Таха ал-Хашими, назначить премьер-министром Рашида Али ал-Гайлани, а если регент и Таха ал-Хашими откажутся выполнить их требование, то поднять вооруженное восстание[76].

Сразу же после совещания Амин Заки и Фахми Саид отправились к Таха Хашими и вручили ему требование об его отставке. Тот после некоторого колебания, удовлетворил их требование[77]. В тот же день армейские части вошли в Багдад, заняли радиостанцию, государственные учреждения, все важные стратегические пункты и окружили дворец регента. Но ему, как и другим ставленникам Англии, Нури Саиду, Али Джавдату, Мидфаи и другим удалось бежать из страны.

Таким образом, армия стала хозяином положения. Премьер-министром был назначен Рашид Али ал-Гайлани. Армейское руководство рассмотрело бегство Абдул Иллаха из страны, без санкции парламента, как нарушение конституции и на этом основании вынесло решение об его низло-

---

[75] *Majid Khadduri*, Independent Iraq, pp. 208—209.

[76] Там же, стр. 210.

[77] عثمان كمال حداد حركه رشيد مالى الكيلانى صيدا ص ١٠١

жении и назначении новым регентом одного из шерифов Хиджаза, родственника короля Шарафа ибн Раджиха[78].

10 апреля 1941 г. иракский парламент выразил доверие правительству ал-Гайлани, официально именовавшемуся «правительством защиты отечества».

В программном заявлении правительства говорилось, что его главной целью является «уберечь страну от опасности быть втянутой в войну, выполнить свою национальную миссию и уважать все международные обязательства»[79]. Ал-Гайлани неоднократно подчеркивал, что его правительство готово выполнять все обязательства, вытекающие из англо-иракского договора 1930 г., и урегулировать спорные вопросы с Англией. И надо отметить, что он пытался не допустить обострения отношений с Англией и не чинить никаких препятствий деятельности английских дипломатических и других представительств в Ираке.

Но Великобритания с самого начала заняла враждебную позицию к происходившему в Ираке, так как правительство ал-Гайлани считало своим первейшим долгом обеспечение независимости Ирака. Англия объявила «правительство защиты отечества» Рашида Али ал-Гайлани неконституционным[80].

С первых же дней нового англо-иракского кризиса США были вовлечены в водоворот сложных политических комбинаций.

1 апреля 1941 г. в 8 ч. 45 мин. утра в здании американской дипломатической миссии в Багдаде появился человек, одетый в женское платье. Им оказался регент Ирака Абдул Иллах, который, испугавшись ареста, просил убежища у американского посланника[81]. Кнабеншу, естественно, принял регента. Он посоветовался с новым английским послом Кинаханом Корнуоллисом[82] о дальнейшей судьбе регента. Его нельзя было оставить в американской миссии, так как это вызвало бы серьезные осложнения с новыми иракскими руководителями. Решено было доставить регента на английскую военно-воздушную базу в Хаббании. Кнабеншу поместил иракского регента в задней части своей машины и ук-

---

[78] *Амин Саид*, Восстания арабов в XX веке, стр. 195.

[79] *J. Morris*, The Hashimite Kings, p. 164.

[80] عثمان كمال حداد حركه رشيد عالى الكيلانى ص ١٠٥

[81] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 2. IV. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 491.

[82] Он был назначен послом 13 февраля 1941 г. на место Базила Ньютона.

рыл его ковром. Для камуфляжа он взял с собой и свою жену. Они благополучно проехали мимо ничего не подозревавшего иракского патруля, который обычно останавливал и проверял машины[83]. Они доставили Абдул Иллаха в Хаббанию, где их встречал посол Корнуоллис[84].

Вскоре перед Англией и США встал вопрос о признании нового режима в Ираке. Так как английское правительство считало, что апрельские события носят не конституционный характер, то оно не могло признать правительство Рашида Али ал-Гайлани. Но Англия хотела, чтобы правительство США также заняло аналогичную позицию. 5 апреля 1941 г. британское посольство в Вашингтоне по поручению своего правительства обратилось в государственный департамент США, сообщив американскому правительству, что правительство Великобритании в настоящее время не может признать новый режим, установленный в Багдаде. В разъяснениях британского правительства отмечалось, что правительство Ирака не является законным, оно пришло к власти вследствие военного переворота и, по-видимому, является антибританским и пронацистским. Исходя из этих соображений правительство Великобритании выражало «надежду, что правительство Соединенных Штатов разделит его точку зрения в этом вопросе и также воздержится от признания нового правительства»[85].

Однако после меморандума британского посольства в Вашингтоне, на следующий день, 6 апреля, американский посланник в Багдаде Кнабеншу в своем донесении государственному секретарю говорил о новых ньюансах в политике Великобритании. В беседе с ним британский посол в Багдаде Корнуоллис сообщил, что предложил своему правительству три варианта решения англо-иракского кризиса:

1. Свергнуть иракское правительство с помощью вооруженной силы.

2. Признать нынешнее правительство.

3. Не признать иракское правительство, отозвать посла и оставить в Багдаде поверенного в делах[86].

---

[83] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 2. IV. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 492.

[84] Из Хаббании англичане регента отправили в Трансиордан[illegible].

[85] The British Embassy to the Department of State. Aide-Memoire, IV. 1941—FRUS DP, 1941 vol. III, p. 493.

[86] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 6. IV. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 493.

Итак, были получены две версии об отношении к правительству ал-Гайлани — меморандум британского посольства в Вашингтоне от 5 апреля и донесение Кнабеншу о своей беседе с Корнуоллисом от 6 апреля.

Для внесения ясности в государственном департаменте США решили рассмотреть вопрос с представителями британского посольства. 7 апреля 1941 г. состоялся телефонный разговор между начальником отдела ближневосточных дел государственного департамента США Уоллесом Мэреем и советником британского посольства в Вашингтоне Невилем Батлером. В разговоре принимал участие также сотрудник отдела ближневосточных дел государственного департамента США Гордон Мерриам.

Уоллес Мэррей, напомнив британскому советнику о меморандуме английского посольства от 5 апреля 1941 г., где утверждалось, что британское правительство воздерживается от признания нового правительства Ирака, сообщил ему, что они получили телеграмму от американского посланника в Багдаде Кнабеншу, содержание которой не совсем сходится с текстом меморандума британского посольства. Мэррей отмечает, что по мнению английского посла в Багдаде «официальное решение британского правительства о признании или непризнании режима ал-Гайлани остается открытым ввиду серьезных возражений»[87]. Американское правительство, заявляет Мэррей, считает нежелательным предпринять шаги, которые, по мнению Корнуоллиса, в настоящее время были бы неблагоразумными для его собственного правительства.

Батлер соглашается с ним[88]. Позиция Мэррея понятна. США не могли принять такие меры в отношении правительства Рашида Али ал-Гайлани, от которых сами британцы еще воздерживались, хотя меморандум английского посольства от 5 апреля толкал США именно на конкретные действия, т. е. непризнание правительства ал-Гайлани.

Но телеграмма Кнабеншу заставила задуматься в государственном департаменте США и не принимать поспешных решений. Этот факт свидетельствует о том, что в США не хотели безоговорочно и всецело поддерживать предложения, исходящие от английской стороны.

---

[87] Memorandum of Telephone Conversation, by Mr. Gordon P. Merriam of the Division of Near Eastern Affairs. Participants: Mr. Nevil Butler, Consuler of the British Embassy, Mr. Murray, Washington, 7, IV. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 494.

[88] Там же.

7 апреля 1941 г. государственный секретарь США Кордел Хэлл дал очень важную инструкцию Кнабеншу. Он указывал, что, имея в виду соображения, выдвинутые в телеграмме Кнабеншу от 6 апреля 1941 г., государственный «департамент не желает в настоящее время занять какую-либо определенную позицию в вопросе о признании или непризнании правительства Гайлани»[89].

Из инструкции Хэлла видно, что США не совсем верили в английскую версию о пронацистской позиции правительства ал-Гайлани. «В этой связи будет весьма ценным, — предписывал Кордел Хэлл Кнабеншу, — приобрести, если можно, сведения о настоящих намерениях Гайлани»[90].

Государственный департамент предлагал Кнабеншу установить неофициальные контакты с Гайлани, с целью выяснить его истинные намерения, не затрагивая, однако, вопрос признания его правительства.

Кордел Хэлл советует в качестве предлога для встречи с Гайлани использовать «тревогу за будущее американских интересов»[91].

Однако встреча Кнабеншу с самим Рашидом Али ал-Гайлани не состоялась. Лишь 28 апреля 1941 г. он нанес визит министру иностранных дел Ирака и по поручению своего правительства заявил, что он уполномочен установить неофициальные контакты с ним[92].

Но Кнабеншу имел встречи с бывшим премьер-министром Сирии Джамиль Мардамом, выступавшим в роли посредника от имени ал-Гайлани. Он пытался достичь компромиссного решения между иракским премьер-министром и британским послом в Багдаде.

Кнабеншу заявил Джамилю Мардаму, что в Ираке должно быть восстановлено конституционное правительство и что это должно быть сделано в полном согласии с Англией. Для достижения этой цели, — добавил он, — надо будет, если необходимо, пожертвовать определенными личностями, явно намекая на ал-Гайлани[93].

---

[89] The Secretary of State to Minister Resident in Iraq (Knabenshue) Washington, 7. IV, 1941—FRUS DP, 1941 vol. III. p. 496.

[90] Там же.

[91] Там же.

[92] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 29. IV. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 503.

[93] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 7. IV. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III. p. 497.

Правительство Англии, как было отмечено, с самого начала стремилось свергнуть «правительство защиты отечества» Рашида Али ал-Гайлани, а также вырвать иракскую армию из-под командования «Золотого квадрата».

Еще 8 апреля 1941 г. премьер-министр Англии Уинстон Черчилль дал специальный приказ министру по делам Индии, где говорилось, что вследствие ухудшения положения в Ираке англичане «должны обеспечить сохранение контроля над Басрой»[94]. Установление контроля над Басрой, по мнению Черчилля, было необходимо не только в связи с ухудшением ситуации в Ираке, но и в связи с тем, что «американцы все больше склоняются к тому, чтобы создать там большую базу по сборке самолетов»[95].

В Англии был составлен хитроумный план мирной оккупации Ирака. Смысл плана заключался в том, чтобы под предлогом переброски войск из Индии в Палестину сосредоточить в Ираке большое количество вооруженных сил. Английский посол официально уведомил Рашида ал-Гайлани, что его правительство желает перебросить 80 тыс. солдат из Индии в Палестину через Ирак[96]. Англия по договору 1930 г. имела на это право, поэтому и Рашид ал-Гайлани не мог возражать. Однако, соглашаясь удовлетворить английскую просьбу, он одновременно выдвинул свои условия, а именно: переброска английских войск через Ирак должна осуществляться 10 этапами и каждая группа английских солдат должна прибывать в Ирак не раньше чем предыдущая покинет Ирак, направляясь в Палестину[97].

Требование Рашида Али ал-Гайлани имело законное основание и оно было предусмотрено пунктом 7 приложения 3 к англо-иракскому договору. Иракское правительство остерегалось, что англичане, сосредоточив крупные силы, могут использовать их против Ирака. Как показали дальнейшие события, опасения правительства Рашида Али имели под собой реальную почву.

18 апреля 1941 г. в Басре высадилась английская бригада под командованием генерала Фрэзера. Англичане только 20 апреля официально обратились к правительству ал-Гайлани с просьбой разрешить высадить войска. Ал-Гайлани,

---

[94] *W. Churchill*, The Second World War, vol. III, The Great Alliance, London, 1950, p. 225.

[95] Там же.

[96] *Амин Саид*, Восстания арабов в XX в., стр. 196.

[97] Там же.

поставленный в известность пост фактум, вынужден был согласиться.

Английское правительство продолжало концентрацию сил в Ираке. 20 апреля 1941 г. У. Черчилль приказал послать три новые бригады, требуя ускорить их отправку[98]. Одновременно он дал указание министру иностранных дел Антони Идену в случае необходимости применить силу для обеспечения высадки английских войск в Басре[99]. Премьер-министр Англии прямо указал Антони Идену, что в этом вопросе соображения иракского правительства не должны учитываться.

Соответствующие английские военные и гражданские власти строго придерживались указаний премьер-министра.

28 апреля 1941 г. британский посол в Багдаде Корнуоллис сообщил ал-Гайлани, что на следующий день, 29 апреля, в Басру прибудет еще одна английская военная бригада. Рашид Али потребовал, чтобы высадка бригады произошла только после того, как предыдущая покинет Басру[100]. Но посол не хотел соглашаться с требованием ал-Гайлани. Между ними произошло резкое объяснение, и Рашид Али ал-Гайлани предупредил посла, что этот шаг англичан может иметь очень тяжелые последствия, ответственность за которые ложится на Великобританию[101].

29 апреля 1941 г. новые пополнения английских войск вошли в Басру и заняли районы порта и басринскую электростанцию. Под их давлением иракский гарнизон оставил город и остановился в 13 км севернее Басры[102].

Вступление английских войск в Ирак без разрешения иракского правительства было нарушением условий англо-иракского договора 1930 г., и 30 апреля 1941 г. иракское правительство выразило протест английскому правительству[103].

Действия Англии носили явно агрессивный характер. Рашид Али ал-Гайлани и члены «Золотого квадрата»—военные руководители Ирака, поняли, что все их усилия предотвратить конфликт с Англией тщетны. Англия ведет дело к военному столкновению и оккупации страны.

---

[98] *W. Churchill*, The Second World War, vol. 111, p. 225.

[99] Там же, стр. 226.

[100] *F. Stark*, The Arab Iseland. The Middle East 1939—1943, New York, 1946, p. 164—165.

[101] *S. Longrigg*, Iraq, 1900 to 1950, London, 1956, p. 290.

[102] Там же.

[103] *Г. И. Мирский*, Ирак в смутное время, М., 1961, стр. 159.

В спешном порядке они приняли меры для оказания сопротивления английским войскам. Правительство объявило мобилизацию двух возрастов резервистов[104]. 30 апреля иракские войска двинулись к английской военно-воздушной базе Хаббания.

Переброску иракских войск к Хаббании (танки, бронемашины, артиллерию, кавалерию и пехоту) заметил американский посланник Кнабеншу, который немедленно сообщил об этом английскому офицеру разведки. Английский офицер отправился в британское посольство и оттуда сообщил об этом в английскую военную базу в Хаббании[105].

Кнабеншу с гордостью отмечает, что это было первым известием, полученным англичанами о передвижении иракских войск[106].

До этого, к полудню 29 апреля 1941 г., все американские женщины и дети были эвакуированы из Багдада[107]. Они отправились в базу Хаббания и добрались туда в полной безопасности, благодаря, как отмечает Кнабеншу, содействиям иракских властей. Отношение иракского правительства к американским дипломатическим представителям в период англо-иракского конфликта было более чем благожелательным. Кнабеншу сообщал Корделу Хэллу, что иракское правительство с целью безопасности установило сильную полицейскую охрану вокруг здания дипломатической миссии США в Багдаде и любезно разрешает доставку пищи в американскую миссию. К этому времени в американской миссии нашли убежище 160 человек, в том числе женщины и дети разных национальностей[108].

Иракские войска, продвигавшиеся к английской военно-воздушной базе Хаббания, под командованием Фахми Саида заняли позиции на Хаббанийском плато. 1 мая 1941 г. командование иракской армии потребовало у командующего британскими воздушными силами в Хаббании вице-маршала Смарта прекратить все полеты английских самолетов[109]. Последний в свою очередь потребовал, чтобы иракские войска покинули свои позиции на плато Хаббании[110]. Иракское

---

[104] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 232, л. 116.

[105] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of tate, 30. IV. 1941—FRUS DP, 1941 vol. III, p. 504.

[106] Там же.

[107] Там же.

[108] Там же.

[109] S. Longrigg Iraq, p. 291.

[110] Там же.

командование отвергло требование Смарта. Тогда, 2 мая 1941 г. английские самолеты начали бомбить позиции иракской армии. Так началась англо-иракская война, продлившаяся до конца мая.

Иракское правительство возложило ответственность за возникновение войны на английское правительство. В заявлении иракского правительства говорилось, что оно сделало все возможное, чтобы избежать нарушения англо-иракского договора, а также избежать инцидентов с английским правительством. Однако английское правительство допускало действия, которые несовместимы с договором, ставя, таким образом, под угрозу права и безопасность страны. Это заставило правительство Ирака выполнить свой священный долг перед народом. В соответствии с этим оно приняло необходимые меры для того, чтобы обеспечить безопасность страны, и, сохраняя все свое самообладание, старалось избежать всякой провокации. Наоборот, английские провокации против Ирака усилились и приняли решительно враждебный характер. Английские войска, стоявшие в Хаббании, открыли огонь по иракскому гарнизону, который был вынужден предпринять военные действия[111].

Иракская армия, ставшая на защиту независимости своей страны, потерпела поражение. Рашид Али ал-Гайлани, четыре полковника и большинство членов кабинета бежали за границу. Стотысячная английская армия оккупировала Ирак. В городах и разных частях страны были размещены английские войска[112].

1 июня 1941 г. в Багдад вернулся регент Абдул Иллах. За несколько километров до Багдада его встречали иракские военные и гражданские руководители, британский посол и американский посланник. В их сопровождении регент вошел в свой дворец. Здесь он принял поздравления членов дипломатического корпуса. Кнабеншу сообщал Корделу Хэллу: «Регент выразил лично мне искреннее уважение»[113].

Свою признательность США и другим государствам, оказавшим ему поддержку, регент Абдул Иллах подчеркнул еще раз 1 ноября 1941 г., при открытии 8-й сессии парламента Ирака. «Я, — заявил он, — не могу не выразить нашу са-

---

[111] «Заявление иракского правительства», ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 232, л. 185.

[112] Об англо-иракской войне 1941 г. подробно см. *Н. О. Оганесян*, Национально-освободительное движение в Ираке (1917—1958).

[113] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, I. VI. 1941—FRUS DP, 1941 vol. III, p. 511.

мую горячую благодарность Англии, США, Турции, Саудовской Аравии и Трансиордании за их благородную и дружественную позицию, которую они заняли в отношении Ирака во время недавнего кризиса»[114].

Он имел все основания быть благодарным посланнику и правительству США за их поддержку. И дело не только в том, что Кнабеншу спас жизнь регента Абдула Иллаха, а в той широкой дипломатической поддержке, которую получала Англия за весь период своего конфликта с Ираком, в том числе и во время англо-иракской войны. По просьбе правительства Великобритании США решительно осудили, в частности, французское правительство в Виши, когда оно разрешило немецким самолетам использовать сирийские аэродромы для оказания помощи Ираку. 14 мая 1941 г. государственный секретарь США Кордел Хэлл дал указание американскому послу во Франции Леги связаться с министерством иностранных дел Франции и довести до сведения руководителей Франции, что разрешение немецким самолетам базироваться на сирийских аэродромах означает участие Франции в военных усилиях Германии[115]. Правительство США считало, что это не входило в условия франко-немецкого соглашения о перемирии. Хэлл поручил Леги сообщить руководителям Франции, что американское «правительство надеется, что правительство Франции пошлет инструкции властям в Сирии о том, что никакое содействие не будет оказано немецким военным операциям на сирийской территории, сирийские аэродромы не будут использованы для помощи Рашиду Али»[116].

Какова была роль Германии в возникновении этого конфликта? В буржуазной, в частности английской, историографии, доминирует мнение, что тридцатидневная война была инспирирована Германией, и Рашид Али, четыре полковника и их сторонники действовали по указке Германии. Даже были фашистскими агентами[117].

---

[114] «Заявление иракского регента», ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 234, л. 160.

[115] The Secretary of State to the Ambassador in France (Leahy) Washington, 14. V. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 710.

[116] Там же, по этому вопросу см. также, стр. 701—702, 703—705, 706—712 и т. д.

[117] Об этом см. *Н. О. Оганесян*, Англо-иракская война 1941 г. и ее оценка в буржуазной историографии, «Вестник общественных наук» АН АрмССР, № 10, Ереван, 1966.

Этого мнения придерживался сам премьер-министр Англии Уинстон Черчилль[118].

В разных вариациях эту ложную версию повторяли Р. Буллард[119], Дж. Кирк[120], Ф. Старк[121], Дж. Моррис[122], М. Сеттон-Уильямс[123], У. Йель[124] и др.

Подавляющее большинство арабских авторов считает, что англо-иракская война носила со стороны Ирака освободительный характер, она возникла из необходимости укрепления независимости и суверенитета Ирака, и немецкие фашисты к ней не причастны. Сторонниками этой точки зрения являются Наджиб ал-Арманази[125], Абд ал-Раззак ал-Хасани[126], Усман Камаль Хаддад[127], Хусейн Мурувва[128], Махмуд Ахмед Мухаммед[129], Амин Саид[130] и другие.

Определенную ясность в этот вопрос внесло опубликование новых документов внешней политики Германии. Из этих документов видно, что англо-иракская война была большим сюрпризом для правительства Германии. Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вейцзекер отмечает, что начало военных действий застало их врасплох и «она (англо-иракская война. — *Н. О.*) возникла в особенно неудобный момент, имея ввиду операцию на Крите, которая требовала концентрации всех наших сил»[131]. Это подтверждается также начальником генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковником Ф. Гальдером. 28 апреля 1941 г. он записал в своем дневнике: «Поступила директива ОКВ (верховного главнокомандования Германии.—

---

[118] *W. Churchill*, The Second World War, vol. 111, p. 225.

[119] *R. Bullard*, Britain and the Middle East, p. 131.

[120] *G Kirk*, A Short History of the Middle East, p. 198.

[121] *F. Stark*, The Arab Iseland, p. 155—156.

[122] *J Morris*, The Hashimite Kings, p. 161.

[123] *M. Setton-Williams*, Britain and the Arab States, London, 1948, p. 38.

[124] *W. Jale*, The Near East, Michigan, 1955, 339.

[125] نجيب الارمنازي محاضرات عن سوريا من الاحتلال حتى الاجلاء القاهره ١٩٥٤ ص ١٢٥

[126] عبدالرزاق الحسني تاريخ العراق السياسي الحديث ج ١ صيدا ١٩٥٧ ص ٣٨

[127] عثمان كمال حداد حركه رشيد عالى الكيلانى

[128] حسين مروة ثورة العراق بيروت ١٩٥٨ ص ٣٠

[129] محمود احمد محمد ثورة العراق القاهرة ١٩٢٣ ص ١٣

[130] *Амин Саид*, Восстания арабов в XX в., стр. 196.

[131] The State Secretary to the Legation in Iraq, 1. VI. 1941—DGFP, Series D, vol. XII, p. 959.

Н. О.) об овладении островом Крит»[132]. Германия ничего не знала о надвигающейся англо-иракской войне, и за три дня до ее начала был отдал приказ о взятии Крита. Германия не могла и знать о подготовке англо-иракской войны, так как эту войну Англия сама навязала Ираку. Для Ирака она носила вынужденный характер. Следовательно, Германия не подстрекала Ирак к войне, а после ее возникновения, будучи занятой военными операциями на Крите, не могла оказать ни нажима на Англию, ни соответствующей поддержки Ираку.

Как свидетельствуют немецкие официальные документы, в планы Германии не входила организация восстания или бунта в Ираке. В меморандуме директора политического департамента МИД Германии Воерманна от 7 марта 1941 г., который 21 марта 1941 г. был одобрен фон Риббентропом, отмечалось, что решающий удар британской империи надо нанести не через Ирак или другие страны, а через Египет[133]. В этом документе рассматривался вопрос организации восстаний и бунтов в арабских странах. Воерманн подчеркивал, что «восстания в это время могли бы представлять какую-то цель только в Палестине и Трансиордании, но не в других странах»[134]. Это бесспорное свидетельство того, что немцы не пытались толкнуть иракцев к восстанию или к выступлению против Англии. Немцы воздерживались от такого шага, так как «открытое выступление Ирака против Англии может иметь кратковременный успех и, по мнению правительства Италии также, в конечном итоге приведет к укреплению английского престижа»[135]. Воерманн считал целесообразным выступление Ирака против Англии лишь тогда, когда общая военная и политическая ситуация сделают такие действия желательными. Воерманн подчеркивал, что такой момент может наступить тогда, когда германские войска будут находиться уже на арабских территориях, или же если конец Англии будет близок[136].

Как мы уже отметили, министр иностранных дел Герма-

---

[132] *Ф. Гальдер,* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск, 1939—1942 гг. пер. с немецк., т. 2, М., 1969, стр. 488

[133] Memorandum by the Director of Political Department. Memorandum on the Arab Question, 7. 111. 1941—DGFP, Series D, vol. XII, p. 236.

[134] Там же, стр. 237.

[135] Там же, стр. 242.

[136] Там же.

нии Риббентроп одобрил меморандум Воермана и он приобрел силу официального документа.

Германия строго придерживалась выдвинутых в меморандуме принципов. 27 апреля 1941 г., за три дня до начала англо-иракской войны, Риббентроп писал Гитлеру: «Мы ни в коем случае не должны побуждать иракское правительство вступить в открытую войну против Англии, пока не будет уверенности, что Ирак достаточно силен, чтобы с помощью стран оси защищать себя от Англии»[137].

Почему Германия была против открытого выступления Ирака?

Мы уже говорили, что в Германии планировали нанести решающий удар Англии через Египет и что выступление слабого в военном отношении Ирака против Англии могло закончиться неудачно, а это, по мнению руководителей Германии, привело бы лишь к укреплению престижа Англии в глазах арабских народов

Но главная причина была в том, что Германия готовилась к войне против СССР и все вопросы, включая и арабский, военные действия на Балканах, в Средиземноморье, Северной Африке и на Ближнем Востоке, подчинялись этой главной проблеме.

Об этом ясно говорилось в директиве Гитлера за № 30, от 23 мая 1941 г. «Каким образом, — говорилось в директиве, — будет нанесен решительный удар позициям Англии между Средиземноморьем и Персидским заливом, в связи с наступлением на Суэцкий канал, должно быть решено только после плана Барбаросса»[138].

Исходя из гитлеровской установки, решение всех вопросов, в том числе Ирака и других арабских стран, откладывалось до завершения войны с СССР, т. е. до осени 1941 г. В конце 1941 или в начале 1942 г. планировалось решить вопрос Ближнего Востока, в том числе и Ирака уже через Кавказ.

Таким образом, вышеприведенные документы подтверждают, что в тот момент Германии не было выгодно подстрекать Ирак к выступлению против Англии. Рашид Али и четыре полковника действовали не под диктовку Германии, а исходя из национальных интересов Ирака, пытаясь самостоятельно разрешить проблемы, стоящие перед страной.

---

[137] Memorandum by the Foreign Minister. Brief for the Führer, 27. IV. 1941—DGFP, Series D, vol. XII, p. 656.

[138] Führer's Directive. Führer's Headquarter. 23. V. 1941. Directive № 30. The Middle East-DGFP, Series D, vol. XII, p. 862.

С другой стороны, эти документы свидетельствуют о том, что если немецкий сапог не ступил на арабскую землю, то лишь потому, что Германия готовилась к войне с СССР. И если народы Ирака и других арабских стран не попали под фашистское иго, то этим они обязаны главным образом Советскому Союзу, который принял на себя основной удар фашистской армии, сумел в кровопролитной войне раздавить нацистскую военную машину и спасти человечество от угрозы фашизма.

Однако из вышеизложенного не следует, что между руководителями Ирака и Германии не было никаких контактов. Эти контакты существовали, и правительство Рашида Али ал-Гайлани пыталось получить военно-финансовую помощь от Германии.

Но германская помощь была ограниченной и малоэффективной, хотя и вопрос этот обсуждался на самом высоком уровне. 21 апреля 1941 г. Риббентроп представил Гитлеру докладную по вопросу оказания помощи Ираку. В ней Риббентроп подчеркивал, что «быстрая помощь возможна только с воздуха. О прямой интервенции соединений Люфтвафе (военно-воздушных сил Германии. — *Н. О.*) не может быть речи, потому что это превышает дальность полета Люфтвафе. Представляется возможным транспортировать оружие в Ирак на отдельных самолетах «Юнкер», но только через Сирию»[139]. Но министр иностранных дел Германии тут же оговаривает, что Люфтвафе располагает очень малым количеством самолетов, а использование сирийских аэродромов надо согласовать с французским вишистским правительством.

Риббентроп в своей докладной, представленной Гитлеру, рассматривает также возможность поставки оружия Ираку по сухопутным дорогам. Единственно доступные сухопутные дороги проходили по территории Турции, но «Турция, — указывал Риббентроп, — не разрешит прямую перевозку оружия в Ирак»[140]. Поэтому он предлагает под камуфляжем использовать оружие, которое Германия через транзитные дороги Турции поставляла в Афганистан и Иран. Турция официально разрешила транзит немецкого оружия в названные страны.

Этот вопрос Риббентроп вновь обсуждает в своей докладной от 27 апреля 1941 г., представленной Гитлеру. Он

---

[139] „Documents on German Foreign Policy (1918—1945)", Series D, vol. XII, p. 593.

[140] Там же.

предлагает оружие, предназначенное Афганистану и Ирану, при транзите через Турцию оставить Ираку. Но это потребует нескольких недель, если поставить через Иран, и 2—3 месяца — если через Афганистан[141]. Заметим, что последняя докладная Риббентропа датирована 27 апреля 1941 г., т. е. за три дня до начала англо-иракской войны. Иначе говоря, перед началом англо-иракской войны вопрос поставки Германией оружия Ираку еще не был решен положительно. Германия все еще изучала его. 27 апреля 1941 г. Риббентроп сообщает итальянскому правительству: «Мы готовимся оказывать финансовую помощь Ираку, и пока еще изучаем вопрос помощи оружием и боеприпасами»[142].

Окончательное решение этого важного вопроса зависело от самого Гитлера. Но он не был склонен санкционировать поставку оружия Ираку. Об этом свидетельствует сообщение одного из сотрудников верховного командования Германии полковника Бринкмана от 26 апреля 1941 г. Воерманну. Бринкман поставил в известность руководителя политического отдела МИД Германии, что когда обсуждался вопрос об оказании помощи Ираку, «фюрер сделал приблизительно такое замечание: «Уже слишком поздно, ввиду прибытия английских войск в Ирак»[143]. Гитлер придерживался того же мнения и после начала англо-иракской войны. 3 мая 1941 г. Риббентропу сообщили, что «фюрер выражает сомнение относительно перевозки военно-воздушных сил в Ирак»[144]. Но тем не менее, Гитлер, как сказано в вышеупомянутом документе, осведомлялся, «если правильно, что в Ираке есть в достаточном количестве горючее, тогда самолеты могут доставить груз в Ирак и возвращаться»[145].

Таким образом, как до начала англо-иракской войны, так и в первый период войны вопрос оказывания военно-финансовой помощи Ираку со стороны Германии еще не был решен. В дальнейшем Германии удалось добиться согласия вишистского правительства в вопросе использования сирийских аэродромов, и с середины мая немецкие самолеты начали совершать рейсы в Ирак и доставлять ему кое-какую помощь. Но германская помощь была незначительной и не могла оказать существенного влияния на исход англо-иракской войны. Слишком запоздалым было также решение Гит-

---

[141] Там же, стр. 655.
[142] Там же, стр. 653.
[143] Там же, стр. 641.
[144] Там же, стр. 690.
[145] Там же.

лера от 23 мая 1941 г. оказать помощь Ираку[146]. Решение Гитлера было принято тогда, когда поражение Ирака было уже очевидным и спустя неделю он прекратил сопротивление английским войскам.

Что же касается немецкой финансовой помощи, то она была также ничтожной. В мае 1941 г. фон Гробба передал Ираку всего лишь 200 тыс. фунтов стерлингов[147].

Немецкие военно-политические руководители сами отмечают, что не могли оказать Ираку необходимой помощи. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер 30 мая 1941 г. пишет в своем дневнике: «Ирак: неудовлетворительная подготовка и невозможность оказать действенную поддержку постепенно приведут к провалу операции в Ираке»[148]. А статс-секретарь МИД Германии Вейцзекер 1 июня 1941 г. отмечает: «Согласно сообщениям, которые мы имели, Гайлани потерпел неудачу, потому что германская и итальянская помощь не прибыла вовремя или в достаточном количестве»[149].

Интересно отметить, что американская точка зрения о причинах англо-иракской войны отличалась от английской. В сентябрьском номере американского журнала «Эйша» за 1941 г. была помещена статья А. Витона под заглавием «Предупреждение с Ближнего Востока». А. Витон отмечал, что иракское восстание против Англии имеет гораздо более глубокие корни, чем многие думают. По мнению В. Витона, англичане никогда не были популярны среди иракского населения. «Я убежден, — продолжал он, — что именно этот факт, а не германское золото был основной причиной внезапной вспышки»[150]. По мнению американского историка К. Рузвельта, события апреля 1941 г. и выступление иракской армии против Англии были «чисто арабским национальным движением, призванным освободить Ирак от британского влияния, а не содействовать нацистам»[151].

Фактически то же утверждал американский посланник в Багдаде Кнабеншу. После подавления сопротивления иракской армии и народа он писал Корделу Хэллу, что, по его мнению, «подавляющая часть иракской армии и иракского народа является антибританской, и если немцы сдела-

---

[146] Там же, стр. 862.

[147] *Усман Камаль Хаддад,* Харакат Рашид Али ал-Кайлани, стр. 115.

[148] *Ф. Гальдер,* Военный дневник, т. 2, стр. 533.

[149] DGFR, (1918—1945), Series D, vol. XII, p. 959.

[150] См. ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 526, л. 7/а.

[151]. *K Roosevelt,* Arabs, Oil and History, New York, 1949, p. 103.

ют определенный толчок в этом направлении, то иракская армия вновь выступит против британцев»[152].

Но тем не менее Соединенные Штаты поддержали Англию в период англо-иракского кризиса апреля-мая 1941 г. Они не могли допустить, чтобы у власти осталось правительство Рашида ал-Гайлани, боровшееся за независимость Ирака и за общее дело арабского национально-освободительного движения. Победа Ирака ослабила бы позиции Англии как в Ираке, так и на всем Арабском Востоке. Известно, что в это время США еще не имели в арабских странах своих собственных вооруженных сил и оборону Ближнего Востока старались организовать за счет английских войск, поставляя им в большом количестве разного вида вооружения. Поэтому в данном конкретном случае ослабление позиций Англии не отвечало интересам США: это открыло бы большие перспективы перед немецким проникновением. Для США в данный период единственной возможностью удержать Арабский Восток в сфере своего влияния и закрыть путь перед Германией была поддержка Англии как военная, так и дипломатическая.

* * *

Со второй половины 1941 г. возросло значение Ирака в политике США и Англии. Это было вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, после нападения Германии на СССР Советский Союз, США и Англия образовали антигитлеровскую коалицию и США обязались поставлять СССР вооружение и другие материалы. Ирак вместе с Ираном стал одним из основных транзитных путей, через которые осуществлялась поставка американского вооружения. Говоря об американской помощи, однако, не следует преувеличивать ее значение. Промышленность нашей страны в основном сама обеспечивала нашу армию необходимым вооружением.

Во-вторых, военные успехи Германии в 1941—1942 гг. в Северной Африке и на советско-германском фронте создали опасную ситуацию для Ирака и других арабских стран. Немцы, с одной стороны, могли прорваться к Ираку через Египет, а с другой, — в случае поражения СССР, через Закавказье. Руководители Германии в 1942 г. в своих планах вторжения в Ирак поддерживали второй вариант.

В такой сложной ситуации для США и Англии стало необходимым укрепление позиций в Ираке. Здесь находилась

---

[152] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 5. VI. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 513.

Десятая английская армия и Соединенные Штаты снабжали ее всеми необходимыми видами оружия.

Но в США раздавались голоса о прямом участии американцев в военных операциях в случае приближения войны непосредственно к границам Ирака и других арабских стран. Эту точку зрения публично выразил американский журналист, корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер в июне 1941 г. Он отмечал, что перед опасностью германского вторжения на Ближний Восток США должны послать в этот район свои войска и самолеты[153]. По его мнению, такой шаг США, кроме военного, имел бы «большое пропагандистское значение, так как создал бы у арабов и турок мнение, что Америка заинтересована в успешном ходе войны на всех фронтах»[154].

Интересы американцев в арабских странах заставили правительство США организовать две военные миссии — североафриканскую и иранскую.

О создании иранской миссии были разговоры еще в октябре 1941 г. Ее возглавлял генерал Уилер[155]. Центром пребывания миссии стала столица Ирака Багдад. В ноябре Иранская миссия приступила к работе. Деятельность Иранской миссии распространялась на Иран, Ирак и соседние государства. Миссия, как сообщало американское агенство Ассошиэйтед Пресс, должна была в основном ведать вопросами, «связанными с поставками материалов Советскому Союзу через Персидский залив»[156]. Кроме того, миссия должна была следить за американскими поставками по ленд-лизу, оказывать помощь в постройке промышленных объектов, портов, железных и шоссейных дорог[157] и т. д. Англия, например, поставила вопрос о продлении на 100 миль до Мосула железнодорожной линии, соединяющей Басру и Киркук, где иракская железная дорога соединилась бы с турецкой[158].

Англия потребовала у США, согласно закону о ленд-лизе, поставки 200 локомотивов, 4500 грузовых вагонов и другого оборудования для улучшения работы транспорта на Ближнем и Среднем Востоке[159]. Как сообщало Ассошиэйтед

---

[153] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 669, л. 160.

[154] Там же.

[155] Там же, ед. хр. 234, л. 161.

[156] Там же.

[157] *Л. Поздеева,* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1941—1945 гг., стр. 393—394.

[158] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 234, л. 159.

[159] Там же.

Пресс, «по мнению представителей официальных кругов (США.— *Н. О.*) железная дорога в Ираке наиболее практична для отправки в Советский Союз американских материалов»[160].

Судьба Ирака находилась в прямой зависимости от состояния дел на советско-германском фронте. Так, военные руководители союзников с облегчением приняли весть о победе над немцами под Ростовом-на-Дону в начале декабря 1941 г. Английская газета «Дейли мейл» сообщала, что Ирак на протяжении многих недель с исключительным вниманием следил за продвижением германских войск и с восторгом встретил известие о советской победе[161]. Газета писала, что немецкое продвижение грозит проникновением немцев через Кавказ к нефтяным источникам Ирана и нападением в тыл через Ирак и Сирию[162].

Командование 10-й английской армии и руководители американской военной миссии, воспользовавшись передышкой вследствие победы Советской Армии над гитлеровцами в период зимней компании 1941 г., предприняли ряд мер для укрепления Ирака. На северной границе страны были построены мощные укрепления наподобие укреплений Тобрука. А за оборонительными линиями в спешном порядке строились аэродромы, откуда авиация союзников могла, как планировалось, «атаковать наступающих немцев еще задолго до того, как они появятся вблизи этого района»[163].

В 1942 г. в связи с ухудшением положения на советско-германском фронте вновь усилилась немецкая угроза Ираку. Германское командование, воспользовавшись отсутствием второго фронта, сосредоточило крупнейшие силы и мощную военную технику на советском фронте и сумело прорвать его. Немецкие армии продвигались к Волге и Кавказу.

Как уже отмечалось, Гитлер рассчитывал летом или осенью 1942 г. после разгрома СССР через Закавказье выйти к Среднему и Ближнему Востоку. Судьба Ирака решалась в рамках этого стратегического плана. Напомним, что у ворот Египта стояли войска Африканского корпуса Роммеля.

Создавшаяся ситуация серьезно обеспокоила руководителей США и самого президента Франклина Рузвельта. Ирак, и в частности вопрос мосульских нефтяных промыс-

---

[160] Там же.

[161] „Daily Mail", London, 6. XII. 1941.

[162] Там же.

[163] Там же.

лов и организации обороны Басры, стал одним из решающих факторов, оказывавших влияние на выбор Соединенными Штатами направления удара.

В годы второй мировой войны Соединенные Штаты Америки, как свидетельствуют многочисленные документы, весьма интересовала судьба мосульских нефтепромыслов. Нефтяная промышленность была той областью экономики Ирака, где американский капитал имел определенные позиции. Американские нефтяные монополии вместе с английскими, голландскими и французскими эксплуатировали это главное природное богатство Ирака и получали огромные прибыли[164]. Но дело не только в прибылях. В годы войны непомерно возросла роль нефти как основного горючего для сотен тысяч танков, самолетов и другого вида военной техники и военного транспорта. Нефть превратилась в важное стратегическое сырье.

Появление немецких войск под Сталинградом и на подступах к Кавказу и отчаянное положение в Египте в 1942 г. самым серьезным образом обеспокоили Рузвельта. Это тревожное состояние, как отмечает Р. Шервуд, отразилось в телеграмме, составленной 30 июня 1942 г. Рузвельтом и Гопкинсом и отправленной генералу Маршаллу.

«Можем ли мы, — спрашивал Рузвельт в телеграмме, — немедленно предпринять какие-либо шаги, которые благоприятно отразились бы на положении на Среднем Востоке»[165]. Рузвельт поставил перед генералом Маршаллом ряд серьезных вопросов, желая узнать мнение начальника штаба американской армии. Президента США, в частности, интересовало:

«Каков может быть следующий шаг Роммеля или Германии? Думаете ли Вы, что это будет Сирия или Кипр? Не являются ли целью нефтяные промыслы Мосула?

Какое внимание следует уделить организации сильной обороны Басры или Черного моря»[166].

Отвечая на поставленные вопросы, генерал Маршалл подчеркивал, что «первой целью Роммеля является уничтожение английской армии, затем оккупация Кипра и Сирии и в конечном счете захват района Мосула и Басры»[167]. Ге-

---

[164] *G. Lenczowski*, Oil and State in the Middle and Near East, New York, 1960, p. 16.

[165] *Р. Шервуд*, Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 224.

[166] Там же.

[167] Там же.

нерал Маршалл не исключал также, что Германия стремится перерезать американскую авиатрассу, ведущую через Африку на Средний Восток, в Советский Союз и на Дальний Восток. Но организация обороны Басры — очень трудное дело, отмечает он, и «любая крупная операция в этом районе полностью обескровила бы нас»[168].

Отсюда ясно, что нельзя было допускать немцев к Ираку и надо было остановить Роммеля за пределами Ирака, в Египте. Рузвельт решил оказать большую военную помощь Англии в Египте, считая Египет самым слабым и уязвимым местом обороны союзников. Именно поэтому он дал приказ о передаче английским войскам большого количества военной техники, в том числе и самолетов, предназначенных для Советского Союза и Китая.

В середине июля 1942 г. Рузвельт, как было отмечено выше, для консультации с премьер-министром Англии У. Черчиллем и выработки общей линии направил в Лондон Г. Гопкинса, генерала Маршалла и адмирала Кинга. 16 июля 1942 г. он составил для них меморандум, где были намечены основные вопросы и начертаны принципы, которых должны были придерживаться представители американской стороны. Президент особо останавливался на возможной потере мосульских нефтепромыслов и Персидского залива в результате наступления с севера и запада и потере доступа ко всей нефти Персидского залива[169].

Ф. Рузвельт требовал определить реальные пути, чтобы удержать Ближний Восток[170].

Вопрос мосульских нефтепромыслов постоянно фигурировал в американских планах. Но, конечно, этим не завершились интересы США в Ираке в критические дни лета и осени 1942 г. В стратегических планах США Ираку отводилось важное место, наряду с Египтом и Сирией.

Как известно, после длительных переговоров США и Англия пришли к решению о высадке войск в Северной Африке, которая была осуществлена в ноябре 1942 г.

18 ноября 1942 г. Нури Саид, вновь ставший премьер-министром Ирака, отправил письмо президенту США Ф. Рузвельту, поздравляя его с успешными военными операциями американских войск в Северной Африке. «В течение нескольких дней, — писал он, — вся картина Средиземноморья изменилась и все друзья Объединенных Наций и, в частности,

---

[168] Там же, стр. 225.

[169] Там же, стр. 235.

[170] Там же, стр. 236.

арабские народы Северной Африки и Ближнего Востока, полны радости»[171].

В ответной телеграмме президента США подчеркивалось, что Соединенные Штаты горды тем, что «они завоевали симпатию и возможность сотрудничества с Ираком и со всеми арабскими народами»[172].

Но главная опасность, нависшая над Ираком, была ликвидирована Советской Армией. Разгром немецких войск под Сталинградом и на Кавказе закрыл путь перед армиями Гитлера. Победа советских вооруженных сил избавила Ирак и все другие народы ближневосточного региона от реальной опасности фашистского захвата.

* * *

Составители пятого тома «Документов американских внешних сношений» в комментариях к разделу Ирака отмечали, что «в этот период (в 1942—1943 гг. — Н. О.) отношения Соединенных Штатов с Ираком стали еще более дружественными»[173]. В развитии и укреплении американо-иракских отношений были заинтересованы обе стороны. США все больше и больше интересовались делами Ирака и стремились использовать каждую возможность для укрепления своих позиций и влияния в Ираке.

Руководители Ирака, оставаясь верными союзу с Англией, отлично понимали возрастающую роль США в мировой политике. США в военном и экономическом отношении были намного сильнее Англии и это обстоятельство заставляло руководителей Ирака быть более чуткими в отношении Соединенных Штатов, систематически подчеркивая, что Ирак питает самые дружественные чувства к США.

Правительство США, исходя из своих собственных интересов, также стремилось показать свою «симпатию» к Ираку. Оно предприняло ряд шагов для развития американо-иракских связей.

В сентябре 1941 г. правительство США сняло секвестр с фондов Ирака в США[174]. Секвестр был наложен весной 1941 г., в период обострения англо-иракского конфликта. Тогда этот акт США лишил правительство Рашида Али ал-Гайлани возможности свободно распоряжаться собственны-

---

[171] DAFR, vol. V, July 1942—June 1943, Boston, 1944, p. 605.

[172] Там же.

[173] DAFR, vol. V. July 1942—June 1943, p. 605.

[174] «Снятие секвестра с фондов Ирака в США», ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп.1, ед. хр. 234, л. 126.

ми валютными фондами и закупать необходимое вооружение и другие материалы, в которых нуждался Ирак.

Отменив секвестр с иракских фондов, правительство США тем самым как бы хотело подчеркнуть свое особое расположение к регенту и новому руководству Ирака.

В 1942 г. правительство США распространило закон о «ленд-лизе» на Ирак. Этот вопрос был поднят иракским правительством после того как Турция и Египет вошли в сферу действия этого закона. Нури Саид в начале января 1942 г. обратился к посланнику США в Багдаде Кнабеншу с просьбой распространить вышеуказанный закон и на Ирак[175]. Сам Кнабеншу советовал своему правительству пойти навстречу пожеланиям Ирака.

Правительство США, рассмотрев просьбу иракской стороны, приняло решение о включении Ирака в список государств, получающих американскую помощь по «ленд-лизу» 1 мая 1942 г.[176]. В тот же день государственный секретарь США Кордел Хэлл сообщил Кнабеншу для передачи иракскому правительству, что президент США Ф. Рузвельт 2 мая 1942 г. официально объявит о том, что «Ирак сочтен подходящим для получения помощи по «ленд-лизу»[177].

Уже отмечалось, что помощь по каналу «ленд-лиза» служила в руках США одним из орудий проникновения в арабские страны и усиления своего влияния.

Для этой же цели США использовали Средневосточный центр снабжения. Как отмечалось, центр создали англичане, а США вошли в него в 1942 г. Во всех арабских странах, в том числе и в Ираке, США назначили как военных, так и гражданских представителей по Средневосточному центру снабжения.

6 мая 1942 г. государственный секретарь Кордел Хэлл сообщил поверенному США в делах Ирака Фарреллу, что государственный департамент назначил его представителем США в центральном комитете снабжения в Багдаде по линии гражданского снабжения[178].

Нельзя сказать, что американская помощь и американские поставки Ираку были велики. По иракским данным,

---

[175] The Minister Resident in Iraq (Knabenshue) to the Secretary of State, 9. 1. 1942—FRUS DP, 1942, vol. IV, Washington, 1963, p. 343

[176] DAFR, vol. VI, July 1943—June 1944, Boston, 1945, p 217.

[177] The Secretary of State to the Minister in Iraq (Knabenshue), 1. IV. 1942—FRUS DP, vol. IV, p. 343.

[178] The Secretary of State to the Charge in Iraq (Farrell), 6. V. 1942—FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 344.

США в 1943 г. поставили Ираку 3 тыс. 857 тонн сахару, 63 грузовые машины, 11.104 шины, 69 тракторов, 67 механических плугов, 35 культиваторов, медикаменты и т. д.[179] Но для осуществления этой помощи в Ирак хлынули различные американские советники, эксперты и другие работники, которые использовали свое пребывание для укрепления влияния США в Ираке.

Правительство США не упускало из виду и вопрос нефти. Мы уже отмечали, как правительство США беспокоилось за судьбы мосульских нефтепромыслов в 1941—1943 гг. Но и после ликвидации немецкой угрозы США продолжали усиленно следить за состоянием нефтеисточников в Ираке. Начиная с 1943 г., с целью инспектирования, Ирак систематически посещали американские миссии в составе специалистов-нефтяников[180].

Для развития американо-иракских экономических отношений определенное значение имело заключение англо-иракского финансового соглашения. Хотя о заключении этого соглашения объявили 1 июня 1945 г., переговоры о нем велись задолго до окончания войны. По своему характеру англо-иракское финансовое соглашение аналогично англо-египетскому, заключенному в 1944 г. Значение этого соглашения для США заключалось в том, что Англия обязалась предоставить Ираку валюту в размере 14 млн. американских долларов[181].

Известно, что Ирак, как и Египет и некоторые другие арабские страны, входил в стерлинговую зону и находился под финансовым контролем Англии.

Существование стерлингового блока было постоянным источником трения между США и Англией, и правительство США стремилось любой ценой преодолеть этот барьер и открыть арабский рынок перед американскими товарами. Под нажимом США Англия, как отмечалось, в 1944 г. уступила и заключила финансовое соглашение с Египтом. А теперь она уступила в вопросе Ирака. Предоставление Ираку 14 млн. американских долларов позволило Ираку осуществлять закупки на американском рынке и способствовало некоторому расширению американо-иракской торговли.

---

[179] «Американские поставки в Ирак», ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 3016, л. 5.

[180] «Поездка американской нефтяной миссии в Ирак, 6.XII.1943 г.», ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1678, л. 134.

[181] «Заключение англо-иракского финансового соглашения, 1.VI.1945», ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4178, л. 19.

К концу второй мировой войны правительство США стало устанавливать более тесные контакты с арабскими странами. Американскую программу изложил помощник государственного секретаря США Филлипс в начале июня 1945 г., выступая на собрании, созванном «Институтом по арабско-американским делам» в честь регента Ирака Абдула Иллаха, который находился с визитом в США. Филлипс заявил, что правительство США энергично старается установить более удобные коммуникации между Ближним Востоком и Соединенными Штатами[182]. Он выразил надежду, что с каждой ближневосточной страной будет установлена прямая радиосвязь. Далее он остановился на развитии воздушных сообщений между США и Ираком и другими арабскими странами. «Наши планы, — заявил он, — требуют введения новых воздушных трасс, по которым можно будет перевозить пассажиров, почту и грузы между Соединенными Штатами Америки и всеми ближневосточными странами»[183].

В конце своего выступления помощник государственного секретаря особо подчеркнул, что «США заинтересованы также в расширении экономических связей с Ближним Востоком»[184].

Все это, несомненно, говорит о возросшей заинтересованности США Ираком и другими арабскими странами в годы второй мировой войны.

* * *

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и успехи английских и американских войск в Северной Африке оказали благотворное влияние на политическую ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке.

Правительства стран этого региона принимают решения об объявлении войны государствам оси.

Первым среди арабских стран такое решение приняло правительство Ирака. 13 января 1943 г. новый посланник США в Ираке Вильсон, заменивший Кнабеншу, передал Корделу Хэллу содержание своей беседы с премьер-министром Ирака Нури Саидом. Нури Саид сообщал американскому посланнику, что его правительство собирается объявить войну Германии, Италии и Японии в ночь на 16 января 1943 г.[185]

---

[182] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4636, л. 59.

[183] Там же, л. 57.

[184] Там же.

[185] The Minister Resident in Iraq (Wilson) to the Secretary of State, 13. 1. 1943—FRUS DP, 1943, vol. IV, Washington, 1964, p. 636.

Правительство Ирака, еще до принятия такого ответственного решения, поставило в известность об этом также правительство Англии[186]. Правительства США и Англии в принципе согласились с решением правительства Ирака и приветствовали его вступление в ряды Объединенных Наций.

Кордел Хэлл сообщил Вильсону, для передачи правительству Ирака, что о намерении Ирака объявить войну странам оси США поставили в известность также правительства Советского Союза и Китая[187].

Объявление войны Германии и ее партнерам было непременным условием присоединения к Декларации Объединенных Наций от 1 января 1942 г. Важными и необходимыми условиями Декларации Объединенных Наций являлись готовность государства, вступившего в войну, использовать все свои ресурсы — военные и экономические, против государств Тройственного пакта, сотрудничать со странами, подписавшими эту декларацию и не заключать сепаратного мира с врагом[188].

Согласно требованию Декларации Объединенных Наций, премьер-министр Ирака Нури Саид 15 января 1943 г. через американского посланника в Багдаде послал телеграмму президенту США Франклину Рузвельту, в которой говорилось, что ввиду того, что будет объявлено состояние войны между Ираком, с одной стороны, и Германией, Италией и Японией, с другой, он сообщает о желании своего правительства немедленно примкнуть к пакту двадцати шести государств, заключенному в Вашингтоне 1 января 1942 г.[189]

Ф. Рузвельт в своем ответном послании премьер-министру Ирака Нури Саиду писал: «Я получил Ваше послание, где Вы просите, чтобы иракскому посланнику в Вашингтоне была оказана вся возможная помощь для выполнения своих обязанностей в отношении желания вашего правительства немедленно присоединиться к Декларации Объединенных Наций. Это предложение принято, и государственный секре-

---

[186] „Onwards to Victory. War Speeches by the Right Hon. Winston S. Churchill. 1943", p. 30.

[187] The Secretary of State to the Minister Resident in Iraq-FRUS DP, 1943, vol IV, p. 637.

[188] „A Decade of American Foreign Policy Basic Documents. 1941—1949", p. 2—3.

[189] The Minister Resident in Iraq (Wilson) to the Secretary of State, 15. I. 1943—FRUS DP, 1943, vol. IV, p. 638.

тарь послал почту посланнику Ирака, где приветствует вступление Ирака в ряды Объединенных Наций»[190].

16 января 1943 г. Ирак объявил войну Германии, Италии и Японии. В этот же день министр иностранных дел Ирака Джавдат телеграфировал государственному секретарю Хэллу, сообщив правительству США о том, что с 16 января 1943 г. Ирак находится в состоянии войны с государствами Тройственного пакта. Министр иностранных дел Ирака разъяснил причины, заставившие Ирак объявить войну.

Джавдат обвинял Германию в том, что она открыто вмешивалась во внутренние дела Ирака. Он считал Германию ответственной за выступление иракской армии против Англии весной 1941 г. Джавдат отмечал, что Германия и сейчас не прекратила свои вражеские действия, направленные против Ирака. В частности, она через радио распространяет ложные слухи об Ираке, наносит оскорбления королевской семье, поощряет волнения и т. д. Что касается Италии и Японии, то они в этом деле помогали Германии.

Исходя из этого, иракское правительство считало себя с 16 января 1943 г. в состоянии войны с вышеуказанными тремя государствами[191].

Со вступлением Ирака в войну правительству США удалось добиться положительного решения вопроса о юридических правах американских войск, находившихся в Ираке. Этот вопрос был поднят правительством США еще в 1942 г. 31 декабря 1942 г. государственный секретарь США Кордел Хэлл в телеграмме посланнику США в Багдаде Вильсону сообщал, что правительство США «желает иметь особую юрисдикцию в вопросах преступлений, совершаемых американскими военнослужащими в Ираке, и оно считает, что имеет право на такую юрисдикцию в соответствии с международным правом»[192].

В дальнейшем к требованию о юридическом иммунитете правительство США добавило требование о финансовых привилегиях американских военнослужащих в Ираке.

Правительство США добивалось, чтобы американские военнослужащие были освобождены от уплаты налогов и

---

[190] FRUS DP, 1943, vol. IV, p. 639.

[191] Communication from the Minister of Iraq (Jawdat) to the Secretary of State (Hull) informing the US of a State of War between Iraq and the Axis Powers, 16. I. 1943—DAFR, vol. V, July 1942—June 1943, pp. 605—606.

[192] The Secretary of State to the Minister in Iraq (Wilson), 31. XII. 1942—FRUS, DP, 1943, vol. IV, p. 640.

пользовались финансовыми привилегиями при ввозе и вывозе товаров. При этом оно ссылалось на уже существующий прецедент. Юридическим иммунитетом и финансовыми привилегиями пользовались английские военнослужащие, находящиеся в Ираке. Этот принцип был зафиксирован во 2-м пункте приложения к англо-иракскому договору 1930 г.

Соединенные Штаты рассматривали существующее положение как дискриминацию в отношении американских вооруженных сил.

Правительство Ирака, в силу создавшейся ситуации и усиления роли США на Ближнем Востоке и в Северной Африке, не могло отвергнуть требование правительства США. Нури Саид в беседах с американским посланником заявил, что его правительство в принципе готово дать юридический иммунитет и финансовые привилегии американским войскам[193].

Но для этого, согласно иракской конституции, необходимо было принять специальный закон. 7 марта 1943 г. иракское правительство приняло закон № 24, по которому оно «могло предоставить вооруженным силам Объединенных Наций в период их пребывания в Ираке для целей настоящей войны право пользоваться иммунитетом и привилегиями, касающимися юридических и финансовых вопросов, которыми пользуются британские вооруженные силы согласно параграфу 2-му Приложения к договору о союзе между Ираком и Великобританией, заключенному 30 июня 1930 г.»[194].

Как видим, в законе, принятом правительством Ирака, специально не говорилось о правах американских вооруженных сил. Закон относился ко всем вооруженным силам Объединенных Наций. Именно на этой основе правительство Ирака распространило действие закона на американские вооруженные силы.

17 марта 1943 г. министр иностранных дел Ирака направил специальную ноту американской миссии в Багдаде, уведомляя правительство США в том, что «ввиду пребывания американских вооруженных сил в Ираке для целей нынешней войны правительство Ирака решило предоставить этим силам право пользоваться тем же иммунитетом и при-

---

[193] FRUS DP, 1943, vol. VI, p. 641.

[194] Rights of United Nations Forces in Iraq. Department of State Announcement, March, 16. 1943—DAFR, vol. V, July 1942—June 1943, p. 606.

вилегиями», какими пользуются британские войска во время их пребывания в Ираке для тех же целей[195].

Это был несомненный успех американской дипломатии, сумевшей добиться для американских войск таких же прав, какими пользовались английские войска.

* * *

Ирак не принимал непосредственного участия в военных операциях, и иракские вооруженные силы не сражались на фронтах второй мировой войны рядом с войсками союзников. Но тот факт, что он формально объявил войну и поставил всю свою экономику на службу Англии и США, сам по себе заслуживает положительной оценки. Позиция Ирака в значительной степени облегчила положение союзнических войск в Ираке, создав для их действий более благоприятные условия и способствуя своевременной поставке вооружения и других материалов из США через Ирак и Иран в Советский Союз и т. д.

Однако в американской печати и даже в конгрессе периодически раздавались критические замечания по поводу того, что арабские страны, в том числе и Ирак, не принимают активного участия в борьбе против стран оси.

Конечно, арабские страны участвовали в разной степени в борьбе Объединенных Наций. Одни действительно ограничились декларативными заявлениями, а другие содействовали Объединенным Нациям по мере своих военно-экономических возможностей.

В данном случае правительство Ирака считало необоснованным и несправедливым критику в адрес своей страны. По его поручению иракская миссия в Вашингтоне опубликовала заявление о вкладе Ирака в военных усилиях Объединенных Наций.

В заявлении отмечалось, что военная деятельность Ирака привела к такому увеличению налогового бремени населения, что Ирак может оказаться «на грани экономической катастрофы»[196]. Вся транспортная система Ирака, ее оборудование и персонал находились под совместным контролем иракского правительства и военных властей союзников. Она была так перегружена из-за обеспечения нужд союзников,

---

[195] The Minister Resident in Iraq (Wilson) to the Secretary of State, 17. III. 1943—FRUS DP, 1943, vol. IV, p. 642.

[196] «Заявление иракской миссии в США» — ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 3016, л. 17.

что иракское правительство считало, что после войны нужно будет заменить значительную часть портового оборудования, рельсов, паровозов, оборудования связи и т. п.[197].

На военные материалы, идущие из США и Англии, не налагались пошлины. В результате доходы иракских таможен, составлявшие до войны 54% бюджета, сократились до 44%[198].

В заявлении иракской миссии указывалось, что на военных работах использовалось от 35 до 40% рабочей силы Ирака. Это отрицательно сказывалось в первую очередь на сельском хозяйстве, которое нуждалось в рабочих руках. Нехватка рабочей силы и снабжение вооруженных сил Англии и США продовольствием сократили фонд продовольствия для населения самого Ирака и привели к росту себестоимости жизни[199].

В распоряжении США и Англии находились также телеграфные и телефонные установки, оборудование и мастерские Ирака и иракские специалисты. Союзников обслуживали просветительные организации, больницы и т. д.

К сказанному надо добавить и то, что иракские аэропорты использовались исключительно американскими и английскими военными властями. Под их контролем находились также иракские артиллерийские заводы и другие военные сооружения[200].

В дальнейшем иракское правительство выступило с официальным заявлением о роли Ирака в организации помощи Советскому Союзу. В заявлении, опубликованном в конце мая 1945 г., говорилось, что «армия Ирака оказала союзникам значительную помощь в организации снабжения России через Ирак. Иракские войска помогали при охране коммуникаций»[201].

Таков вкратце вклад Ирака в военные усилия США и Англии в годы второй мировой войны.

Объявление Ираком войны Германии, Италии и Японии, его присоединение к Декларации Объединенных Наций от 1 января 1942 г. и оказание помощи союзникам в их военных усилиях дали право Ираку принять участие в конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско на правах первона-

---

[197] Там же.

[198] Там же.

[199] Там же.

[200] Там же.

[201] «О помощи армии Ирака при перевозках снаряжения для СССР в годы войны», ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4178, л. 17.

чального члена или члена-инициатора. Как известно, руководители СССР, США и Англии на Крымской конференции 8 февраля 1945 г. достигли соглашения о созыве первой учредительной конференции Объединенных Наций 25 апреля 1945 г.[202].

Надо сказать, что на пятом заседании конференции, когда ее участники рассматривали список государств, которые должны были быть приглашены на конференцию, кандидатура Ирака не вызвала никакого спора.

В конце марта 1945 г. иракское правительство утвердило иракскую делегацию на конференцию в Сан-Франциско в следующем составе: министр иностранных дел Аршад ал-Умари, бывшие премьер-министры Нури Саид и Тевфик Сувейди, иракский посланник в Вашингтоне Али Джавдат ал-Айюби, генеральный директор министерства иностранных дел Фадыл Джамали и бывший министр иностранных дел Насрат ал-Фарси[203].

В послевоенный период Соединенные Штаты Америки имели обширные планы в отношении арабских стран, в том числе и в отношении Ирака. Большое значение в осуществлении этой политики в США придавали личным контактам между руководителями государств.

Руководствуясь этими соображениями, правительство США пригласило регента Ирака Абдул Иллаха посетить с официальным визитом США. Об этом Белый дом официально сообщил 21 марта 1945 г. В нем было сказано, что визит состоится 19 апреля 1945 г. по приглашению президента США Франклина Делано Рузвельта[204].

Визит иракского регента состоялся уже после смерти Ф. Рузвельта, в мае 1945 г. Он побывал во многих городах США, посетил различные американские учреждения и имел многочисленные встречи с американскими политическими и государственными деятелями.

29 мая 1945 г. регента Ирака Абдул Иллаха принял в Белом доме новый президент США Гарри Трумэн. Ему были оказаны высокие почести[205]. Он имел возможность беседовать с председателем Верховного суда США Стоуном, адмиралом флота Леги, генералом армии Арнольдом, адмиралом флота Кингом, генералом Маршаллом, временно исполняющим обя-

---

[202] «Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов», изд. 2-е, стр. 156.

[203] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4178, л. 11.

[204] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4178, л. 10.

[205] Там же, л. 18.

занности государственного секретаря США Грю, министром финансов Моргентау, морским министром Форрестолом, министром внутренних дел Икесом и др.

Во время этих бесед обсуждался широкий круг вопросов американо-иракских политических и экономических отношений.

Визит Абдул Иллаха в США был первым визитом главы иракского государства в США за всю историю американо-иракских отношений.

Приглашение американского правительства посетить США и переговоры, которые велись между Абдул Иллахом и президентом США Трумэном и другими американскими руководителями, свидетельствовали о дальнейшей заинтересованности США как Ираком, так и всем арабским регионом.

В Англии отлично понимали цели американской политики на Арабском Востоке и с беспокойством следили за развитием американо-иракских отношений. Английские правящие круги не могли допустить ослабление своих позиций и усиление американских.

Поэтому сразу после объявления 21 марта 1945 г. Белым домом о приглашении Франклином Рузвельтом регента Ирака посетить Ирак последовало аналогичное предложение британского правительства. 25 марта 1945 г. английский посол в Багдаде передал регенту Ирака приглашение посетить английского короля на обратном пути из Соединенных Штатов Америки[205].

Это было очередное проявление американо-английских противоречий, которые с особой силой обнаружились уже после второй мировой войны.

Итак, можно констатировать, что Ирак занимал видное место в различных политических комбинациях Англии, Германии и США. Германии не удалось, главным образом вследствие поражения под Сталинградом и на подступах к Кавказу, проникнуть в Ирак. Англия, при поддержке американских империалистов, смогла сломить сопротивление патриотических сил Ирака и сохранить свое господствующее положение. Что же касается США, то они получили максимальную выгоду из создавшейся международной ситуации и сложного положения Англии и в значительной степени укрепили свое влияние во всех сферах политической и экономической жизни Ирака.

---

[205] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4178, л. 10.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СИРИЯ И ЛИВАН В ПОЛИТИКЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ

Сирия и Ливан, в отличие от Египта и Ирака, формально считавшиеся независимыми государствами, были французскими подмандатными территориями. Это обстоятельство наложило свой отпечаток не только на внутреннюю жизнь этих стран, но и на их международное положение. Страны Леванта — Сирия и Ливан, находились под контролем Франции и были лишены права непосредственно входить в контакты, устанавливать дипломатические отношения и т. д. с другими государствами. Согласно мандату внешнеполитические функции передавались Франции и французское правительство представляло интересы Сирии и Ливана в других государствах. Такое положение было признано всеми государствами, подписавшими Устав Лиги Наций[1].

Но это обстоятельство не гарантировало Францию от конкуренции с другими империалистическими державами, стремившимися укрепить свои экономические и политические позиции в Сирии и Ливане и ослабить политическое влияние Франции, а при благоприятных условиях и вовсе вытеснить ее из Леванта.

Борьба за Сирию и Ливан особенно обострилась в годы второй мировой войны, и страны Леванта превратились в один из опасных и острых узлов межимпериалистических противоречий. Главными участниками большой игры, развернувшейся вокруг Сирии и Ливана, были Франция, Англия, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, а также Турция. Последнюю, естественно, мы не ставим на одну доску с

[1] Советский Союз, став в 1934 г. членом Лиги Наций, не признал мандатную систему и отказался принимать участие в работах Постоянной мандатной комиссии.

великими империалистическими странами. Она, воспользовавшись создавшейся международной ситуацией, в частности трудным положением Франции после ее поражения, стремилась осуществить свои захватнические территориальные планы за счет Сирии и тем самым еще больше обострила положение, создавшееся вокруг Сирии в годы второй мировой войны.

* * *

Сирия и Ливан попали под французское господство сразу после окончания первой мировой войны. Франция получила мандат на страны Леванта, который окончательно был утвержден Советом Лиги Наций 24 июля 1922 г.[2].

Народы Сирии и Ливана, не примирившись с французским колониальным господством, вели длительную борьбу за независимость своих стран. В 1936 г. французское правительство вынуждено было отступить и вошло в переговоры с правительствами Сирии и Ливана о заключении договоров, которые определяли бы статус вышеуказанных двух арабских государств и их взаимоотношения с Францией. 9 сентября 1936 г. был заключен франко-сирийский договор, а 13 ноября 1936 г.—франко-ливанский[3]. Франция обязалась отказаться от мандата и признать независимость Сирии и Ливана. Взамен она приобрела право иметь на территории стран Леванта военные базы, установить контроль над сирийскими и ливанскими армиями, послать туда военную миссию. Сирия и Ливан обязались по всем вопросам внешней политики консультироваться с Францией и т. д.[4].

Договоры, несмотря на отдельные их положения, ограничивающие в какой-то степени суверенитет Сирии и Ливана, в свое время были определенным успехом антиимпериалистических сил этих стран, так как Франция торжественно обещала отказаться от мандата и признать их независимость.

17 ноября 1936 г. ливанский парламент ратифицировал франко-ливанский договор. Сирийский парламент одобрил сирийско-французский договор 27 декабря 1936 г.[5].

---

[2] *Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин,* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. III. От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской революции, вып. II. Акты дипломатии иностранных государств, М., 1929, стр. 174—176.

[3] „Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914—1956", vol. 11. p. 211.

[4] Там же, стр. 211—214.

[5] Там же, стр. 212.

Однако Франция, затягивая ратификацию договора, в январе 1939 г. отвергла его. Как отмечает Дж. Банерджи, французские милитаристские и клерикальные круги, объединившись с правыми политическими деятелями, сумели провалить ратификацию договора в парламенте[6].

Этот акт французских правых явился тяжелым ударом по национальным чаяниям Сирии и Ливана. «Отказ Франции от ратификации договора 1936 г. — справедливо отмечает Дж. Ленцовский,—имел плохие последствия для политической жизни Сирии»[7]. Добавим, не только для политической жизни Сирии, но и Ливана.

Отказ французского парламента от ратификации договора 1936 г. вызвал политический кризис в странах Леванта. В Сирии, под давлением антиимпериалистического движения, правительства одно за другим уходили в отставку.

7 июля 1939 г. подал в отставку президент Сирии Хашим ал-Атаси. В своем письме, адресованном председателю парламента Сирии, президент отмечал, что он приложил все усилия, «пытаясь добиться установления добросердечных отношений между Сирией и Францией, однако его попытки не принесли успеха и ему не остается ничего иного, как подать в отставку»[8].

Председатель сирийского парламента назначил заседание парламента на 12 июля 1939 г. На этом заседании депутаты должны были принять решение о дальнейшей судьбе президентской власти.

Однако назначенное заседание не состоялось, так как 10 июля 1939 г. новый французский верховный комиссар в Сирии Габриель Пьюо приостановил действие конституции, распустил парламент и вместо правительства назначил Совет директоров под своим непосредственным контролем[9]. Это означало, что в Сирии было ликвидировано национальное управление, допустимое в рамках мандатного режима, и установлен режим прямого колониального диктаторского правления.

Совет директоров мог заниматься исключительно административными вопросами и из его компетенции было изъято

---

[6] *J. Banerji*, The Middle East in World Politics, p. 54.

[7] *G. Lenczowski*, The Middle East in World Affairs p. 275.

[8] *Амин Саид*, Восстания арабов в XX в., стр. 133.

[9] *G. Lenczowski*, The Middle East in World Affairs, p. 275.

ведение такими вопросами, как внешние сношения, оборона и т. д.[10].

Аналогичные меры были приняты уже после начала второй мировой войны в Ливане. Французские власти, хотя и не сместили президента Ливана, но приостановили действие конституции, распустили парламент, освободили всех министров от занимаемых должностей и вместо правительства сохранили государственного секретаря, который действовал под строгим французским контролем[11].

После начала войны в Сирии и Ливане было введено чрезвычайное положение и стали действовать законы военного времени. Полиция была поставлена под контроль армии, введена строгая цензура, запрещен ряд демократических организаций[12], закрыты прогрессивные издания, арестованы прогрессивные деятели[13] и т. д.

* * *

В Сирии и Ливане в начале войны были сосредоточены крупные французские военные силы, которыми командовал один из известных и влиятельных военачальников Франции генерал Вейган. Французские силы, сосредоточенные в Сирии и Ливане и известные под названием Левантской армии, должны были сыграть важную, а может быть и решающую роль, если бы война распространилась на восточное Средиземноморье. Франция надеялась с помощью Левантской армии предотвратить оккупацию Сирии и Ливана странами оси и сохранить свое господство над этими двумя арабскими государствами.

Но помимо этого, Франция хотела превратить Сирию и Ливан в базу для антисоветской деятельности. Французские правящие круги, ослепленные классовой ненавистью к стране Советов, даже после начала войны, когда над Францией нависла смертельная опасность немецкого фашизма, не могли трезво оценить создавшуюся ситуацию и отказаться от своих антисоветских планов. Среди антисоветски настроенных деятелей Франции особую роль играл генерал Вейган, выступивший с планом нанесения удара Советскому Союзу с юга и

---

[10] *G. Kirk,* The Middle East in the War, p. 80.

[11] *A. Hourani,* Syria and Lebanon, London, 1946, p. 230.

[12] *Н. О. Оганесян,* Образование независимой Сирийской Республики, (1939—1946 гг.), М., 1968, стр. 18.

[13] نقولاى هوفهانسيان انضال التحرري الوطنى فى لبنان (١٩٣٩ـ١٩٥٨) بيروت ١٩٧٤ ص ٦٦

юго-запада. Вейган в течение 1939 и до середины 1940 г. был уверен, что он «с некоторыми подкреплениями и двумя сотнями самолетов овладел бы Кавказом и вошел бы в Россию, как нож в масло»[14].

О планах Вейгана стало известно Германии и Италии. Итальянский посол в Берлине Аттолико 26 января 1940 г., ссылаясь на сообщение итальянского посла в Париже от 11 января 1940 г., проинформировал статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Вейцзекера о том, что Вейган «пытается предпринять прямые действия против России, используя Румынию как театр войны»[15]. Вейган, как говорилось в этом сообщении, преследовал цель «расшатать или низвергнуть большевистскую систему в России и одновременно нанести чувствительный удар Германии в румынских нефтепромыслах»[16].

Итальянский посол сообщал из Парижа, что проект Вейгана был рассмотрен на заседании французского правительства. В защиту планов Вейгана выступили министр общественных работ Анатоль де Монзи, министр внутренних дел и один из руководителей радикальной социалистической партии Альбер Сарро и командующий французскими вооруженными силами на Северовосточном театре военных действий генерал Жорж[17].

Однако некоторые члены французского кабинета, а также генерал Гамелен воздержались от поддержки авантюристического плана генерала Вейгана.

Наличие активных антисоветских тенденций в правящих французских военно-политических кругах было наруку гитлеровской Германии.

Руководители Германии, а также Италии проявляли живой интерес к такого рода сообщениям, так как они помогали составить правильное представление о стратегических замыслах Франции и, исходя из этого, определить свою собственную военно-политическую линию в отношении Франции.

А французские военно-политические круги, вместо того чтобы мобилизовать все силы на защиту Франции и пойти на сотрудничество с Советским Союзом, который не раз предла-

---

[14] *Жан Бомье,* От Гитлера до Трумэна, пер. с франц., М., 1951, стр. 55—56.

[15] Memorandum by the State Secretary, 26.I. 1940—DGFP, (1918—1945), Series D, vol. VIII, Washington, 1954, p. 711.

[16] Там же.

[17] Там же.

гал Англии и Франции выступить единым фронтом против фашизма, пытались в самый разгар войны с Германией нанести удар Советскому Союзу.

Франции пришлось дорого заплатить за близорукую политику своих недальновидных руководителей.

После начала второй мировой войны Франция усилила свой экономический контроль над Сирией и Ливаном. Этот акт французского правительства нашел свое выражение в решении от 3 декабря 1939 г. об установлении контроля над обменом валюты и ограничении экспорта и импорта в Сирию и Ливан. Никакой обмен валюты не мог состояться без разрешения Парижа. Что касается ограничений в области экспорта и импорта, то они не распространялись на французские товары[18].

Решение французского правительства вызвало недовольство у некоторых государств, в частности у Соединенных Штатов Америки. Правительство США никак не могло согласиться с ограничением экспорта и импорта, введенного французским правительством 3 декабря 1939 г., и выразило свой протест на том основании, что США занимали первое место в экспорте ряда сирийских товаров, в частности шерсти и хлопка.

Генеральный консул США в Бейруте Пальмер сообщал государственному секретарю Хэллу, что за последние два предвоенных года США занимали первое место в экспорте сирийского хлопка. Так, например, в 1937 г. экспорт сирийского хлопка в США составил 95% всего экспорта, а во французскую империю—3%, в 1938 г., соответственно, 72% и 2%[19].

Несмотря на это обстоятельство, по решению французского правительства лицензии на экспорт хлопка из Сирии могли давать только для вывоза во Францию.

Положение еще больше обострилось, когда французские власти в Сирии и Ливане запретили обмен долларами и предупредили руководителей американской нефтяной компании «Сокони Вакуум Ойл», что в будущем плата долларами за поставленную нефть невозможна без разрешения Парижа[20].

Принятие такого решения французское правительство объясняло необходимостью военного времени. Правительство

---

[18] FRUS DP, 1940, vol. III, pp. 926, 929.

[19] The Consul General at Beirut (Palmer) to the Secretary of State, 9. I. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 927.

[20] Там же, стр. 928.

США не удовлетворило подобное объяснение и оно выразило протест французскому правительству. 25 января 1940 г. государственный департамент США поручил американскому послу в Париже Буллиту довести до сведения французского правительства позицию США в вопросе ограничения экспорта и импорта во французских подмандатных территориях и установить контроль над валютными обменами.

Правительство США отмечало, что ограничения, введенные законом от 3 декабря 1939 г., не распространяются на товары, произведенные во Франции и на французских колониальных территориях.

«Исключения в пользу французской торговли с Сирией и Ливаном,—говорилось в инструкции государственного секретаря Буллиту,—явно не соответствуют статье 11-й о мандатах американо-французского соглашения, заключенного 4 апреля 1924 г. в Париже»[21].

Американское правительство заявляло, что оно не может считать законными мероприятия французского правительства и вмешательство в договорные права США и считает невозможным признать и оправдать установление контроля над валютными операциями и системой лицензии в такой форме, которая дает преференции импорту в Сирию и Ливан из французской империи и применяет дискриминацию в отношении торговли США с этими странами[22].

Исходя из этого, правительство США поручило Буллиту заявить французскому правительству, что оно «ожидает от французского правительства признания права свободного доступа американских товаров во французские колонии и подмандатные территории без дискриминации»[23].

3 февраля 1940 г. Кордел Хэлл срочно телеграфировал Буллиту, чтобы он во время обсуждения этого вопроса с французскими компетентными лицами сделал особый упор на эмбарго шерсти из Сирии и «выразил протест против дискриминационного отношения»[24].

Американское посольство в Париже, на основе указаний государственного департамента, составило меморандум, который 9 февраля 1940 г. был вручен поверенным в делах Мэрфи

---

[21] The Secretary of State to the Ambassador in France (Bullit), 25. I. 1940—FRUS DP, 1940,vol. III, p. 930.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] The Secretary of State to the Ambassador in France (Bullit) 3. II. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 931.

министерству иностранных дел Франции. Мэрфи был принят помощником начальника отдела ближневосточных и африканских дел министерства иностранных дел Франции Максимом Ражо (Rageot). Ознакомившись с американским меморандумом, он заявил Мэрфи, что «позиция Франции диктовалась необходимостью военного времени»[25]. Далее Ражо неофициально заявил Мэрфи, что Франция не отступит от уже принятой политики.

17 марта 1940 г. министерство иностранных дел Франции, через американское посольство в Париже, послало официальный ответ на меморандум правительства США. Французское правительство в своем ответе подчеркивало, что меры по ограничению импорта и экспорта и установлению контроля над обменом иностранной валюты в Сирии и Ливане были продиктованы необходимостью «уменьшить последствия глубоких сдвигов, которым подвергается экономическая структура вышеуказанных стран (т. е. Сирии и Ливана.—*Н. О.*).»[26].

Правительство Франции заявляло, что эти ограничения останутся в силе, пока этого требуют обстоятельства.

Ответ Франции не удовлетворил американскую сторону. Государственный департамент поручает Мэрфи вручить новую ноту французскому правительству. Правительство США заявляло, что оно по-прежнему настаивает на сохранении прав американских граждан в Сирии и Ливане[27].

Однако США так и не удалось добиться отмены ограничений, введенных Францией на торговлю с Сирией и Ливаном. Да и Франция вскоре капитулировала перед гитлеровской Германией, что создало новую ситуацию в Леванте.

Политика правительства США в этом вопросе объясняется тем, что оно стремилось не допустить ущемлений экономических прав американских монополий, желая сохранить экономические позиции американского капитала в Сирии и Ливане и не признавая исключительные права за каким-либо другим государством, включая и Францию.

Юридической основой для американских претензий служили постановления Лиги Наций о мандатной системе правления и американо-французское соглашение 1924 г.

---

[25] The Charge in France (Murphy) to the Secretary of State, 9. II 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 932.

[26] The French Minister of Foreign Affairs to the American Embassy 17. III. 1940—FRUS DP, vol. III, p. 934,

[27] FRUS DP, 1940, vol. III, p, 936.

Устав Лиги Наций предусматривал равные экономические возможности в подмандатных территориях для всех членов Лиги Наций. Но известно, что США не были членом этой организации. Однако 4 апреля 1924 г. между США и Францией было заключено соглашение, по которому США приобрели в Сирии и Ливане такие же права, как другие государства—члены Лиги Наций. США заявили, что они признают французский мандат над Сирией и Ливаном (ст. 1). Соединенные Штаты и его граждане должны пользоваться всеми правами и благами, которые по условиям мандата предоставляются членам Лиги Наций и их гражданам, несмотря на то, что Соединенные Штаты не являются членом Лиги Наций (см. 2): Далее, соглашение предусматривало, что право американцев на собственность в Сирии и Ливане будет уважаться, американские граждане будут иметь право свободно учреждать просветительские, филантропические и религиозные институты и т. д.

Соглашение имело один весьма важный пункт. Речь идет о статье 6-й, гласившей, что никакие изменения, которые могут быть внесены в положения мандата, не могут отразиться на условиях нынешнего соглашения до тех пор, пока США не согласятся с этими изменениями[28].

Имея в виду последнюю, 6-ю статью американо-французского соглашения, можно констатировать, что Франция нарушила условия вышеуказанного соглашения. Она в данном вопросе руководствовалась исключительно своими империалистическими устремлениями, желая еще больше укрепить свои позиции в Сирии и Ливане и оттеснить на задний план интересы других государств.

Американо-французские разногласия о правомочности Франции ввести ограничения на торговлю с Сирией и Ливаном были первым серьезным проявлением межимпериалистических противоречий в Леванте в начальной стадии второй мировой войны.

Однако главные события были еще впереди.

* * *

Франция, вступившая в войну в сентябре 1939 г., потерпела поражение и 22 июня 1940 г. заключила перемирие с Германией.

---

[28] Convention on American Rights in Syria and Lebanon: The United States and France, 4. IV. 1924—„Diplomacy in the Near and Middle East, A Documentary Record: 1914—1956", vol. II, p. 127.

Этот вопрос достаточно хорошо изучен и освещен в исторической литературе. Нас же капитуляция Франции интересует с точки зрения последствий этого акта и их влияния на судьбы французских колоний и подмандатных территорий, в том числе и на судьбы Сирии и Ливана, возникновения новой международной ситуации в Леванте и усиления борьбы между империалистическими державами за господствующее положение в указанных странах.

Поражение Франции вызвало глубокий раскол среди французов, как в метрополии, так и в заморских территориях.

Определенные круги французской буржуазии шли на сотрудничество с гитлеровской Германией. Предатели французского народа образовали правительство, избравшее своей резиденцией маленький курортный городок Виши. Виши стали синонимом предательства и сотрудничества с немецким фашизмом.

Руководителями вишистской Франции стали маршал Петэн, генерал Вейган, Лаваль, Дарлан и другие, покрывшие свои имена вечным позором.

Но падавляющая часть французов не могла примириться с позорным поражением и не пошла на сотрудничество с немецким фашизмом. Истинные патриоты Франции поднялись на борьбу с нацизмом, положив начало тому широкому движению, которое известно под названием Резистанс. В первых рядах этих борцов находились коммунисты, возглавлявшие вместе с другими патриотами освободительную борьбу французского народа.

Среди тех, кто отказался сотрудничать с гитлеровской Германией и осуждал капитулянтскую политику Петэна и его единомышленников, были также военные и политические деятели, объединившиеся вокруг генерала Шарля де Голля.

18 июня 1940 г., за три дня до капитуляции Франции, генерал де Голль по лондонскому радио обратился ко всем французам с призывом продолжать сопротивление. Генерал Вейган, который 17 мая 1940 г. стал главнокомандующим вооруженными силами Франции, осудил поведение де Голля и объявил его уволенным из французской армии. Приказ Вейгана не имел никакого практического значения. Шарль де Голль находился вне Франции. 28 июня 1940 г. английское правительство официально признало де Голля руководителем «Свободной Франции»[29].

---

[29] *S. Longrigg*. Syria and Lebanon Under French Mandate, London, 1958, p. 27.

Капитуляция Франции и перемирие, заключенное Германией, имели прямое отношение к статусу французских колоний и подмандатных территорий. Представители Франции на местах—верховные комиссары и главнокомандующие французскими войсками, должны были определить свое отношение к заключенному перемирию, т. е. принять его условия и прекратить борьбу, или же отвергнуть перемирие и продолжать борьбу.

Эта дилемма стояла и перед французским верховным комиссаром в Сирии и Ливане Габриелом Пьюо и командующим французскими войсками в Леванте генералом Миттелхаузером[30]. В первый период они решили не сдаться на милость Германии и продолжать борьбу во что бы то ни стало. Когда 18 июня 1940 г. маршал Петэн по радио сообщил всем французам, что он решил просить мира у Германии, генерал Миттелхаузер заявил, что «Левантская армия продолжит борьбу на стороне союзников»[31].

Миттелхаузер установил контакты с британским главнокомандующим на Ближнем Востоке генералом Вейвелом[32], договорившись с ним продолжать борьбу[33]. Верховный комиссар Пьюо полностью поддерживал Миттелхаузера. Их позиция не изменилась даже после того, когда 22 июня 1940 г. стали известны условия заключенного с Германией перемирия. 23 июня Миттелхаузер призвал осуществить миссию Франции в Леванте и защитить там честь и флаг своей страны[34]. А Габриель Пьюо заявил, что в Леванте не может быть никакой капитуляции.

Но 25 июня 1940 г. военный министр Франции генерал Вейган издал приказ всем главнокомандующим французскими войсками в колониях и подмандатных территориях признать и в точности выполнять все условия перемирия с Германией. После приказа Вейгана Миттелхаузер и Пьюо меняют свою позицию. Тут немалую роль сыграла также позиция генерал-резидентов Франции в Тунисе и Марокко, которые пришли к решению подчиниться его требованиям, о чем и со-

---

[30] Миттелхаузер занял этот пост 18 мая 1940 г., сменив генерала Вейгана.

[31] *G. Kirk,* The Middle East in the War, p. 82.

[32] Он занимал этот пост в 1939—1941 гг.

[33] *S. Longrigg,* Syria and Lebanon under French Mandate, p. 296.

[34] *Н. Оганесян,* Образование независимой Сирийской Республики (1939—1946 гг.), стр. 22.

общили в телеграмме Пьюо и Миттелхаузеру[35]. 27 июня 1940 г. Габриель Пьюо писал Миттелхаузеру, что поскольку французская Северная Африка приняла условия перемирия, то нет больше никакой надежды на успешное продолжение борьбы[36]. После некоторого колебания последний также решил прекратить борьбу и принять условия перемирия, т. е. подчиниться решениям Петэна и его единомышленников.

В принятии такого решения, очевидно, немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что Германия заявила о своей незаинтересованности заморскими французскими территориями и о согласии оставить французские колонии под управлением Франции.

28 июня 1940 г. генерал Миттелхаузер издал приказ по войскам Левантской армии, в котором говорилось, что согласно «условиям перемирия, заключенного французским правительством, никаких изменений не произойдет в положении подмандатных территорий. Следовательно, главнокомандующий войсками на Восточносредиземноморском театре военных действий, в согласии с Верховным комиссаром, приказывает прекратить военные действия. Французский флаг будет продолжать развеваться на этой территории, и Франция выполнит свою миссию в странах Леванта»[37].

Однако не все французы, в том числе и военные и политические деятели, находившиеся в Леванте, одобряли решение Миттелхаузера и Пьюо. Принятие условий перемирия французскими властями в Леванте вызвало раскол в рядах французов. И многие французские офицеры и солдаты переходили палестинскую границу и присоединялись к британской армии, чтобы продолжать борьбу против гитлеровской Германии[38]. Среди них был и начальник главного штаба французских войск в Леванте генерал де Ларминa.

Однако, как было отмечено, подавляющая часть поддержала решение Миттелхаузера. Некоторые исследователи, в том числе и Дж. Ленцовский, склонны объяснять позицию французских властей в Леванте «традиционными антибританскими чувствами французов в Сирии»[39]. Ее причину надо искать, по-видимому, в том, что они опасались не подчиниться решению своего правительства, чиновниками которого со-

---

[35] Там же.

[36] *G. Krik*, The Middle East in the War, p. 82.

[37] FRUS DP, 1940, vol. III, 893—894.

[38] *S. Longrigg*, Syria and Lebanon under French Mandate, p. 279.

[39] *J. Lenczowski*, The Middle East in World Affairs, p. 276.

стояли. Кроме того, действительно, в случае разрыва с метрополией Англия могла здесь установить свой контроль. Англо-французское соперничество за преобладающие позиции на Арабском Востоке, хотя и временами утихало, но никогда не переставало давать о себе знать. Франция всегда с недоверием и подозрением относилась к политике Англии в отношении Сирии и Ливана, и эта официальная линия французского правительства была известна французским военным и политическим деятелям, которые оказывали всяческую поддержку политике своего правительства.

На решение Миттелхаузера о прекращении войны и принятии условий перемирия с Германией быстрее и острее всех среагировала Англия. Это и понятно. Перемирие могло облегчить проникновение Германии и Италии в страны Леванта и способствовать укреплению их влияния. А это создало бы смертельную угрозу английским владениям на Арабском Востоке. Англия не могла примириться с создавшейся ситуацией. Даже после приказа генерала Миттелхаузера от 27 июня 1940 г. Англия не теряла надежду убедить французские власти в Леванте продолжить сотрудничество с Англией. С этой целью командующий английскими войсками генерал Вейвел 29 июня 1940 г. посетил генерала Миттелхаузера и попытался убедить его продолжить совместную борьбу против Германии. Но Миттелхаузер отверг предложение Вейвеля[40].

Убедившись в невозможности внести какие-либо изменения в политику французских властей в Леванте, английское правительство выступило 1 июля 1940 г. со специальной декларацией о статусе Сирии и Ливана.

В ней отмечалось, что решение генерала Эжена Миттелхаузера от 27 июня 1940 г. о прекращении военных действий в Леванте не означает, что если Германия и Италия будут стремиться оккупировать Сирию и Ливан, французские силы не сделают попытки сопротивляться этому[41]. И чтобы не оставить ни у кого сомнения, правительство его величества заявило, что «оно не может допустить оккупацию Сирии и Ливана каким-либо вражеским государством или использование их как базы для нападения на страны Ближнего Востока, обязательство защищать которые оно взяло на себя»[42].

---

[40] *G. Kirk*, The Middle East in the War, p. 83.

[41] Declaration of United Kingdom Government Respecting Status of Syria and Lebanon, I. VII. 1940—DAFR, vol. III. July 1940—June 1941 Boston, 1941, p. 334.

[42] Там же.

Английское правительство считало себя свободным предпринять такие шаги, которые оно считает, учитывая конкретную ситуацию, наиболее отвечающими его собственным интересам. В заключительной части декларации подчеркивалось, что любой шаг, который Англия предпримет, выполняя условия этой декларации, не будет влиять на статус территорий, которые сейчас находятся под французским мандатом[43].

В декларации, как видим, очень четко сформулированы основные принципы британской политики в отношении Сирии и Ливана после капитуляции Франции. Всем сразу стало ясно, что Англия не допустит перехода Сирии и Ливана под германо-итальянский контроль. Декларация английского правительства явилась серьезным предупреждением не только Германии и Италии, но и вишистской Франции.

Отношения между Англией и Францией как бывшими союзниками оставались нормальными до 3 июля 1940 г. В этот день английский флот, якобы с целью предотвращения перехода французского флота под германский контроль напал на него в Марс ал-Кабире (Оран). 5 июля правительство Виши, рассматривая нападение английского флота на французский как враждебный акт, порвало дипломатические отношения со своей бывшей союзницей Великобританией[44]. Это привело к свертыванию ряда мероприятий, призванных урегулировать взаимоотношения между Англией и Францией касательно Сирии и Ливана.

Среди них в первую очередь следует упомянуть проект соглашения между странами Леванта и Палестиной, который должен был уточнить и нормализовать отношения между ними[45]. Теперь французское правительство и слышать не хотело об этом соглашении.

По требованию французского правительства британская военная миссия в начале июля 1940 г. выехала из Ливана[46].

Французские власти заставили английского генерального консула покинуть Бейрут, и он был вынужден остановиться в Алейе[47].

После заключения перемирия с Германией начались переговоры между Францией и Англией об обмене трех британских торговых кораблей, стоявших в Бейруте, на француз-

---

[43] Там же.

[44] *G. Kirk*, The Middle East in the War, p. 84.

[45] Там же.

[46] FRUS DP, 1940, vol III, p. 895.

[47] *G. Kirk*, The Middle East in the War, p. 84.

·ский пароход, стоявший в порту Хайфа. Но после инцидента в Марс ал-Кабире французская сторона прервала переговоры и 50 членов экипажей трех английских торговых суден были интернированы[48].

Вскоре верховный комиссар Франции в Сирии и Ливане получил указание от своего правительства запретить выезд англичан до 50 лет[49]. Этот указ распространился также на находившихся здесь голландцев, бельгийцев, чехов, поляков и австрийцев призывного возраста.

Французские власти в Леванте запретили слушать британские радиопередачи[50].

Англия со своей стороны также предприняла ряд мер в отношении Сирии и Ливана. Была закрыта граница между Палестиной и странами Леванта.

По распоряжению британского правительства «Ирак петролеум К⁰» прекратила поставку нефти в Сирию и Ливан, что вызвало ее нехватку в этих странах[51].

Вскоре Англия приняла решение подвергнуть экономической блокаде страны Леванта. С 18 ноября 1940 г. Англия установила контроль как на ввоз товаров в Сирию, так и на их вывоз. По решению английского правительства только оно могло разрешить импорт товаров в Сирию из некоторых стран, в том числе и из США. Что же касается экспорта, то экспортер мог вывезти свой товар из Сирии после получения соответствующего удостоверения, т. е. разрешения британского генерального консула[52].

Мы еще вернемся к вопросу английской блокады. Теперь рассмотрим проблему политики Германии и Италии в отношении Сирии и Ливана и франко-германо-итальянские отношения в свете событий в Леванте после капитуляции Франции.

Поражение Франции и заключение перемирия с Германией, естественно, облегчили проникновение Германии и Италии в Сирию и Ливан. Французские власти в Леванте освободили всех интернированных итальянцев и немцев, вернули им секвестрированное имущество, возобновили свои дейст-

---

[48] Там же.

[49] FRUS DP, 1940, vol. III, p. 900.

[50] *Н. Оганесян,* Образование независимой Сирийской республики, стр. 26.

[51] „The New York Times", 2. IX. 1940.

[52] FRUS DP, 1941, vol. III, p. 668—669.

вия Банко ди Рома и т. д.[53]. Восточное Средиземноморье, как уже отмечалось неоднократно, считалось зоной итальянского влияния. Уже 7 июля 1940 г. министр иностранных дел Италии Чиано представил Гитлеру план Муссолини о «реорганизации» Ближнего Востока. Муссолини предлагал «признать» независимость Сирии и Ливана, а также Палестины и Трансиордании, однако с условием, чтобы Италия оккупировала все важные стратегические пункты в этих странах и заключила с ними договор об «исключительном союзе»[54].

Германия не собиралась уступать итальянским требованиям, да и требования эти, в частности оккупация и заключение особого договора, не отвечали интересам Германии. Поэтому она дала согласие лишь на посылку в страны Леванта итальянской миссии по перемирию. Именно итальянской, а не германо-итальянской, как ошибочно отмечается в некоторых исследованиях[55]. Германия, отказавшись послать свою комиссию, тем самым хотела показать свою верность слову, данному Италии—о признании ее преимущественных прав на страны Леванта.

Итальянская комиссия по перемирию 27 августа 1940 г. прибыла в Халеб и на следующий день отправилась в Бейрут. Комиссию возглавлял генерал Георги, в ее состав входили два полковника и один майор, а в качестве секретарей сопровождали восемь офицеров[56].

Официально в задачу комиссии входило: а) взять на учет весь военный материал, имевшийся в Сирии и Ливане, и установить контроль над ним и б) уточнить, действительно ли интернированные граждане стран оси освобождены[57].

Однако на самом деле итальянская комиссия стремилась расширить свои функции, вплоть до установления полного контроля над политической жизнью стран Леванта. Фактически она приступила исподволь к осуществлению плана дуче от 7 июля 1940 г. Политика комиссии дала основание газете «Индустан Таймс» заметить, что державы оси стремятся лишить Сирию всех средств сопротивления, чтобы при

---

[53] *G. Kirk,* The Middle East in the War, p. 84.

[54] Там же, стр. 42.

[55] См. *Амин Саид,* Восстания арабов в XX веке, стр. 134; *G. Lenczowski,* The Middle East in World Affairs, p. 276 и др.

[56] The Consul General at Beirut (Palmer) to the Secretary of State, 28. VIII. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 906.

[57] Там же.

первой же возможности Италия сумела захватить эту страну[58].

Итальянская комиссия назначила своих агентов во все три французские дивизии, находившиеся в Леванте, но установить эффективный контроль над ними им не удалось. Они попытались осуществить опись французского военного снаряжения в Сирии[59]. Однако французское командование не дало согласия на это и отвергло также требование итальянской комиссии о передаче под контроль итальянцев военно-воздушных баз, нескольких подводных лодок, находившихся в бейрутском порту, а также железных дорог[60].

Фактически итальянской комиссии не удалось осуществить свои планы в Сирии и Ливане. Французские власти проявили твердость в отношении притязаний итальянской комиссии, так как Франция не хотела терять свои позиции в Леванте. Кроме того, как неоднократно заявляли руководители Франции, они не терпели поражения от Италии и, следовательно, не обязаны уступать ей что-либо от французской колониальной империи. Французы вели себя с итальянцами как равные с равными, не придавая им, по выражению С. Лонгрига, «большого значения»[61].

А в одном французском издании об отношении французских властей в Леванте к итальянской комиссии по перемирию отмечено, что эта комиссия «после авантюр в Греции и Ливии[62] скорее вызвала усмешку, чем гнев»[63].

В неудаче миссии итальянской комиссии по перемирию немалую роль сыграла также позиция Германии и характер франко-немецких отношений, установившихся к этому времени.

Дело в том, что Германия по существу не могла допустить переход Сирии и Ливана под полный контроль Италии, которая в действительности не сыграла никакой роли в разгроме Франции.

С другой стороны, происходило постепенное сближение между вишистским правительством Франции и правительством гитлеровской Германии.

Одним из моментов, способствующих этому сближению,

---

[58] „The Indusian Times", 15. IX. 1940.

[59] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 414, л. 111.

[60] Там же.

[61] *S. Longrigg,* Syria and Lebanon under French Mandate, p. 301.

[62] Имеются в виду неудачи Италии в Греции и Ливии.

[63] „Les Allemands en Syrie Sous le Gouvernment de Vichy", 1912, p. 4.

явился вопрос о будущем статусе французских колоний. Вопрос колоний после заключения перемирия оставался самым уязвимым местом для правителей Виши и они всячески добивались признания Германией права Франции на ее колониальные владения. 26 сентября 1940 г. представитель МИД Германии при немецкой комиссии по перемирию[64], старший советник, имеющий ранг министра, Хенке получил ноту французской делегации, в которой было отмечено, что «Франция также нуждается, в качестве моральной поддержки, в заверении Германии в том, что она (Франция.—*Н. О.*) может в будущем сохранить свои колониальные владения, для защиты которых она сейчас проливает кровь»[65].

Германия дала свои заверения Франции в этом вопросе после того, как правительство Виши окончательно стало на путь полного сотрудничества с гитлеровской Германией. Это был самый позорный акт в недолговечной деятельности правителей Виши. Решение о сотрудничестве было принято на встрече маршала Петэна с Гитлером в специальном поезде на железнодорожной станции Монтуар сюр ле-Луар 24 октября 1940 г. На встрече присутствовал также заместитель председателя совета министров и министр иностранных дел Пьер Лаваль.

Маршал Петэн во время переговоров с Гитлером отмечает, что главным вопросом является вопрос сотрудничества между двумя странами и выражает сожаление, что такое сотрудничество не было установлено раньше, в предвоенные годы[66].

Маршал Петэн, вероятно желая подчеркнуть свою преданность Гитлеру, откровенно осуждает генерала де Голля и его политику, называя его «плохим французом»[67]. Он ставит в известность Гитлеру, что по решению военного трибунала де Голль приговорен к смертной казни, а его имущество конфисковано.

Считая большой честью для Франции, что фюрер согласился говорить о сотрудничестве, маршал Петэн сразу выд-

---

[64] Эта комиссия была создана для заключения перемирия с Францией, а впоследствии для наблюдения за выполнением условий перемирия.

[65] Memorandum by an Official of the Foreign Ministery, 26. IX. 1940—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XI, p. 186—187.

[66] Conference between the Führer and Marshal Petain in Führer's Special Train, at the Railway Station of Montoir-sur le-Loir, on October 24, 1940—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XI, p. 385.

[67] Там же, стр. 386.

вигает вопрос французских колоний, заявляя, что он от своего имени может заверить, что «все будет сделано для сохранения колониальных территорий Франции»[68].

Гитлер замечает, что все европейские страны должны создать естественное континентальное сообщество против Англии и что он сейчас работает в этом направлении. Гитлер считал необходимым изучить возможности завершения войны, «которое может быть результатом сотрудничества между Германией и Италией, с одной стороны, и Францией— с другой»[69].

Маршал Петэн в принципе соглашается с таким сотрудничеством. Он заявляет, что при возвращении в Виши сообщит правительству о своем «согласии с принципом сотрудничества с Германией» и что «это откроет для Франции окно к своей колониальной империи»[70].

Гитлер также выражает свое удовлетворение беседой с Петэном[71].

Вечером 27 октября 1940 г. состоялось заседание французского правительства в Виши, на котором маршал Петэн заявил, что достиг принципиального согласия с Гитлером о сотрудничестве между Германией и Францией. Правительство единогласно одобрило результаты бесед Петэна и Лаваля с Гитлером[72], т. е. дало свое согласие на новый курс сотрудничества с фашистской Германией.

Вишистское правительство в своем решении указывало как на очень важный и существенный момент, что переговоры между маршалом Петэном и Гитлером проходили на культурном уровне и маршал получил почести, достойные его звания[73]. Люди, изменившие своим национальным интересам и ставшие на путь сотрудничества с фашизмом, душителем свободы многих народов, в том числе и Франции, все еще гордились почестями, оказанными им палачами.

Вишистское правительство, несомненно, знало о вероломном характере Гитлера и других фашистских руководителей. Поэтому оно, несмотря на соглашение, достигнутое в Монтуаре, периодически добивалось новых заверений со сто-

---

[68] Там же.

[69] Там же, стр. 389.

[70] Там же.

[71] Там же, стр. 391.

[72] Ambassador Abetz to the Foreign Ministery, 27. X. 1940—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XI, p. 407.

[73] Там же.

роны Германии о сохранении французской колониальной империи. Гитлер 11 мая 1941 г. в Бергофе, на приеме в честь адмирала Дарлана, заменившего Лаваля на посту заместителя председателя совета министров, напомнил ему о своем слове, данном маршалу Петэну, что «Германия не имеет никаких намерений разрушить французскую колониальную империю»[74].

Если бы это было не так, продолжал Гитлер, то условия перемирия могли быть другими. Далее он заявил Дарлану, что Германия стремится вернуть свои колонии и что это не задевает интересы французской империи. «В этой войне,— продолжает Гитлер,—по счетам колоний должна платить Англия»[75].

В конце беседы Гитлер заметил, что Франция сама должна заботиться о сохранении своей колониальной империи и «не бросить ее Америке»[76].

Чем объясняется такая политика Германии в отношении французской колониальной империи? Было бы ошибочно думать, что Германия действительно не хотела разрушить колониальную империю Франции и стремилась сохранить ее целостность.

Германия обещала сохранить французскую колониальную империю из тактических соображений.

Она вела войну с Англией, которую надо было добить. Но, самое главное, Германия собиралась напасть на СССР. Запомним, что беседа Гитлера с Дарланом состоялась 11 мая 1941 г., т. е. почти накануне нападения Германии на Советский Союз. В такой ситуации Германии не было выгодно очень раздражать Францию. Гитлер стремился своей уступкой в вопросе колоний, что было самым чувствительным местом вишистских правителей, усмирить Францию, завоевать ее лояльность и тем самым укрепить свой тыл в войне, которую он вел против Великобритании и собирался вести против СССР.

Но, как мы уже отметили, заверения Гитлера имели чисто тактический характер. Нет сомнения, что если бы Германии удалось нанести поражение СССР и стать полновластным хозяином в Европе и Азии, тогда бы она иначе постави-

---

[74] Record of the Conversation between the Führer and Admiral Darlan in the Presence of the Reich Foreign Minister at the Berghof, 11. V. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 769.

[75] Там же.

[76] Там же.

ла вопрос о французских колониях и Франция не смогла бы предотвратить захват своих колоний Германией.

В 1940—1941 гг., официально заявляя о своем согласии на сохранение французской колониальной империи, Германия тем самым отказалась поддержать планы Италии в отношении стран Леванта, в частности план Муссолини, представленный Гитлеру министром иностранных дел Чиано. Правда, Германия по-прежнему признавала, что Сирия и Ливан входят в итальянскую зону влияния, но, дав обещания Петэну о сохранении французской колониальной империи, она тем самым ставила определенную преграду перед экспансионистскими устремлениями своего итальянского союзника. Здесь играли роль не только соображения французской политики. Германия не хотела отдавать французские подмандатные территории—Сирию и Ливан Италии, которая практически ничего не сделала для достижения победы над Францией, но стремилась полностью воспользоваться плодами успехов немецкого оружия.

Как отмечалось, французские власти в Сирии и Ливане фактически игнорировали итальянскую комиссию и не выполняли ее требований. В такой ситуации единственной силой, которая могла оказать давление на Францию и заставить ее быть более уступчивой в отношении итальянской комиссии, была Германия. Но фашистские лидеры Германии отнюдь не намеревались оказывать такое давление на Францию. В германских военно-политических кругах открыто говорили, что Германия нанесла поражение Франции не для того, чтобы преподнести Сирию в качестве подарка Италии, которая не произвела ни одного выстрела[77].

После встречи в Монтуаре и соглашения между Петэном и Гитлером о сотрудничестве усилилось немецкое проникновение в Сирию и Ливан. Вначале появились журналисты, коммерсанты и т. д., имеющие связи с местными деятелями,— среди них Рудольф Розер, Роланд Айлендер, Паула Кох и другие,—затем и немецкие военные[78]. В январе 1941 г. в Сирию в качестве представителя Германии при верховном комиссаре Франции в Леванте отправился Отто фон Гентиг, занимавший до этого высокий пост начальника ближневосточного отдела МИД Германии.

26 февраля 1941 г. фон Гентиг направил докладную в

---

[77] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 414, л. 109.

[78] *G. Kirk*, The Middle East in the War, p. 87.

МИД Германии о положении в Сирии[79]. Одним из главных предложений фон Гентига было учреждение немецкой делегации при итальянской комиссии перемирия в Сирии[80].

Его предложение нашло одобрение у германского правительства, и оно предприняло шаги в этом направлении. Однако итальянское правительство долгое время не давало своего согласия на посылку германской делегации при итальянской комиссии. Италия считала Сирию и Ливан сферой своего влияния и не желала допускать туда немцев, отлично понимая, что появление представителей Германии укрепит авторитет и влияние Германии в Сирии и Ливане и, наоборот, ослабит позицию Италии.

Но Италии, под нажимом Германии, в конце концов пришлось уступить. Начальник политического департамента МИД Германии Воерманн 5 апреля 1941 г. в своем меморандуме сообщил, что правительство Италии сняло свои возражения на отправку немецкой делегации связи при итальянской комиссии перемирия в Сирии[81].

Правительство Германии намеревалось назначить Отто фон Гентига руководителем немецкой группы связи при итальянской комиссии. Но выяснилось, что правительство Виши против его кандидатуры[82]. Несмотря на это обстоятельство, Воерманн считал Отто фон Гентига наиболее подходящим человеком для выполнения такой задачи. Кроме того, по мнению Воерманна, после отвода Францией кандидатуры фон Гентига «вопрос приобрел престижный характер»[83].

Но тем не менее Германии пришлось уступить в вопросе фон Гентига. Немецкий посол в Виши Абец, имея в виду, что в это время в Париже шли переговоры между Францией и Германией по важным вопросам, «не считал посылку министра Гентига в Сирию приемлемой в настоящее время»[84]. Абец опасался, что это может повлиять на исход переговоров в Париже. Кроме того, Гентига хорошо знали и сирийские на-

---

[79] DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 234. footnote 3.

[80] Memorandum by the Director of the Political Department, 7. III. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 242.

[81] Memorandum by the Director of the Political Department, 5, IV. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 561.

[82] Там же.

[83] Там же.

[84] DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 742.

ционалисты, поэтому и французское правительство возражало против его кандидатуры[85].

Учитывая все эти соображения, МИД Германии послало в Сирию старшего советника Рахна, считая, что «фон Гентиг впоследствии, когда позволят обстоятельства, займет место Рахна»[86].

В период усиленного проникновения Германии и Италии в страны Леванта Великобритания решила подвергнуть Сирию и Ливан экономической блокаде. Английское правительство в меморандуме правительству США пыталось объяснить необходимость блокады экономическими и военно-политическим соображениями. «Мы пытаемся.—отмечалось в английском меморандуме,—оказывать максимальное экономическое давление на Сирию. Это не означает, что мы желаем или ожидаем немедленного восстания. Слабая Сирия является преградой против любых возможных французских действий любого порядка против нас. Это кажется нам очень значительным, имея ввиду стратегическую важность Сирии»[87].

Перед нами типичная для британского империализма политика. Великобритания, как метко заметил сирийский историк Наджиб ал-Арманази, боролась против любого государства, как вражеского, так и дружественного, которое поставило бы под угрозу ее позиции на Ближнем и Среднем Востоке[88].

Блокада имела тяжелые последствия для экономической жизни Сирии. Вишистское правительство было очень недовольно политикой Англии. Это и понятно.

Но вскоре обнаружилось, что не только Виши, но и США недовольны мерами правительства Великобритании. 17 января 1941 г. состоялась беседа заместителя начальника отдела ближневосточных дел государственного департамента США Вилларда с первым секретарем британского посольства в Вашингтоне Хельмом. Виллард спросил Хельма, учитывало ли британское правительство, что его политика блокады может заставить Сирию броситься в объятия немцев, что могут

---

[85] Там же.

[86] Там же, стр. 743.

[87] The British Embassy to the Department of State, 17. 1. 1941—FRUS. DP, 1941, vol. III, p. 670.

[88] تجيب الارمنازى محاضرات عن سوريا من الاحتلال حتى الجلاء (Далее, Наджиб ал-Арманази, Мухадарат ан-сурия). القاهرة ١٩٥٤ ص ١٣١

произойти серьезные беспорядки и все это может обернуться против Великобритании[89].

Хельм заявил, что целью его правительства является «создать в Сирии недовольство режимом Виши и таким образом перетянуть население на британскую сторону»[90]. Виллард ему отвечает: «У нас есть определенные сомнения на этот счет»[91]».

Не ограничившись беседой Вилларда с первым секретарем британского посольства, государственный секретарь США Кордел Хэлл 13 февраля 1941 г. поручил послу США в Лондоне Вайнанту довести до сведения британского правительства, что Соединенные Штаты «скептически относятся к желательности применения строгого экономического давления на Сирию не только потому, что такая политика может в будущем вызвать внутренние беспорядки..., но также потому, что сирийская торговля может повернуться к Германии»[92].

Вайнант получил указание настоять при встрече с британскими официальными лицами на облегчении условий торговли с Сирией для предотвращения нежелательных результатов.

Правительство Великобритании, хорошо взвесив все обстоятельства, в конце концов вынуждено было уступить. 20 марта 1941 г. Вайнант передал из Лондона Хэллу, что британское министерство военной экономики 19 марта официально сообщило посольству США, что принято решение смягчить ограничения на сирийскую торговлю. Британскому генеральному консулу в Бейруте было поручено выдавать разрешение на вывоз табака, оливкового масла, шкур и кожи в обмен на товары, импортируемые из США, в дополнение к шелку и шерсти, экспорт которых также был санкционирован[93]. Английское правительство согласилось также отправить в Сирию продукты питания в обмен на шерсть и шелк.

Чем объясняется столь энергичное вмешательство и ни-

---

[89] Memorandum of Conversation by the Assistant Chief of the Division of Near Eastern Affairs (Villard), 17. 1. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 671.

[90] Там же.

[91] Там же.

[92] The Secretary of the State to the Ambassador in the United Kingdom (Vinant), 13. 11. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 675—676.

[93] The Ambassador in the United Kingdom (Vinant) to the Secretary of State, 20. III. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 681—682.

чем не прикрытое давление США на британское правительство?

США живо интересовались как экономическим и военно-политическим положением Сирии и Ливана, так и политикой Франции, Англии и стран оси в отношении этих стран.

Еще 8 июля 1940 г. государственный секретарь Хэлл поручил генеральному консулу в Бейруте Пальмеру сообщить данные относительно французского военно-морского флота, находившегося в районе восточного Средиземноморья, и о настроении офицеров и матросов[94]. Получив эти данные, Корделл Хэлл 16 августа 1940 г. потребовал сведения о количестве и статусе французской армии в Сирии и Ливане. Спустя четыре дня Пальмер сообщил ему, что по данным надежных источников количество французской армии здесь составляет не меньше 80 тысяч и не более 100 тысяч[95].

При такой повышенной заинтересованности положением в Сирии и Ливане неудивительна подобная реакция США на экономические мероприятия Англии.

США беспокоились не потому, что экономическая блокада могла вызвать беспорядки в Сирии.

Главная причина, побудившая США выразить свое недовольство политикой экономической блокады, заключалась, на наш взгляд, в том, что эта политика задевала экономические интересы США. Новый генеральный консул США в Бейруте Ингерт в одном из своих донесений сообщал Корделу Хэллу: «Мы обычно берем много, если не подавляющую часть, сирийской шерсти, табака, шкур и кожи и т. д. и мы можем взять также шелк и оливковое масло»[96]. США не могли примириться с мыслью, что из-за английской блокады должны пострадать их экономические интересы. Правительство США, хотя и в целом поддерживало политику Англии на Арабском Востоке, желая с помощью Англии предотвратить захват арабских стран государствами оси, но тем не менее, когда их интересы сталкивались, оно решительно выступало в защиту американских монополий и торговых фирм. В таких случаях Англия обычно уступала, так как сама зависела от американской помощи.

---

[94] The Secretary of State to the Consul General at Beirut (Palmer), 8; VII. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 897.

[95] The Consul General at Beirut (Palmer) to the Secretary of State, 20. VIII. 1940—FRUS DP, 1940, vol. III, p. 903—904.

[96] The Consul General at Beirut (Engert) to the Secretary of State, 31. I. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III.

Другая причина недовольства правительства США экономическими мероприятиями Англии в отношении Сирии заключалась в том, что в результате блокады товары, в которых были заинтересованы Соединенные Штаты, могли быть экспортированы через Турцию в Германию.

В действительности так оно и было. Правительство Виши в марте 1941 г. дало инструкции верховному комиссару в Сирии и Ливане ускорить всеми средствами экспорт сирийских товаров в Германию[97]. В результате 50 тонн шелка через Турцию было переправлено в Болгарию, и Турция не препятствовала этому[98]. Шелк из Болгарии был доставлен в Германию, которая нуждалась в нем для производства парашютов. В середине марта 1941 г. с Ингертом встретился директор отдела внешней торговли при французском верховном комиссаре в Леванте Суль и заявил ему от имени верховного комиссара, что «англичане допускают большую ошибку, если думают, что сирийские товары не могут достичь Германии, потому что Турция якобы будет задерживать транзит»[99]. Суль сообщил ему, что «Турция оказывает все необходимое содействие, и шерсть, шелк и другие товары уже в некотором количестве доставлены в Германию»[100].

Это обстоятельство, как мы отметили, сильно беспокоило правительство США. И оно, ставя превыше всего свои экономические и политические интересы, добилось некоторого смягчения ограничений торговли Сирии с США. После этого сирийская шерсть, шелк и другие товары начали поступать на американский рынок. Так, например, в США были отправлены все 3 тыс. тонны шерсти, имевшиеся на складах Сирии[101]. С целью облегчить и стимулировать торговлю со странами Леванта, министерство финансов США предприняло шаги, чтобы в Чейз Нэшэнэл Бэнке открыть специальный счет на имя «Банк де Сири э дю Либан»[102].

---

[97] The Consul General at Beirut (Engert) to the Secretary of State, 13. III. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 677.

[98] Там же.

[99] The Consul General at Beirut (Engert) to the Secretary of State, 19. III. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 680.

[100] Там же.

[101] FRUS DP, 1941, vol. III, p. 673.

[102] The Secretary of State to the Consul General at Beirut (Engert), 18. IV. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 685.

* * *

Весной 1941 г. Сирия стала ареной острой межимпериалистической борьбы. Это было связано главным образом с активным проникновением Германии и Италии в страны Леванта. Но непосредственным поводом стало намерение Германии послать немецкую делегацию в Сирию и Ливан при итальянской комиссии перемирия. Вначале речь шла о посылке немецкой военной миссии, но затем ограничились немецкой делегацией при итальянской комиссии.

Как было отмечено, против посылки немецкой делегации в первую очередь возражала Италия. Но Германии удалось сломить ее сопротивление.

Перспектива появления немецкой миссии, естественно, не улыбалась Англии и США. Правительство США, с согласия Англии, оказывало сильный нажим на правительство Виши, пытаясь предотвратить приезд немецкой миссии в Сирию и Ливан.

26 марта 1941 г. Ингерт имел беседу с французским верховным комиссаром в Сирии и Ливане генералом Денцем[103]. На вопрос Ингерта, насколько верны слухи о прибытии в Левант немецкой военной миссии, Денц встревоженно ответил: «Я искренне надеюсь, что этого не будет. Это было бы несчастьем, и мне ничего не оставалось бы, как упаковать свои вещи и уехать»[104]. Далее Денц отмечает, что и без того Отто фон Гентиг доставил ему много хлопот и «если военная миссия прибудет, тогда вскоре тень гестапо распространится на всю Сирию»[105].

Очевидно, французский верховный комиссар не был в курсе дел и действительно не знал о намерении Германии послать свою миссию при итальянской комиссии.

Но неосведомленность Денца не могла успокоить США и Англию. Исполняющий обязанности государственного секретаря США Уэллес дал указание американскому послу во Франции Леги проверить сообщения о намерении Германии послать свою военную миссию в Сирию. И, если слухи окажутся верными, поставить вопрос на рассмотрение маршала Петэна и заявить ему, что интересы «американского прави-

---

[103] Денц занял пост верховного комиссара в декабре 1940 г.

[104] The Consul General at Beirut (Engert) to the Secretary of State, 26. III. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 692.

[105] Там же.

тельства требуют предотвратить переход Сирии под прямой или косвенный контроль Германии»[106].

Однако правительство Виши игнорировало все демарши американского правительства и в конце концов согласилось на отправку представителей Германии в Сирию и Ливан в качестве связных при итальянской комиссии перемирия. Этот шаг вишистского правительства, последовательно проводившего после октябрьского соглашения 1940 г. политику сотрудничества с Германией, сильно обострил, как было отмечено, отношения в Леванте. Он как бы явился первым серьезным сигналом о немецкой опасности, нависшей над странами Леванта.

Но положение особенно обострилось и достигло своего апогея в мае 1941 г., когда вспыхнула англо-иракская война и Германия попыталась воспользоваться сирийскими аэродромами для оказания помощи Рашиду ал-Гайлани и его сторонникам, восставшим против Англии.

Германское правительство поставило вопрос об использовании французских аэродромов, расположенных в Сирии, перед правительством Виши. Аналогичную претензию предъявило Виши правительство Италии. Необходимость использования сирийских аэродромов Италия обосновывала тем, что она хотела сформировать авиагруппы, которые должны были действовать в Ираке.

Однако французское правительство отказалось удовлетворить просьбу Италии, считая «нежелательным появление итальянских военно-воздушных сил в Сирии»[107]. 11 мая 1941 г. при встрече с Гитлером в Бергофе адмирал Дарлан жаловался Гитлеру на позицию Италии. «Франция делает уступки Германии,—говорил Дарлан,— потому что она была побеждена Германией, но она не была побеждена Италией, и не намерена ей уступать»[108].

Отказав Италии, правительство Виши согласилось предоставить возможность при полете в Ирак использовать сирийские аэродромы. Гитлер отмечал, что он решил оказать некоторую помощь Ираку, хотя и он не несет ответственности за возникновение конфликта здесь. «Если бы,—отметил Гит-

---

[106] The Acting Secretary of State to the Ambassador in France (Leahy), 26. III. 1941—FRUS DP, 1941, vol, III, p. 693.

[107] Memorandum by the Director of the Political Department, 9. V. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 744.

[108] Record of the Conversation between the Führer and Admiral Darlan, 11. V. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 772.

лер,—за событиями в Ираке стояла Германия, то она подготовилась бы лучше»[109].

Во время встречи Гитлера с Дарланом ставился также вопрос доставки в Ирак военных материалов, имевшихся во французских военных складах в Сирии, через территорию Турции[110].

Весть о согласии Виши на использование сирийских аэродромов быстро распространилась и стала известна Англии и США. Да и французские должностные лица не скрывали этого. Американскому послу в Париже Леги уже 9 мая один государственный служащий конфиденциально сообщил, что правительство дало указание французскому верховному комиссару в Сирии и Ливане: в случае полета немецких самолетов над территорией Сирии на пути к Ираку они не должны быть обстреляны. Но если английские самолеты будут летать над территорией Сирии, то верховный комиссар должен отдать приказ сбить их[111].

15 мая 1941 г. генерал Денц получил новую инструкцию из Виши, где указывалось, что немецкие самолеты, направлявшиеся в Ирак, могут совершать посадку и заправляться горючим на сирийских аэродромах Меззе (близ Дамаска), Пальмиры и Нераба (близ Халеба)[112].

И, действительно, немецкие самолеты, воспользовавшись предоставленной возможностью, в мае 1941 г. совершали полеты с сирийских аэродромов в Ирак. Всего было совершено 120 полетов[113].

Кроме того, было послано из Сирии через Турцию в Ирак значительное количество боеприпасов. В беседе с Ингертом Денц не отрицал этого факта, хотя и заверил американского генерального консула, что он не намерен поставить страны Леванта под контроль стран оси.[114].

По мнению правительства США, участие Франции в военных усилиях Германии выходило за рамки требований

---

[109] Там же.

[110] Там же, стр. 773.

[111] Ambassador in France (Leahy) to the Secretary of State, 9. V. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 701—702.

[112] *W. Castel*, Syrian Pageant. The History of Syria and Palestine 1000 B. C. to A. D. 1954, London, p. 162.

[113] *N. Ziadeh*, Syria and Lebanon, London, 1959, p. 63.

[114] The Consul General at Beirut (Engert) to the Secretary of State, 14; V. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 707.

перемирия, заключенного между Германией и Францией в июне 1940 г.

Исходя из этого государственный секретарь США Кордел Хэлл поручил послу США во Франции Леги встретиться с руководителями Франции и заявить им, что правительство США надеется, что «французское правительство даст указание своим властям в Сирии не оказывать никакого содействия немецким военным акциям на французской территории и не использовать сирийские аэродромы для оказания немецкой и итальянской помощи Рашиду Али»[115].

14 мая 1941 г. английское правительство просило правительство США передать как можно быстрее маршалу Петэну заявление английского правительства, с которым оно собиралось выступить в палате общин 15 мая 1941 г.

Как было отмечено, дипломатические отношения между Францией и Англией были разорваны в июле 1940 г. Что касается США, то они все еще поддерживали дипломатические отношения с Францией и очень часто выступали в роли посредника между Англией и Францией.

Английское правительство теперь просило США передать маршалу Петэну следующее заявление. Оно обвиняло Францию в том, что последняя разрешала немецким самолетам при полете на пути к Ираку использовать сирийские аэродромы. «Правительство Его Величества,— говорилось в заявлении,—имеет полное право предпринять действия против немецкой авиации на сирийских аэродромах. Правительство Франции не может избежать ответственности за эту ситуацию»[116].

По поручению Кордела Хэлла посол США во Франции Леги 15 мая вручил заявление английского правительства руководителям Франции[117].

14 и 15 мая английские самолеты разбомбили аэродромы в Пальмире и Райяке. 15 и 16 мая из пулеметов, установленных на английских самолетах, был открыт огонь в окрестностях Бейрута и Дамаска. Французский верховный комиссар Денц выразил протест британскому генеральному консулу[118].

Правительство Виши продолжало сотрудничать с Германией и оказывать содействие ее военным усилиям на Араб-

---

[115] The Secretary of State to the Ambassador in France (Leahy), 14. V. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 710.

[116] FRUS DP, 1941, vol. III, p: 710.

[117] Там же.

[118] FRUS DP, 1941, vol. III, p. 711.

ском Востоке, в частности в Ираке. С 20 по 26 мая 1941 г. в немецком посольстве в Париже шли переговоры между верховным командованием Германии и командованием французских вооруженных сил. В результате переговоров 27 и 28 мая 1941 г. были подписаны протоколы относительно Сирии и Ирака. По этому соглашению французское правительство согласилось удовлетворить следующие требования верховного командования Вермахта: готовность в принципе предоставить Германии три четверти французского военного снаряжения, находившегося в Сирии, для отправки в Ирак; право посадки немецким и итальянским самолетам для заправки на сирийских аэродромах, а также предоставление Люфтваффе авиационной базы на севере Сирии, в районе Халеба; использование сирийских портов, шоссейных и железных дорог для отправки материалов в Ирак; обучение иракских солдат на территории Сирии и т. д.[119]. Взамен Германия согласилась отправить в Сирию военное подкрепление, противовоздушные батальоны, противотанковые орудия и т. д., чтобы поднять французскую оборонительную мощь в Сирии[120].

Подписание вышеуказанных протоколов не имело практического значения. Они подписаны 27 и 28 мая 1941 г. Сопротивление иракской армии Англии фактически прекратилось с 28 на 29 мая 1941 г. Следовательно, германо-французское соглашение превратилось в клочок бумаги и представляет интерес лишь с точки зрения того, насколько далеко готово было пойти правительство Виши в своей политике сотрудничества с гитлеровской Германией.

Соглашение о Сирии и Ираке, заключенное между Германией и Францией, показывает, что Франция все больше и больше вовлекалась в авантюристическую политику фашистской Германии и была готова отдать в ее распоряжение свои материальные ресурсы.

Англия не могла потерпеть факт создания немецкой базы на Арабском Востоке. Правители Виши отлично понимали это. 1 июня 1941 г. адмирал Дарлан направил письмо немецкому послу в Париже Абецу, выражая свои опасения, что Англия, после капитуляции Ирака, возможно, начнет нападение на страны Леванта. Дарлан поставил в известность Абеца, что он дал указание французскому верховному комис-

---

[119] Protocols Signed at Paris on May 27 and May 28, 1941. Agreement with Regard to Syria and Iraq-DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 893.

[120] Там же.

сару в Леванте любой ценой защищать Сирию и Ливан[121].

Однако, добавил Дарлан, имея в виду нынешнее положение французских войск в Леванте, желательно, чтобы английское нападение не состоялось. И он просит немецкое правительство, с целью не давать повода Англии для нападения на Сирию и Ливан, распорядиться, чтобы немецкая авиация и немецкий персонал при возвращении из Ирака не останавливались в Сирии[122].

Дарлан одновременно просит Абеца поставить вопрос перед верховным главнокомандованием Вермахта об эвакуации из Сирии военного персонала и немецких и итальянских авиационных материалов, находившихся в Леванте с 9 мая 1941 г.[123].

В немецких военно-политических кругах, рассмотрев вышеуказанный вопрос, пришли к заключению, что если Германия не может немедленно оказать большую помощь, то лучше, чтобы она полностью вывела свои силы из Сирии[124].

Но эти мероприятия были запоздалыми и никого, тем более британцев, не могли ввести в заблуждение. В начале июня 1941 г. британские войска, находившиеся в Палестине и Трансиордании, были приведены в боевую готовность. В ответ на это маршал Петэн потребовал от генерала Денца защищать все французское имущество, отметив, что «в Сирии и Ливане народ не хочет других освободителей, кроме французских»[125].

Наступил решающий момент во взаимоотношениях бывших союзников. Оба государства вплотную подошли к рубежам военного столкновения.

* * *

7 июня 1941 г. американское посольство в Лондоне получило письмо, подписанное «бывшим морским деятелем», т. е. премьер-министром Англии Уинстоном Черчиллем, для передачи президенту США Франклину Рузвельту. Черчилль писал: «Завтра утром мы с некоторыми силами войдем в Сирию, чтобы предотвратить дальнейшее наступле-

---

[121] The Embassy in Paris to the Foreign Ministry, 1. VI. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 936.

[122] Там же.

[123] Там же.

[124] Там же, стр. 937.

[125] FRUS DP, 1941, vol. III, p. 724.

ние»[126]. Но как на это среагирует французское правительство? Черчилль просил Рузвельта оказать давление на руководителей Виши. В конце письма он подчеркивал: «Мы не имеем никаких политических интересов в Сирии, кроме выигрыша в войне»[127].

8 июня 1941 г. английские войска под командованием генерала Генри Мейтланда Вильсона и войска «Свободной Франции» под командованием сторонника де Голля генерала Жоржа Катру перешли в наступление в Леванте. Общее командование союзными войсками осуществлял главнокомандующий вооруженными силами Англии в Палестине и Сирии генерал Вильсон. Войска Англии и «Свободной Франции» вступили в Сирию и Ливан одновременно в трех направлениях—из Палестины, Трансиордании и Ирака. Одна колонна двинулась на Бейрут, другая—через Хермон на Бекаа, и третья — на Дамаск[128].

8 июня 1941 г., в день начала военных действий, была опубликована декларация английского правительства, где указывалось, что еще 1 июля 1940 г. оно предупредило, что не допустит оккупации Сирии и Ливана. Но несмотря на это «правительство Виши, проводя политику сотрудничества со странами оси, предоставило воздушные базы в Сирии и Ливане в распоряжение Германии и Италии и снабжало военными материалами повстанцев в Ираке»[129]. В заявлении отмечалось, что усилилось проникновение немцев в Сирию и это могло привести к установлению их полного контроля над Сирией и Ливаном. Поэтому английское правительство, как подчеркивалось в декларации, не могло допустить такие действия, которые выходили за рамки условий французского перемирия и находились «в противоречии с недавним заявлением маршала Петэна о том, что честь запрещает Франции предпринять что-либо против ее бывшей союзницы»[130]. Учитывая угрозу, нависшую над Сирией и Ливаном, войска

---

[126] The Charge in the United Kingdom (Johnson) to the Secretary of State, 7. VI. 1941. Personal for President from the Former Naval Person-FRUS DP, 1941, vol. III, p. 725—726.

[127] Там же, стр. 726.

[128] *A Hourani,* Syria and Lebanon, p. 238.

[129] Declaration of United Kingdom Government Respecting Occupation of Syria and Lebanon, 8. VI. 1911—DAFR, vol. III, July 1940—June 1941, p. 336.

[130] Там же.

«Свободной Франции» при поддержке имперских войск рано утром 8 июня 1941 г. вступили в Сирию.

Так оправдало английское правительство вступление войск «Свободной Франции» и Англии в Сирию и Ливан.

Войска вишистской Франции под командованием генерала Денца оказали сильное сопротивление.

Пока шли военные действия, длившиеся немногим более месяца, развернулась острая дипломатическая борьба вокруг Сирии и Ливана.

8 июня 1941 г. генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции Роша вручил послу США во Франции Леги ноту своего правительства, подписанную адмиралом Дарланом. Правительство Виши обращало внимание американского посольства на тот факт, что «нет никакого сотрудничества между Францией и Германией в Сирии и все аэронавтические материалы, которые были там в связи с событиями в Ираке, выведены»[131]. Правительство Виши считало, что сейчас ничего не может оправдать английское нападение на Сирию и заявляло, что оно защитит Сирию всеми возможными средствами[132].

9 июня 1941 г. посол Франции в Вашингтоне Гастон Анри-Хей посетил государственного секретаря Кордела Хэлла и заявил ему, что Франция всегда стремилась поддерживать хорошие отношения с Англией и не несет никакой ответственности за теперешнюю войну в Сирии[133]. Таким образом, правители Виши, исходя из того факта, что в начале июня 1941 г. немецкий военный персонал был выведен из Сирии, считали, что Англии нечего беспокоиться и она не имеет основания напасть на Сирию.

Положение, создавшееся в стране в начале июня, они рассматривали в отрыве от событий, происходивших на Арабском Востоке, в том числе в Ираке и Сирии до этого, в частности в апреле-мае 1941 г.

Поэтому Кордел Хэлл поручает послу США во Франции Леги встретиться с маршалом Петэном и сообщить ему об отношении США к политике Виши. Правительство США выражало удивление, что «правительство Франции не считало необходимым защищать Сирию, когда немцы использовали сирийские аэропорты, вопреки требованиям условий переми-

---

[131] The Ambassador in France (Leahy) to the Secretary of State, 8. VI. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 729.

[132] Там же.

[133] Там же, стр. 732.

рия»[134]. В заявлении США отмечалось, что целью Германии был не только захват Сирии, но и использование Сирии как базы для завоевания Ирака, Египта и Суэцкого канала. «В свете этих фактов,—говорилось далее в заявлении,—для американского правительства непонятно, почему Франция считает сейчас необходимым бороться с Великобританией в этом районе, когда единственной целью британцев является предотвратить дальнейшее использование Сирии как базы для действий немецких сил»[135]

Заявление правительства США было вручено маршалу Петэну 12 июня 1941 г., когда он, в присутствии Дарлана, принял Леги. Петэн заявил: «Британцы напали на нас. Мы говорили, что будем защищать нашу территорию... Мы знаем, что потеряем Сирию, но мы решили бороться до конца»[136].

Петэн и Дарлан всячески отрицали, что защита Сирии отвечает интересам Германии и означает помощь Гитлеру. Дарлан заметил, что если бы это было так, то они не отвергли бы помощь, предложенную Германией[137]. 16 июня 1941 г. Дарлан снова встретился с Леги и сообщил ему, что «немцы предлагали военную помощь для защиты Сирии и что он вновь отклонил это предложение»[138].

Однако, как свидетельствуют документы внешней политики Германии, Франция и Германия обсуждали вопрос предоставления дополнительной помощи Франции для усиления обороны Сирии. 11 июня 1941 г. в немецком посольстве в Париже состоялась встреча политического представителя Франции — государственного секретаря Бенуа-Мешина и военного представителя — адмирала Марзина с председателем немецкой комиссии по перемирию генералом Фоглем и начальником его штаба полковником Бегемом. Французская сторона просила обеспечить снабжение французских авиационных сил, находившихся в Сирии[139].

---

[134] The Secretary of State to the Ambassador in France (Leahy), 10. VI. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 735.

[135] Там же.

[136] The Ambassador in France (Leahy) to the Secretary of State, 12. VI. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 738.

[137] Там же.

[138] Там же, стр. 740.

[139] The Embassy in Paris to the Foreign Ministry, 11. VI. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 1008.

Бенуа-Мешин и адмирал Марзин поставили также вопрос об укреплении морской обороны Сирии. Они заявили, что «французское правительство просит разрешения отправить другой эскадренный миноносец из Тулона со всеми необходимыми боеприпасами»[140].

Так как доставка боеприпасов и другого материала по суше потребовала бы много времени, то французская сторона предложила доставить вышеуказанные материалы на транспортных самолетах. Генерал Фогл удовлетворил все требования французов[141].

Заручившись поддержкой немцев, «французское правительство очень настоятельно требовало оказать военное содействие Сирии путем воздушных атак на Хайфу и бомбардировок многочисленных британских кораблей, плавающих у сирийских берегов»[142]. И, наконец, французская сторона просила Германию оказать нажим на Турцию, чтобы Анкара разрешила перевозку военного снаряжения через турецкую территорию[143].

За удовлетворение французских требований выступил главнокомандующий Вермахта Кейтель. В своем письме Риббентропу 15 июня 1941 г. Кейтель отмечал, что военные уступки, т. е. помощь, предложенная Франции, с внутренней консолидацией французских колоний и с укреплением их способности защищать себя от внешних атак, соответствует военным интересам Германии. В этом отношении, подчеркивал Кейтель, как показывает пример Сирии, ситуация требует быстрого достижения соглашения[144].

В конце письма Кейтель выражал надежду, что Риббентроп проявит щедрость в вопросе предоставления политической и экономической помощи Франции в соответствии с военными потребностями Германии[145].

Правительство Виши не хотело говорить публично о помощи, полученной от Германии, опасаясь, что это еще больше дискредитирует его в глазах общественности самой Франции, арабских стран и всего мира.

Положение еще более осложнялось из-за позиции Турции. Дело в том, что у нее были определенные территориаль-

---

[140] Там же.

[141] Там же, стр. 1009.

[142] Там же, стр. 1009—1010.

[143] Там же, стр. 1010.

[144] The Chief of the High Command of the Wehrmacht to the Foreign Minister, 15. VI. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 1034.

[145] Там же.

ные притязания в отношении Сирии. Турецкое правительство в своих переговорах с Германией не раз поднимало вопрос о захвате северной Сирии. Оно с удвоенной энергией стало настаивать на своих «правах» в отношении области Халеба в период обострения англо-французских противоречий.

Немецкий посол в Анкаре фон Папен 3 июня 1941 г. сообщил Риббентропу о своей беседе с министром иностранных дел Турции Сараджоглу. Последний выдвинул вопрос Сирии. По мнению фон Папена, Турция боялась английской атаки на Сирию, которая, по мнению Сараджоглу, «поставит Турцию перед необходимостью занять Багдадскую железную дорогу и территорию вокруг Халеба для стратегической обороны своих позиций»[146].

Сараджоглу более откровенно и настойчиво говорит о необходимости оккупации не только Халебского вилайета, но и всей Сирии в начале июля 1941 г.

В это время в Анкаре с визитом находился государственный секретарь вишистского правительства барон Жак Бенуа-Мешин. Целью его визита были переговоры с турецким правительством о транспортировке через турецкую территорию французских войск и вооружения в Сирию и ускорении отправки газолина. Жак Бенуа-Мешин действовал в тесном контакте с фон Папеном. По сообщению последнего, турецкое правительство приняло барона весьма холодно[147]. В эти же дни министр иностранных дел Турции Сараджоглу снова обсуждал с фон Папеном вопрос удовлетворения турецких территориальных требований.

Сараджоглу выражает сомнение, что французы смогут удержать свои позиции в Сирии и поэтому, возможно, они согласятся доверить Турции заботу о Сирии[148]. «В таком случае,—продолжает он,—Турция могла бы немедленно подготовиться к оккупации Сирии, предоставить французской армии почетный уход и после завершения войны вернуть Франции Сирию, за исключением северной части»[149]. Все предельно ясно. С одной стороны, удивляет невероятный аппетит турецких захватчиков, которые никак не могли примириться

---

[146] The Ambassador in Turkey to the Foreign Ministry, 3. VI. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XII, p. 953.

[147] The Ambassador in Turkey to the Foreign Ministry, Political Report. Subject: Conversation with the Secretary Baron Benois-Mechin, 4. VII. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XIII, p. 82.

[148] Там же.

[149] Там же.

с потерей своих арабских владений после первой мировой войны, а с другой,—хитрость турецких правящих кругов, замаскировавшихся под заботливых «друзей» Франции. Французское правительство, которое еще в 1939 г. уступило Турции часть сирийской территории—Александрийский санджак, прекрасно понимало, что если турецкий солдат войдет в Сирию, то он уже добровольно оттуда не выйдет.

Поэтому, когда фон Папен передал барону Жаку Бенуа-Мешину турецкую «просьбу», то последний отклонил его, считая турецкие требования неприемлемыми[150]. С ним был полностью согласен немецкий посол фон Папен, который заметил, что Сирия под опекунством Турции менее приемлема для Германии, чем Сирия в английских руках[151].

Однако Турция продолжает настаивать на оккупации Сирии. 9 июля 1941 г. фон Папен сообщил Риббентропу, что Сараджоглу вновь встретился с ним и опять просил немецкого согласия на оккупацию северной Сирии вплоть до линии нефтепровода Абу Кемаль—Триполи[152]. Фон Папен ждал от Риббентропа дальнейших инструкций по этому вопросу.

Спустя три дня, 12 июля 1941 г., Риббентроп послал телеграмму фон Папену, где отмечалось: «Невозможно для нас занять благоприятную позицию в отношении турецких требований об оккупации северной Сирии»[153]. Риббентроп мотивировал отказ Германии тем, что Франция все время была лояльной в отношении Германии, и если Германия сейчас защитит Турцию, то это будет нелояльным актом в отношении Франции[154].

Отказ Германии, конечно, объяснялся иными причинами. Фашистская Германия никогда не руководствовалась высокими моральными принципами. Частичная или полная оккупация Сирии Турцией не отвечала интересам Германии.

Германия не поддержала турецкие притязания в отношении Сирии, и турецкому правительству не удалось осуществить свои захватнические замыслы. Но главными «виновниками» были войска «Свободной Франции» и Великобритании, которые, сломив сопротивление войск вишистской Франции,

---

[150] Там же.

[151] Там же, стр. 83.

[152] The Ambassador in Turkey to the Foreign Ministry, 9. VII. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XIII, p. 106.

[153] The Foreign Minister to the Embassy in Turkey, 12. VII. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XIII, p. 123.

[154] Там же.

оккупировали Сирию и Ливан и установили свой контроль над странами Леванта. Турецкие требования в отношении Багдадской железной дороги и Халебского вилайета лишились всякой реальной почвы и потеряли перспективу.

Война шла в тяжелых и невыгодных для вишистских войск условиях. Они не получали в достаточном количестве пополнения и подкрепления. Немцы, в лице главы немецкой миссии Рахна, делали все, чтобы разжечь конфликт между вишистской Францией и Великобританией, заставив генерала Денца как можно дольше оказывать сопротивление войскам Великобритании и генерала де Голля. И не случайно, в первый же день войны генерал Денц бросил в лицо Рахну следующую фразу: «Ближний Восток сейчас уже в пламени, и это вы бросили его в огонь»[155]. Но тут же он успокаивает главу немецкой миссии, заявляя: «Вы знаете, что я буду бороться до последнего человека»[156]. Конечно, Денц продолжал оказывать сопротивление деголлевцам и англичанам. Но, как свидетельствуют факты, иногда его охватывали сомнения в целесообразности борьбы. Однажды в минуту отчаяния Денц, обращаясь к тому же Рахну, воскликнул: «Скажите, пожалуйста, для чего, в конце концов, мы боремся здесь»[157].

В конце июня и начале июля всем, в том числе и руководителям Виши и французскому верховному комиссару в Сирии и Ливане, стала ясна бессмысленность сопротивления войскам «Свободной Франции» и Великобритании. Вишисты проиграли военную кампанию в Сирии и Ливане.

Через посредничество США, в частности через американского генерального консула в Бейруте Ингерта, Великобритания и Франция прощупывали почву для заключения перемирия. В ответ на предложение Ингерта прекратить огонь, а это предложение было сделано по просьбе Англии, французское министерство иностранных дел 30 июня 1941 г. передало через посла США во Франции Леги, что французское правительство расположено уполномочить генерала Денца установить контакты с английским генералом Вильсоном для выяснения условий прекращения огня.

---

[155] Memorandum by Minister Rahn. Report on the German Mission in Syria from May 9 to July 11, 1941—DGFP,; 1918—1945, Series D, vol. XIII, p. 254.

[156] Там же.

[157] Там же, стр. 255.

Однако непременным условием прекращения военных действий французское правительство считало признание британским правительством всех прав и прерогатив, которые мандат предоставлял Франции по всей территории Сирии и Ливана[158].

Правительство Виши поставило в известность руководителей Германии о предложении Англии прекратить военные действия в Сирии и Ливане. «Французское правительство,— отмечал директор политического департамента МИД Германии Воерманн,—секретно запрашивало нас о нашей точке зрения»[159].

Правительство Германии ответило, что оно не убеждено в искренности английских намерений и, таким образом, предостерегало Францию от заключения соглашения с Англией. Но, отмечает Воерманн, «если французы сами считают невозможным продолжать дальнейшее сопротивление, то мы, естественно, оставляем за ними право окончательно решить, как им быть»[160].

Германия, конечно, была за продолжение военных действий в Сирии и Ливане, однако окончательное решение этого вопроса оставила за Францией. Дальнейшее ведение войны означало оказание военной помощи Франции и переброску сюда значительных сил, на что Германия, конечно, не могла пойти. Вспомним, что сообщение Воерманна датировано 12 июля 1941 г., т. е. временем, когда Германия уже напала на Советский Союз и все основные силы бросила на советско-германский фронт. У нее теперь была совершенно иная стратегическая задача—разгромить Советский Союз и в дальнейшем через ее южные границы выйти к Арабскому Востоку.

Вот почему немцы, с одной стороны, предупреждали французов не верить в искренность намерений англичан и не заключать с ними соглашения, а с другой—окончательное решение вопроса оставляли за французами.

Франция уже не могла продолжать военные действия. Еще 21 июня союзные войска, т. е. войска Англии и «Свободной Франции», вступили в Дамаск. Несколько дней спустя

---

[158] The Ambassador in France (Leahy) to the Secretary of State, 30, VI. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 755.

[159] The Director of the Political Department to the Embassy in Italy and to the Embassy in Paris, 12. VII. 1941—DGFP, 1918—1945, Series D, vol. XIII, p. 128.

[160] Там же.

пали. Пальмира, Дейр эз-Зор и Тель-Кочек. 13 июля фактически завершилась оккупация Сирии и Ливана[167].

14 июля 1941 г. было заключено соглашение о прекращении военных действий, которое подписали от имени Англии и «Свободной Франции» генерал Вильсон, а от имени вишистской Франции—заместитель командующего французскими войсками в Леванте генерал де Вердилак. Соглашение предусматривало прекращение военных действий и оккупацию Сирии и Ливана Англией и «Свободной Францией»[168].

Некоторая часть вишистской армии перешла на сторону союзников, а подавляющая часть осталась верна правительству Виши и вместе с генералом Денцем покинула Сирию.

Все сирийские и ливанские порты, железные дороги, шоссе и арсеналы перешли под контроль Англии и «Свободной Франции». Значительная часть местной молодежи вступила в армию союзников[169].

Так завершилась борьба за Сирию и Ливан, развернувшаяся между Великобританией и «Свободной Францией», с одной стороны, и вишистской Францией—с другой.

* * *

Великобритания и «Свободная Франция», прежде чем начать военные действия, должны были определить свое отношение к будущему статусу Сирии и Ливана и разработать основные принципы их будущего сотрудничества.

8 июня 1941 г., в день начала военных действий, генерал Катру выступил от имени руководителя «Свободной Франции» генерала де Голля со специальной декларацией, направленной к населению Сирии и Ливана. В ней говорилось: «Народ Сирии и Ливана!... Я иду положить конец режиму мандата и провозгласить вас свободными и независимыми. Вы, следовательно, с этого момента являетесь суверенными и независимыми народами»[170]. Далее Катру заявил, что независимо от того, какое сирийцы и ливанцы создадут государство — единое или два отдельных государства, их суверенный

---

[167] *Н. Оганесян,* Образование независимой Сирийской Республики (1939—1946 гг.), стр. 40.

[168] DAFR, vol. IV, July 1941—June 1942, p. 667--668.

[169] اديب فرحات لبنان و سوريا بيروت ص ٣٣٦

[170] „Documents on International Affairs. 1939—1946", vol. 2, London, p. 172.

статус будет гарантирован договором, в котором будут определены их взаимные отношения[171].

В тот же день с соответствующей декларацией выступила Англия. Надо отметить, что когда готовилась декларация Катру, английский посол в Египте Майлз Лемпсон настаивал, чтобы она была опубликована от имени Англии и «Свободной Франции»[172]. Де Голль не принял предложение английской стороны. Тогда Лемпсон потребовал, чтобы в тексте декларации Катру было отмечено, что французские обещания гарантируются английским правительством. Де Голль отверг и это предложение, как и аналогичные предложения главы военного кабинета Англии Уинстона Черчилля[173]. Однако англичане не растерялись. В день опубликования декларации Катру английское правительство выступило со своим заявлением, провозглашенным послом Англии в Каире Лемпсоном. В нем говорилось следующее: «От имени правительства Его величества Соединенного королевства я уполномочен заявить, что оно поддерживает и связывает себя заверениями относительно независимости Сирии и Ливана, сделанными от имени генерала де Голля генералом Катру»[174].

Таким образом, Англия в одностороннем порядке присвоила себе право гаранта независимости Ливана и Сирии и получила лазейку прямо вмешиваться в дела этих стран и в их отношения со «Свободной Францией».

Великобритания настаивала на предоставлении независимости Сирии и Ливану не потому, что она горела желанием видеть колониальные и зависимые страны свободными. У нее самой было много колоний в разных частях света и она не помышляла добровольно отказаться от них. Весь вопрос в том, что Англия, воспользовавшись ослаблением Франции, стремилась укрепить свои позиции в странах Леванта, следовательно, на всем Арабском Востоке. А это могло стать возможным, если бы удалось оторвать Сирию и Ливан от Франции.

Кроме того, выступая в роли защитницы независимости Сирии и Ливана, Англия надеялась, что это поднимет ее авторитет не только у народов упомянутых стран, но и всего Арабского Востока.

---

[171] Там же.

[172] *Шарль де Голль,* Военные мемуары, т. 1, М. 1957, стр. 211—212.

[173] Там же, стр. 212.

[174] „Statement of Policy by His Majesty's Government in the United Kingdom in Respect of Syria and Lebanon. 8 th June—9th September 1941", London, 1934, p. 2.

Де Голль и его окружение отлично понимали смысл политики, проводимой англичанами. Отсюда и напряженность в их взаимоотношениях, доходившая порою до открытых выпадов и взаимных обвинений.

Номинально контроль в Сирии и Ливане осуществляла «Свободная Франция». Она была ответственна за гражданскую администрацию, однако в этих странах были размещены войска девятой английской армии, и в их руках находилась высшая военная власть. Сирия и Ливан были включены в рамки контролируемых англичанами ближневосточных территорий и входили в стерлинговый блок. Фактически французы не могли осуществлять никаких мероприятий без согласия и одобрения английских военных властей.

Но Англия официально заявила, что она не преследует никаких корыстных целей в Леванте и не стремится вытеснить Францию из этого региона. Как уже отмечалось, 7 июня 1941 г. Уинстон Черчилль в секретном послании президенту Франклину Д. Рузвельту заверял его в том, что Англия не имеет никаких политических интересов в странах Леванта, кроме выиграша в войне[175]. Выступая в палате общин 10 июня 1941 г., он высказывает ту же мысль: «Позвольте мне повторить, что у нас нет никаких планов территориальных приобретений в Сирии или где-нибудь в другом месте французской территории. Мы не ищем никаких колоний или преимуществ для себя в этой войне... Наоборот, мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы восстановить свободу, независимость и права Франции»[176].

7 августа 1941 г. было заключено так называемое «Соглашение Литтлтона—де Голля». Оно по существу было обменом письмами между английским министром на Ближнем Востоке Оливером Литтлтоном и главой «Свободной Франции».

В письме к де Голлю Литтлтон от имени своего правительства заверяет его, что у Англии нет никаких интересов в Сирии и Ливане[177]. Касаясь прав Франции в Леванте, он пишет: «Мы открыто признаем, что Франция должна обладать в Сирии и Ливане по сравнению с какой-либо европей-

---

[175] FRUS DP, 1941, vol. III, p. 726.

[176] „Statement of Policy by H. M. G. in the United Kingdom in Respect of Syria and the Lebanon," p. 3.

[177] „Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914—1956", vol. 2, p. 232.

ской державой господствующими позициями»[178]. В своем ответном письме де Голль подчеркивает: «Для меня приятно отметить, что Великобритания не имеет в Сирии и Ливане никаких интересов и что Великобритания признает в будущем господствующее и привилегированное положение Франции в этих государствах»[179].

«Соглашение Литтлтона—де Голля» по своему духу противоречило заявлению Лемпсона о признании независимости Сирии и Ливана. Но Англия лишь внешне признала особые права и позиции Франции в этих странах. На самом деле, повторяем, английская политика была направлена на то, чтобы окончательно подорвать позиции Франции в этих странах, самой утвердиться здесь и объединить в той или иной форме все страны Арабского Востока под властью британского империализма. Сам Черчилль впоследствии отмечал, что Англия лишь формально признала преимущественные права Франции в Сирии и Ливане. 23 июля 1945 г. на седьмом заседании Потсдамской конференции, когда обсуждался вопрос Сирии и Ливана, президент США Гарри Трумэн заявил: «Мы считаем, что ни одному государству не должны быть предоставлены преимущества в этих странах. Эти районы должны быть одинаково доступны для всех государств. Мы считаем также, что Франция не должна иметь никаких специальных преимуществ перед другими государствами»[180]. В связи со столь категорической постановкой вопроса Черчилль вынужден был дать соответствующее разъяснение. «Наша позиция такова,—отмечал он,—что мы желали бы, чтобы Франция имела там преимущества, потому что мы обещали ей это, когда наше государство было слабо и мы должны были воевать там (т. е. в Ливане и Сирии.—*Н. О.*) с немцами. Но это касается только нас, и мы, конечно, не имеем возможности и права связывать других. Кроме того, *мы не обязались уж слишком стараться, чтобы Франция сохранила там свои привилегии* (подчеркнуто нами.—*Н. О.*)»[181]. Кажется, здесь сказано предельно ясно, что Англия, переживая в 1941 г. большие трудности, когда под вопросом ставилось само существование британской империи, вынуждена была признать права Франции в Леванте. Но в дальнейшем, когда эта опасность миновала, она никак не хотела признать

---

[178] Там же.

[179] Там же.

[180] «Тегеран. Ялта. Потсдам», изд. 2-е, дополненное, стр. 298.

[181] Там же, стр. 298—299.

особые права Франции. Внешняя политика Англии изобилует фактами такого характера. Нам остается добавить, что Англия не только не обязалась «слишком стараться» для Франции, но, наоборот, делала максимум возможного, чтобы вытеснить ее из этих стран.

* * *

Казалось, что после провозглашения генералом Катру декларации об отмене мандата и признании независимости Сирии и Ливана ничего не могло помешать претворению в жизнь ее основных положений.

Но, как вскоре выяснилось, «Свободная Франция» и не думала об отказе от мандата со всеми вытекающими отсюда последствиями. Де Голль и его сторонники были полны решимости сохранить статус-кво во взаимоотношениях Франции со странами Леванта.

Как отмечает де Голль в своих «Военных мемуарах», он, еще накануне вступления войск Англии и «Свободной Франции» в Сирию и Ливан, обсуждал с Катру принципиальные вопросы будущей политики Франции в этих странах. «Вместе с генералом Катру,—пишет де Голль,—я выяснил наши перспективы. Прежде всего нас интересовал ход событий в Сирии и Ливане. Рано или поздно нам придется отправиться туда. Если же мы там будем, Франция сможет внести важный вклад в общие усилия. Упустив эту возможность, Франция потеряет свои позиции. Если допустить, что победу одержат державы оси, то они и там установят свое господство. В противном случае наше место займут англичане. Поэтому было необходимо при первой же возможности распространить влияние «Свободной Франции» на Дамаск и Бейрут»[182]. Весьма красноречивое признание. Значит войска «Свободной Франции» отправились в Ливан и Сирию не для того, чтобы положить конец мандату, как заявлял Катру 8 июня 1941 г., а для того, чтобы сохранить позиции Франции в этих странах и не допустить, чтобы они попали под господство других империалистических держав, в частности Англии или Германии. Де Голль так был преисполнен идеей сохранения французского господства в странах Леванта, что в одном их своих инструкций отмечал, что «пока на Востоке будет продолжаться война, мы, естественно, сохраним в странах Леванта вер-

---

[182] *Ш. де Голль*, Военные мемуары, т. 1, стр. 200.

ховную власть и обязанности страны, имеющей мандат на эти территории»[183].

Об этом он более четко говорит в своем письме генералу Катру, который с 24 июня 1941 г. стал носить титул генерального и полномочного делегата в странах Леванта, сохраняя за собой пост главнокомандующего вооруженными силами «Свободной Франции» в Сирии и Ливане[184]. Письмо написано 24 июня 1941 г., т. е. спустя 16 дней после декларации 8 июня 1941 г. В этом письме де Голль определил рамки полномочий генерального делегата и задачи, которые он призван был осуществлять. «Вы,—писал де Голль,—будете осуществлять всю полноту власти, какой был облечен до настоящего времени Верховный комиссар Франции в Леванте, и выполнять его обязанности»[185]. Таким образом, ставя знак равенства между генеральным делегатом и верховным комиссаром, институт которого был органической частью мандатной системы, де Голль далее дает следующее, очень важное с точки зрения понимания политики «Свободной Франции», указание: «Мандат на Левант, доверенный Франции в 1923 г. Лигой Наций, должен осуществляться, как того требуют его условия, и миссия Франции должна продолжаться»[186].

Из вышеизложенного очевидно, что новые фундаментальные указания главы «Свободной Франции» по всем статьям противоречили декларации от 8 июня.

Генерал Катру стал проводить политику в строгом соответствии с вышеизложенными указаниями генерала де Голля.

Отказ руководителей «Свободной Франции» осуществлять принципы, провозглашенные 8 июня 1941 г. декларацией Катру, вызвал глубокое возмущение у общественности Сирии и Ливана. Боясь народных выступлений и стремясь предотвратить худшее, генерал Катру 27 сентября 1941 г. выступил с новой декларацией и «официально провозгласил» Сирию независимым государством. В обращении к сирийскому народу Катру, отмечая, что он выполняет обещания, данные в декларации 8 июня, заявил: «Таким образом, началась новая эпоха, когда независимая и суверенная Сирия сама будет вершить свою судьбу. С настоящего времени сирийское го-

---

[183] Там же, стр. 211.

[184] Де Голль хотел, чтобы его представитель носил титул Верховного комиссара, но Англия отговорила его от этого шага.

[185] *Де Голль,* Военные мемуары, т. 1, стр. 520.

[186] Там же, стр. 521.

сударство будет осуществлять свои права и полномочия как независимое и суверенное государство»[187].

26 ноября 1941 г. Катру выступил с аналогичной декларацией в отношении Ливана.

Однако и после деклараций от 27 сентября и 26 ноября «Свободная Франция» не предоставила свободу Сирии и Ливану, и их «независимость» по-прежнему была формальной. Вся власть продолжала оставаться в руках французских империалистов. Наджиб ал-Арманази подчеркивает, что эта «независимость была нереальной. Французы продолжали применять свои прежние методы»[188]. Сирия и Ливан во всех вопросах внешней и внутренней политики должны были строго следовать французской линии. Сирийцы и ливанцы не имели права контроля над армией и полицейскими силами, не могли вмешиваться в общественные и экономические дела. Все это входило в компетенцию французских властей. Решение французского генерального и полномочного делегата были окончательными. Ф. Хитти справедливо отмечает, что независимость, дарованная Сирии 27 сентября 1941 г., была номинальной и что «очень мало было изменений среди руководства и еще меньше в методах»[189].

Видный политический деятель Ливана Бишара ал-Хури «независимость» Ливана, провозглашенную 8 июня и 26 ноября 1941 г., называл ложной и требовал провести свободные парламентские выборы[190].

Требование свободных парламентских выборов стало главным требованием сирийских и ливанских антиимпериалистических сил. Они надеялись с помощью свободно выбранных национальных органов окончательно освободиться от французского мандата, завоевать политическую независимость и укрепить национальный суверенитет.

Их требования поддерживали Англия и США, видя в этом реальную возможность ослабить позиции французского империализма в странах Леванта. Это обостоятельство резко обострило отношения между «Свободной Францией» и Англией и США. Англия признала независимость Сирии и Ливана и назначила генерала Спирса полномочным министром Англии в Сирии и Ливане[191]. Правительство Великобритании

---

[187] „Documents on International Affairs. 1939—1946", vol. II, p. 181.

[188] *Наджиб ал-Арманази*, Мухадарат ан Сурийя, стр. 135.

[189] *Ph. Hitti*, Syria. A Short History, New York, 1959, p. 248.

[190] *N. Ziadeh*, Syria and Lebanon, p. 69.

[191] *Н. Оганесян*, Образование независимой Сирийской Республики (1939—1946), стр. 50.

оказывало сильный нажим на де Голля, требуя его согласия на парламентские выборы в Сирии и Ливане и признания их независимости. Это очень раздражало де Голля. Во время очередной встречи с генеральным консулом США в Бейруте Ингертом, в августе 1941 г., он откровенно сетовал на политику Англии: «Мои отношения с британцами достигли такой критической стадии, что я начинаю сомневаться, можно ли так дальше продолжать»[192]. Де Голль жалуется, что заверения, данные ему английским правительством и по соглашению с Литтлтоном, «нарочно игнорируются британскими военными»[193], что английские политические офицеры так разъезжают по Джебель Друзу, Хаурану и Джезире, «что у местного населения создается впечатление, будто британцы являются настоящими хозяевами страны»[194].

Де Голль зашел в своих суждениях так далеко, что, потеряв чувство реальности, приписывал англичанам требования сирийцев и ливанцев в 1941—1944 гг. об отмене мандата и предоставлении независимости. «Мы полагали, — пишет де Голль,—что правительства Дамаска и Бейрута могут подождать со своими претензиями до конца войны, а тогда будут уложены последние формальности, которые еще ограничивают суверенность этих государств. Несомненно, и Сирия и Ливан подождали бы, если бы Лондон не поощрял их требования и не предложил навязать их нам при поддержке английских войск»[195].

Англия, действительно, выступала в поддержку требований Сирии и Ливана о проведении парламентских выборов и отмене французского мандата. Но было бы грубой ошибкой на этом основании лишать национально-освободительное движение в Сирии и Ливане их объективных причин. Антиимпериалистическая борьба в Сирии и Ливане, направленная против французского господства, имела свои политические и социально-экономические основы и она развивалась независимо от поддержки Англии.

А политику Англии, как было отмечено, надо объяснять англо-французскими противоречиями. Великобритания стремилась вытеснить Францию из Арабского Востока и укрепить свои позиции в странах Леванта. По мнению анг-

---

[192] The Consul General at Beirut (Engert) to the Secretary of State, 5. VIII. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III, p. 781.

[193] Там же.

[194] Там же.

[195] *Ш. де Голль*, Военные мемуары, т. 2, стр. 231.

лийских империалистов, можно было достичь этой цели, если бы был отменен французский мандат и порвалась бы связь между Францией и Сирией и Ливаном. В такой ситуации, учитывая то обстоятельство, что в странах Леванта и на всем Арабском Востоке стояли крупные английские силы и что Сирия и Ливан находились в экономической зависимости от Англии, последняя надеялась укрепить свои позиции и сделать решающий шаг в объединении всех арабских стран под эгидой английского империализма.

Отношения были также довольно напряжены между правительством США и руководством «Свободной Франции». Они, в частности, обострились после заключения «Соглашения Литтлтон—де Голль», по которому Великобритания признала господствующее и привилегированное положение Франции в Сирии и Ливане.

Соединенные Штаты Америки не устраивали такие взаимоотношения между Францией и странами Леванта. И это обстоятельство предопределило позицию американского правительства в вопросе признания независимости Сирии и Ливана.

После деклараций Катру от 27 сентября и 26 ноября 1941 г. относительно независимости Сирии и Ливана руководство «Свободной Франции» обратилось к правительству США с предложением признать независимость обоих арабских государств. Правительство Великобритании со своей стороны рекомендовало США признать независимость Сирии и Ливана.

29 ноября 1941 г. было опубликовано заявление правительства США. В нем говорилось, что американцы всегда с большой симпатией относились к законным правам народов Сирии и Ливана. Поэтому они «приветствуют любой шаг в сторону осуществления этих устремлений, главным среди которых, конечно, является приобретение полной суверенной независимости»[195]. Но тут же правительство США добавляет, что между Францией и США в 1924 г. заключено соглашение, которое обеспечивает права США и его граждан в Сирии и Ливане и которое надо считать сохраняющим свою силу, пока не будет заключено новое обоюдоудовлетворяющее соглашение. Правительство США выражало «надежду, что, как только позволит международная ситуация, начнутся такие пере-

---

[195] Attitude of the United States. Department of State Release, November 29, 1941—DAFR, vol. IV, July 1941—June 1942, p. 673.

говоры, которые позволят официально признать Сирию и Ливан»[197].

Здесь пока трудно догадаться, почему США не признали сразу независимость Сирии и Ливана и что заставило их воздержаться от такого шага.

Изучение дипломатических материалов США, в частности переписки между государственным секретарем и послом США в Англии, генеральным консулом США в Бейруте, записи совещаний на разных уровнях, проведенных в государственном департаменте с представителями Великобритании и т. д. позволяет раскрыть суть политики США.

6 октября 1941 г. государственный секретарь США Хэлл сообщил Ингерту, что его правительство считает необходимым напомнить тем, кто дает независимость Сирии и Ливану, а также местным властям этих стран, что США имеют в Сирии и Ливане определенные права, которые не могут быть отменены или изменены без согласия американского правительства[198]. Эти права зафиксированы в американо-французском соглашении 4 апреля 1924 г.

8 октября Ингерт встречается с генералом Катру и передает ему сообщение Хэлла. Французский генеральный делегат заверяет Ингерта, что он сделает все возможное для защиты договорных прав США и других государств[199].

Правительство США обсуждало этот вопрос и с представителями Англии. 30 октября 1941 г. в государственном департаменте состоялась беседа между начальником ближневосточного отдела госдепартамента США Мэрреем и вторым секретарем посольства Великобритании в Вашингтоне Барклеем. Последний от имени своего правительства предложил США признать независимость Сирии. Мэррей ответил, что американо-французское соглашение дало американцам права, от которых по конституционной практике, существующей в США, нельзя отказаться только административным актом, и «признание независимости Сирии, без заключения нового договора относительно этих прав, подвергнет их (т. е. эти права) опасности»[200].

Мэррей отмечает также, что позиция США отличается от

---

[197] Там же.

[198] The Secretary of State to the Consul General at Beirut (Engert) 6. X. 1941—FRUS DP, 1941, vol. III. p. 788—789.

[199] Там же, стр. 792.

[200] Там же, стр. 795.

позиции Великобритании, так как США все еще поддерживают дипломатические отношения с правительством Виши.

Далее Мэррей затрагивает вопрос, который, на наш взгляд, является очень важным в понимании политики США. Он спрашивает Барклея, как надо понимать пункт из «Соглашения Литтлтон—де Голля», по которому Англия признает преимущественные и привилегированные права Франции в Сирии и Ливане[201]. Барклей отвечает, что правительство Великобритании имело в виду только военные вопросы[202].

Мэррей выражает опасения, что Франция может очень широко истолковать это, включая не только военные, но и торговые, культурные и политические привилегии[203].

Эти два вопроса, выдвинутые Мэреем от имени американского правительства, дают ключ к пониманию политики США в отношении признания, точнее, воздержания от признания независимости Сирии и Ливана.

Предоставление независимости Сирии и Ливану, по мнению американского правительства, означало отказ от мандата. Отмена мандата автоматически могла привести к отмене всяких договоров и соглашений о правах любого государства, в том числе и США. Как мы неоднократно отмечали, США имели определенные права в Сирии и Ливане, зафиксированные в американо-французском соглашении 1924 г., которое рассматривалось как составная часть мандатной системы. В случае признания независимости Сирии и Ливана и отмены французского мандата американо-французское соглашение 1924 г. теряло свою силу и США и его граждане лишались юридической основы в вопросах каких-либо прав в Сирии и Ливане.

Резкое возражение вызвало в США признание «преимущественных и привилегированных» прав Франции в Сирии и Ливане. И хотя английское правительство в своих разъяснениях отмечало, что имелись в виду военные вопросы и оно согласилось на «привилегии» Франции по сравнению с европейскими государствами, тем не менее, правительство США не могло принять такую формулировку. Тот же Мэррей во время встречи с английским государственным министром по делам Ближнего Востока Кейзи 8 января 1943 г. заявил, что это нарушение принципа равноправия. «Политика этого (американского.—*Н. О.*) правительства имеет в виду равные

---

[201] Там же, стр. 796.

[202] Там же.

[203] Там же.

возможности для всех, а не признание особой привилегированной позиции какого-либо государства, включая и мандатария, в любой подмандатной территории»[204].

В заключение Мэррей добавляет, что американское правительство будет настаивать на равных правах с Францией и другими государствами, включая Великобританию[205].

Таким образом, правительство США отказалось признать независимость Сирии и Ливана не потому, что она была формальной и по сути ничего не изменила в статусе двух вышеуказанных арабских государств. Провозглашение независимости Сирии и Ливана могло привести к аннулированию американо-французского соглашения. Соединенные Штаты не могли допустить также, чтобы Франция приобрела преимущественные права в этих странах, которые предоставляло ей «Соглашение Литтлтон—де Голль». Правительство США при решении вопроса признания независимости стран Леванта исходило исключительно из собственных империалистических позиций.

Американские правящие круги считали, что вопрос независимости Сирии и Ливана, так, как он ставился в тот период, служил интересам Франции и частично Англии и не отвечал интересам американского империализма.

Поэтому они временно воздержались от признания независимости Сирии и Ливана, продолжая, однако, оказывать нажим на Францию и Англию и настаивая на равных правах для всех государств.

Вместе с тем правительство США в июне 1942 г. приняло решение вместо генерального консула иметь нового дипломатического представителя с новым статусом. Оно назначило дипломатического агента и генерального консула при правительстве Сирии и Ливана. В разъяснениях Кордела Хэлла отмечалось, что «обычно дипломатический агент назначается в государства с ограниченным суверенитетом»[206].

2 октября 1942 г. президент США Франклин Рузвельт назначил Джорджа Уэдсворта первым дипломатическим агентом и генеральным консулом США при правительствах Сирии и Ливана[207]. 8 октября 1942 г. сенат США утвердил его кандидатуру[208].

[204] Memorandum of Conversation, 8. I. 1943—FRUS DP, 1943, vol. IV, Washington, 1964, p. 955.

[205] Там же.

[206] FRUS DP, 1942, vol. IV, Washington, 1963, p. 652.

[207] DAFR, vol. V, July 1942—June 1943, p. 607.

[208] Там же.

Еще до назначения дипломатического агента в Бейруте и Дамаске правительства Сирии и Ливана по настоянию США приняли решение об освобождении всех американских институтов—школ, миссии, больниц и т. д. от уплаты налогов[209]. Только после этого Соединенные Штаты сделали первый шаг к признанию независимости этих стран.

16 ноября 1942 г. Дж. Уэдсворт прибыл в Бейрут[210].

* * *

Обстановка в Леванте оставалась напряженной из-за противоречий между Англией и «Свободной Францией». Их отношения в 1942 г. настолько обострились, что не исключалось военное столкновение. Англия по-прежнему укрепляла свои позиции в Сирии и Ливане, с чем не хотела примириться «Свободная Франция». Последняя из всех сил боролась за сохранение своих прав.

Британский полномочный министр в Сирии и Ливане Спирс, по утверждению американского консула в Бейруте, агитировал сирийских и ливанских политических деятелей настаивать на предоставлении независимости и игнорировать «Свободную Францию»[211]. Спирс проводил двурушническую политику. В своих публичных заявлениях он серьезно говорил о независимости Сирии и Ливана, но «в частных беседах смеялся над этой идеей»[212]. Американский консул отмечал в своем донесении Корделу Хэллу, что Спирс стремится, воспользовавшись нынешним тяжелым положением французов, «вытеснить их из этих территорий, чтобы англичане заняли их место»[213].

Он создал «миссию Спирса», которая установила контроль над деятельностью французов. Кроме того, Спирс посылал «политических офицеров» во все важнейшие пункты Сирии и Ливана. Он сам присвоил себе равные с Катру права и угрожал французам, что прекратит предоставление кредитов «Свободной Франции»[214].

Соединенные Штаты с усиленным вниманием следили за развитием событий в Сирии и Ливане и за обострением отношений между Англией и «Свободной Францией».

В период противоборства каждая сторона—Англия и

---

[209] FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 662.

[210] Там же, стр. 666.

[211] FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 598.

[212] Там же.

[213] Там же.

[214] Там же, стр. 598—599.

«Свободная Франция»—аппелировала к США, стремясь заручиться их поддержкой и с американской помощью достичь своей цели.

США охотно взяли на себя роль посредника и активно вмешивались в англо-французский конфликт, стараясь разрешить его в выгодном им варианте.

Ингерт, сообщая Хэллу, что Спирс и Катру абсолютно не доверяют друг другу, представил свой план урегулирования англо-французских разногласий. План Ингерта предусматривал следующие 4 пункта:

1. В военных вопросах «единственным судьей должны быть британцы»[215], так как Великобритания несет ответственность за оборону стран Леванта.

2. Англия должна прямо заявить, что не имеет намерения воспользоваться нынешним положением и установить британскую власть и влияние в Сирии и Ливане[216].

3. «Свободная Франция» обязана принять необходимые меры, чтобы сделать независимость стран Леванта более реальной[217].

4. Необходимо укрепить правительство Альфреда Наккаша в Ливане и добиваться сотрудничества между маронитским патриархом и Наккашом, включив одного маронита в состав ливанского правительства.

Провести выборы, как только это позволит военная ситуация[218].

Таков план Ингерта, который государственный секретарь США Кордел Хэлл передал английскому послу в Вашингтоне лорду Галифаксу.

В государственном департаменте США тщательно изучили этот план и в целом одобрили его.

24 апреля 1942 г. Хэлл телеграфировал Ингерту: «Четыре предложения, сделанные в вашей телеграмме, являются конструктивными и вы можете настаивать от имени американского правительства, чтобы они были приняты»[219].

Ингерт ознакомил со своими предложениями британского полномочного министра в Сирии и Ливане Спирса. 28 апреля 1942 г. Спирс сообщил Ингерту, что согласен с его предложениями.

Но Англия также выдвинула свои предложения, которые

---

[215] FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 590.

[216] Там же.

[217] Там же.

[218] Там же.

[219] Там же, стр. 591.

были представлены на рассмотрение американского правительства.

27 апреля 1942 г. британское посольство в Вашингтоне направило меморандум английского правительства государственному департаменту США. Правительство Великобритании обвиняло в создавшейся напряженной ситуации «Свободную Францию», которая, по мнению англичан, потерпела провал в осуществлении своих обещаний о предоставлении независимости Сирии и Ливану. Английское правительство считало это главной причиной напряжения в Сирии и Ливане[220].

В меморандуме сообщалось, что Военный совет по Ближнему Востоку 20 апреля 1942 г. принял следующие решения:

а. Президенты Сирии и Ливана должны немедленно объявить, что выборы в обоих государствах состоятся до конца 1942 г.[221].

б. Администрация «Свободной Франции» должна выполнять совещательную роль[222].

Для осуществления последнего пункта Военный совет предлагал:

1. Передать правительствам Сирии и Ливана законодательную и административную власть. Лишить Катру прав издавать административные декреты.

2. Сократить количество французских чиновников в государственных учреждениях Сирии и Ливана и ограничить их функции.

3. Ликвидировать титул «делегата». Ограничить его функции, предоставив ему только совещательные права. На должности делегата предпочтительно назначать гражданских лиц[223].

Английские предложения, если бы они были приняты и осуществлены, положили бы конец французскому влиянию в Сирии и Ливане. Французы лишились бы всякой реальной власти, удовлетворяясь ролью советников с ограниченными функциями.

Конечно, это служило бы интересам укрепления независимости Сирии и Ливана. Но англичане сосредоточили в своих руках всю военную власть, имели сильные экономические позиции и, следовательно, обладали мощными рычагами для

---

[220] The British Embassy to the Department of State. Memorandum- FRUS DP, 1942, vol. IV. p. 592.

[221] Там же.

[222] Там же.

[223] Там же.

оказания давления на правительства Сирии и Ливана и для определения их политики. Следовательно, английские предложения преследовали одну цель: изгнать французов из Сирии и Ливана и еще более расширить свое влияние в этих странах.

Кордел Хэлл 28 апреля 1942 г., т. е. на следующий день после получения английского меморандума, в срочном порядке запросил Ингерта, чтобы узнать его мнение по поводу английских предложений.

Мнение Ингерта, американского генерального консула в Бейруте, который лучше, чем кто-либо другой разбирался в ситуации, создавшейся в Сирии и Ливане, и в англо-французских противоречиях, имело большое значение для государственного департамента и для его шефа Кордела Хэлла.

Ингерт в своем ответе не рекомендует Хэллу одобрять английские предложения. «Я не считаю желательным, чтобы мы связывали себя с поддержкой специфической программы, как уже представленной, так и другой, которая может быть представлена одной из заинтересованных сторон»[224]. Ингерт отмечает, что если США примут какую-либо программу, предложенную одной из заинтересованных стран, то впоследствии они будут нести всю ответственность за неудовлетворительное ее выполнение. 5 мая 1942 г. Хэлл сообщает Ингерту, что он согласен с его соображениями[225].

Правительство США не хотело связывать себя никакими конкретными обязательствами, желая сохранить свободу действий и решать вопрос в таком варианте, который больше всего отвечал бы их собственным интересам.

В данный период США решили оказать давление на правительство Англии, находя, что действия Спирса выходят за рамки допустимого.

15 июля 1942 г. исполняющий обязанности государственного секретаря США Уэллес дал указание американскому послу в Лондоне Вайнанту довести до сведения английского правительства, что государственный департамент в течение нескольких месяцев получает донесения о серьезных разногласиях между Спирсом и Катру, между Спирсом и местными властями, а также между Спирсом и «нашими» людьми[226].

Уэллес отмечал, что эта трехсторонняя борьба создает невыносимую ситуацию, особенно сейчас, когда в Сирии и Ли-

---

[224] Там же, стр. 595.

[225] Там же, стр. 596.

[226] The Acting Secretary of State to the Ambassador in the United Kingdom (Winant), 15. VII. 1942, FRUS DP, 1942, vol. IV. p. 600.

ване главными силами стали бригады «Свободной Франции». Невозможно представить, как можно разрядить обстановку без того, чтобы «заменить Спирса другим человеком, способным сотрудничать либо с арабами, либо с французами, если не с обоими, не говоря уже о нас»[227].

Как видим, правительство США поставило вопрос ребром. Оно зашло так далеко, что предлагало отозвать Спирса из Сирии и Ливана. Тем самым правительство США главным виновником в создавшейся ситуации считало английскую сторону, действия английских представителей в Леванте.

Однако отсюда не надо делать поспешных выводов, что англо-американские противоречия по вопросу Сирии и Ливана были очень глубоки и что США с симпатией относились к французам. Общеизвестна личная антипатия президента США Франклина Рузвельта к Шарлю де Голлю. Обычно сдержанный в своих высказываниях и оценках, Ф. Рузвельт не скрывал свое отношение к де Голлю как к человеку и государственному деятелю. 28 ноября 1943 г. во время первого заседания Тегеранской конференции, когда участники конференции затронули вопрос Ливана и действий французских властей в ноябре 1943 г. в Ливане, Ф. Рузвельт заметил: «Если бы маршал Сталин встретился с де Голлем, то де Голль ему бы не понравился»[228].

Повторяем, Соединенные Штаты, видя, что Англия делает все, чтобы полностью прибрать к рукам Сирию и Ливан, откровенно выразили свое несогласие с ее политикой и потребовали, чтобы она несколько умерила свой аппетит.

Вайнант обсуждал этот вопрос с министром иностранных дел Иденом. Антони Иден заверил американского посла, что Англия не преследует в Сирии и Ливане никаких особых целей и проводит политику, публично декларированную в многочисленных заявлениях и официальных документах[229].

Иден сообщил Вайнанту, что он рассмотрел с премьер-министром Черчиллем вопрос о деятельности Спирса в Сирии и Ливане, «но не смог убедить премьер-министра в том, что генерал Спирс делает нехорошую работу»[230]. Вайнант добавляет, что большая личная дружба между Черчиллем и гене-

---

[227] Там же.

[228] «Тегеран. Ялта. Потсдам», изд. 2-е, стр. 34.

[229] The Ambassador in the United Kingdom (Vinant) to the Secretary of State, 30. VII. 1942—FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 606.

[230] Там же.

ралом Спирсом мешает изменить что-либо в этой области, т. е. отозвать его и заменить кем-то другим[231].

На замене Спирса настаивал и генерал де Голль, чем вызвал сильное недовольство самого Черчилля и государственного министра Англии на Ближнем Востоке Кейзи во время их встречи в августе 1942 г. в Каире. Черчилль сказал де Голлю: «Знаю, Спирс имеет много врагов, но у него есть один друг—это я»[232]. Де Голль ответил: «То, что он ваш друг, это ваше дело, но вы не имеете никакого основания навязывать его мне»[233].

Де Голль заявил, что если Англия не отзовет Спирса, то это будет означать конец сотрудничеству.

Черчилль и Кейзи настаивали, чтобы в Сирии и Ливане были проведены парламентские выборы. Де Голль дал им отпор, заметив, что они заботятся о таких вещах, которые не имеют никакого отношения к ним. Во всяком случае, заявил де Голль, в 1942 г. выборы не состоятся[234].

Правительство США не одобрило столь активное вмешательство У. Черчилля, о чем заместитель государственного секретаря Уэллес заявил английскому послу Кемпбеллу во время беседы 18 августа 1942 г. «Ситуация такова,—отмечает он,—что прямо задеты интересы США, и я уверен, что надо немедленно предпринять ряд радикальных оздоровительных мер»[235].

Правительство США выразило недовольство по поводу того, что Спирс присвоил себе в Сирии и Ливане права, которые обычно выходят за рамки функции дипломатического представителя иностранного государства. Кордел Хэлл дал указание послу США в Лондоне Вайнанту встретиться с Иденом и обратить его внимание на это обстоятельство. Хэлл одновременно указал, что американское «правительство не считает возможным полностью поддерживать ни позицию Великобритании, ни позицию «Свободной Франции»[236].

Обстановка не разрядилась и после обмена письмами

---

[231] Там же.

[232] Там же, стр. 611.

[233] Там же.

[234] Там же, стр. 612.

[235] Memorandum of Conversation by the Under Secretary of State (Welles), 18. VIII. 1942—FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 611.

[236] The State Secretary to the Ambassador in the United Kingdom (Vinant)—FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 620.

между де Голлем и У. Черчиллем. В своем письме от 14 августа 1942 г. Шарль де Голль обвинял Англию во вмешательстве в политику Франции в Леванте. Де Голль отмечал, что сотрудничество с Великобританией станет возможным, если она признает позицию Франции и ее привилегии в этих странах[237].

Премьер-министр Англии в своем ответном письме от 22 августа 1942 г. полностью отрицал факт вмешательства Англии в дела Сирии и Ливана и в их взаимоотношения со «Свободной Францией». «Мы,—писал Черчилль,—не намерены подрывать французскую позицию там (в Леванте.—*Н. О.*). Мы полностью признаем, что в политических вопросах инициатива должна исходить от французских властей. Наше принципиальное отношение в политической сфере заключается в том, чтобы быть уверенным, что вы не будете проводить политику, которая может подвергнуть опасности нашу оборону и не будете вмешиваться в ведение войны»[238].

24 августа 1942 г. де Голль в ответном письме еще раз подчеркивал, что он не согласен с Черчиллем и его политикой прямого вмешательства в дела «Свободной Франции»[239].

Таким образом, переписка между руководителями Англии и «Свободной Франции» не внесла ясности в их взаимоотношения. Напряженность между ними нарастала. Де Голль открыто говорил 23 августа 1942 г. в беседе с новым американским генеральным консулом Гвином, заменившим на этом посту Ингерта, что не исключена возможность военного столкновения. Если Черчилль не уступит в вопросе Спирса, то «он (де Голль.—*Н. О.*) потребует, чтобы британцы покинули эти территории. Если же они откажутся, то он примет меры, которые заставят их уйти»[240].

Следующим шагом де Голля было требование о передаче военного руководства союзными силами в Сирии и Ливане французскому командованию, так как численность французских вооруженных сил в Леванте превосходила английские[241].

Вскоре французское военное командование стало предпринимать самостоятельные действия, игнорируя англичан. Командующий девятой английской армией генерал Хольмс, заменивший генерала Вильсона, передавал американскому

---

[237] Там же, стр. 621.

[238] Там же, стр. 625.

[239] Там же, стр. 625—626.

[240] The Consul General at Beirut (Gwynn) to the Secretary of State, 23. VIII. 1942—FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 620.

[241] FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 631.

генеральному консулу Гвину, что французские войска прибегают к военным операциям, не совещаясь с генеральным штабом девятой армии и не получая заранее одобрения английского военного командования. Хольмс, в частности, указал на передвижение французского батальона из Бейрута в Триполи 30 сентября 1942 г.[242].

В некоторых районах Сирии—в Халебе, Дейр аз-Зоре,—где стояли английские и французские войска, создались весьма напряженные отношения между английскими и французскими офицерами.

В возникшей ситуации для дальнейшего обсуждения всех вопросов де Голль вынужден был покинуть страны Леванта и в конце сентября по требованию английского правительства вернуться в Лондон. Правительство Великобритании твердо заявило, что «если он будет и впредь придерживаться той позиции, которой придерживался в Сирии, то он только нанесет ущерб делу «Свободной Франции»[243].

Де Голль вынужден был уступить. Он отправил комиссара по иностранным делам французского национального комитета Мориса Дежана в министерство иностранных дел Англии с предложением рассмотреть спорные вопросы, связанные со странами Леванта.

Он дал согласие провести парламентские выборы в апреле 1943 г. и не настаивал на передаче общего командования союзными войсками в странах Леванта французам[244].

Капитуляция де Голля объясняется главным образом тем, что «Свободная Франция», или как она с 1942 г. стала называться «Сражающаяся Франция», была слаба и во всем зависела от Великобритании. Перед «Сражающейся Францией» стояли серьезные проблемы не только в Леванте, но и в Северной Африке и в других частях мира, стояла трудная проблема освобождения континентальной Франции, которую де Голль не мог решить самостоятельно.

* * *

Но до того как были проведены парламентские выборы, на арене появились планы «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца», являющиеся попыткой объединить некоторые страны Арабского Востока под эгидой зависящих от британ-

---

[242] The Consul General at Beirut (Gwynn) to the Secretary of State—FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 635.

[243] The Ambassador in the United Kingdom (Vinant) to the Secretary of State, 8. X. 1942—FRUS DP, 1942, vol. IV, p. 636.

[244] Там же.

ского империализма Хашимитов. Хашимиты, как известно, были правящей династией в Ираке и Трансиордании.

Появление вышеуказанных планов формально связано с заявлением министра иностранных дел Англии Антони Идена в парламенте 29 мая 1941 г. Иден говорил, что ему представляется естественным и правильным укрепление культурных, экономических и политических связей между арабскими странами, и если они придут к соглашению для достижения этой цели, то «английское правительство поддержит любой план»[245].

Тогда, в 1941 г., арабские государства не откликнулись на это выступление. Ситуация на Арабском Востоке была сложной, над арабскими странами висела опасность фашистского завоевания.

Но о заявлении Идена «вспомнили» в Ираке и Трансиордании в конце 1942—начале 1943 гг. В этот период уже стало очевидным, что фашистский блок потерпит крах. Фашистская опасность для арабских стран фактически была ликвидирована. И Англия стала подумывать о дальнейшем распространении своего влияния на Арабском Востоке, подыскивая новые формы объединения арабских стран под своей эгидой. Этой политике должны были служить план «Великой Сирии», выдвинутый Трансиорданией, и план «Благодатного полумесяца», предложенный Ираком.

По замыслу эмира Трансиордании Абдаллаха, «Великая Сирия» создавалась на базе объединения Сирии, Ливана, Трансиордании и Палестины[246]. На пост главы государства «Великой Сирии» претендовал сам эмир Абдаллах[247]. По некоторым источникам, он хотел стать императором объединенной Сирии[248].

Параллельно с планом «Великой Сирии» премьер-министром Ирака Нури Саидом был выдвинут план «Благодатного полумесяца». План Нури Саида состоял из восьми пунктов.

1. Сирия, Ливан, Палестина и Трансиордания должны быть объединены в одно государство, которое будет называться—Сирия.

2. После проведения плебисцита решится вопрос: будет

---

[245] „Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914—1956" by T. C. Hurewitz, vol. 2, p. 236.

[246] *Э. Тума,* Национально-освободительное движение и проблема арабского единства, пер. с арабск., М., 1977, стр. 265.

[247] «Арабские страны. История», М., 1963, стр. 129.

[248] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1374, л. 155.

это государство федеральной республикой или конституционной монархией.

3. Новое сирийское государство совместно с Ираком составит «Арабский союз»[249], и другим арабским государствам будут сделаны предложения о присоединении к этому союзу.

4. Государства, представленные в «Арабском союзе», изберут постоянный совет, во главе которого будут находиться руководители арабских государств, периодически сменяющие друг друга.

5. Этот постоянный совет должен будет обсуждать следующие вопросы: а) общую национальную оборону; б) общее представительство за границей; в) вопросы, касающиеся общей денежной системы и экономики; г) вопросы, касающиеся коммуникаций, таможен и прав меньшинств.

6. Евреи Палестины будут пользоваться полуавтономией под контролем Сирийского государства.

7. В Иерусалиме для приверженцев различных культов будет объявлена свобода вероисповедания.

8. Маронитам Ливана, в случае их желания, будет предоставлен под контролем Сирийского государства статут, подобный статуту евреев Палестины[250].

За иракско-трансиорданскими планами стоял британский империализм, целью которого было создание нового государственного объединения с помощью их верных сателлитов—Ирака и Трансиордании. В случае осуществления этих планов Англии удалось бы сохранить свой контроль не только над Ираком, Трансиорданией и Палестиной, но и распространить его на Сирию и Ливан.

В свете вышеназванных планов проясняется настоящий смысл политики Англии в вопросе ликвидации французского мандата и предоставления независимости Сирии и Ливану. Понятно, что пока существовал французский мандат на Сирию и Ливан, эти страны нельзя было включить в состав «Великой Сирии». Следовательно, выступление Англии в «защиту» независимости Сирии и Ливана было не бескорыстным, как пытались представить государственные руководители Англии, это был лишь тактический ход, с помощью которого англичане пытались оторвать страны Леванта от Франции, а затем объединить их в составе «Великой Сирии». В этом смысле весьма интересно заявление премьер-министра Ирака Нури Саида корреспонденту английской газеты «Ньюс

---

[249] В литературе иногда употребляется также название «Арабская лига».

[250] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1374, л. 200—201.

кроникл» в августе 1943 г. Нури Саид указал, что на пути создания «Великой Сирии» стоят два препятствия: французский мандат на Сирию и Ливан и еврейская проблема Палестины[251]. Англичане говорили устами своего верного слуги—иракского премьер-министра Нури Саида то, что сами не могли говорить открыто.

План «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца» (т. е. объединение «Великой Сирии» и Ирака) были направлены против французских интересов. Это отлично видели де Голль и другие руководители Франции. Отсюда понятно их отрицательное отношение к этим планам и многократные заявления о том, что Англия хочет занять место Франции в Сирии и Ливане.

План создания «Арабской федерации» был направлен также против США. Путем объединения арабских стран Англия хотели создать твердый заслон перед американским проникновением на Арабский Восток. Поэтому США также заняли недоброжелательную позицию в отношении англо-иракско-трансиорданских планов.

Планы «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца» не одобрили также Саудовская Аравия и Египет. Усиление позиций Хашимитов, с которыми они недавно враждовали, не отвечало интересам Саудовский Аравии. А что касается Египта, то он сам стремился играть руководящую роль в арабском мире. При осуществлении замыслов Ирака и Трансиордании главенствующая роль перешла бы к Хашимитам, что, естественно, не отвечало интересам Египта.

Против планов «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца» выступили патриотические силы Сирии и Ливана, народные массы и их марксистско-ленинский авангард—коммунисты. Они справедливо рассмотрели в этих планах попытку усилить, с одной стороны, позиции британского империализма, а с другой, установить реакционный режим на Арабском Востоке.

Планы «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца» провалились.

* * *

«Сражающаяся Франция», согласившись провести в течение 1943 г. парламентские выборы в Сирии и Ливане, выступила за заключение особых договоров с Сирией и Ливаном, которые обеспечили бы ей военно-политические, экономиче-

---

[251] „News Chronicle", London, 2. 8. 1943.

ские и культурные позиции в странах Леванта. На этом требовании настаивали де Голль и другие руководители «Сражающейся Франции» как до, так и в ходе и после выборов.

Они предлагали сперва ратифицировать договор 1936 г., который в свое время, в 1939 г., был отклонен французским парламентом, а потом отказаться от мандата и признать «полную» независимость и суверенитет Сирии и Ливана.

Возврат к договору 1936 г. не был случайным. Как отмечалось, он, хотя и отменял мандат и признавал независимость Сирии и Ливана, однако обеспечивал Франции господствующие военно-политические и экономические позиции в этих странах.

Однако вернуться к договору 1936 г. теперь означало бы идти на попятную, Франция потеряла былую мощь, международная обстановка была иная. Кроме того, «Свободная Франция» 8 июня, 27 сентября и 26 ноября 1941 г. неоднократно заявляла, что она положит конец мандату и провозгласила независимость Сирии и Ливана.

Учитывая эти обстоятельства, руководители Сирии и Ливана отклонили французское предложение о возврате к договору 1936 г. Один из видных политических деятелей Ливана Риад Сольх, впоследствии не раз занимавший пост премьер-министра, выступая против заключения договора с Францией, отметил, что французские предложения противоречат их официальным заявлениям о предоставлении независимости Сирии и Ливану[252].

Желая оказать нажим на правительства Сирии и Ливана, генеральный делегат Катру в феврале 1943 г. направил президенту Ливана Альфреду Наккашу письмо следующего содержания: «Я считаю нужным сообщить вам, что несмотря на провозглашение независимости Ливана 26 ноября 1941 г. Франция де-юре сохраняет мандат на Ливан до тех пор, пока Лига Наций не освободит ее от ответственности»[253]. Сказанное относится, конечно, и к Сирии.

Послание Катру фактически являлось изложением идей де Голля, который в одной из своих инструкций Катру отмечал, что «мандат, который доверен Франции Лигой Наций, может быть сдан ею только будущим международным инстанциям, и сделать это может только такое французское правительство, которое уже не будет временной властью»[254].

Отклонив предложение де Голля о заключении договора,

---

[252] N. Ziadeh, Syria and Lebanon, p. 69.

[253] Там же, стр. 70.

[254] *Ш. де Голль,* Военные мемуары, т. 2, стр. 230.

Сирия и Ливан настаивали на проведении парламентских выборов.

На этом настаивали, как уже отмечалось, также Англия и США. Франция была вынуждена уступить и объявить парламентские выборы в июле 1943 г. в Сирии, в августе—в Ливане.

17 августа 1943 г. сирийский парламент избрал Шукри Куатли президентом Сирийской Республики.

21 сентября 1943 г. избрал Бишара ал-Хури ливанский парламент президентом Ливанской Республики. В обеих республиках были сформированы национальные правительства.

Правительство Ливана внесло на рассмотрение ливанского парламента вопрос об отмене всех статей конституции, касающихся мандата и прав Франции как державы-мандатария. 8 ноября ливанский парламент на своем историческом заседании принял решение отменить все статьи конституции, относившиеся к мандатной системе[255].

Решение ливанского парламента означало, что французский мандат отменен и между Ливаном и Францией отныне должны установиться отношения как между двумя суверенными государствами.

Однако дальнейшее развитие событий в Ливане приняло драматический характер. Французский национальный комитет освобождения не признал происходившие изменения и с его согласия французский новый генеральный делегат Жан Элло, заменивший Жана Катру, 11 ноября 1943 г. издал приказ об аресте президента Ливана Бишара ал-Хури, премьер-министра Риад Сольха и некоторых министров правительства. Арестованные были направлены в крепость Рашайя.

Этот грубый произвол французских властей, совершенный в духе и стиле классического колониализма, вызвал глубокое возмущение ливанского народа, переросшее в вооруженное восстание[256].

Демократические и патриотические силы Ливана в течение десяти дней оказывали героическое сопротивление французским колонизаторам и в конце концов заставили их признать решения ливанского парламента. Действия французских

---

[255] منير تقى الدين ولادة الاستقلال بيروت ١٩٥٣ ص ٥٣

[256] О ходе восстания, борьбе ливанских демократических сил за независимость Ливана в ноябре 1943 г. и позиции различных классов в этой борьбе см. нашу работу: *Н. Оганесян,* Ан-нидал ат-тахарури ал-ватани фи-лубнан (1939—1958), Бейрут, 1974.

властей вызвали новое напряжение в отношениях Франции, Англии и США.

С первых же дней ноябрьских событий в Ливане Англия активно вмешивалась в конфликт, настаивая на прекращении военных действий и восстановлении положения, существовавшего до 11 ноября. Свое содействие она объясняла тем, что была гарантом независимости Сирии и Ливана по декларации английского правительства от 8 июня 1941 г. и что беспорядки в Ливане могли отрицательно повлиять на усилия союзников в еще незаконченной войне. На самом деле Англия умело пользовалась тяжелым положением Франции, чтобы усилить свое влияние в странах Леванта, что неоднократно отмечалось выше.

11 ноября 1943 г. английский посланник в Сирии и Ливане Спирс сообщил британскому государственному министру на Ближнем Востоке лорду Кейзи[257], что в Ливане возник кризис—президент и ряд министров арестованы, парламент разогнан и ведение государственных дел поручено Эдде. Осуждая создавшееся положение, Кейзи рекомендовал Спирсу выразить протест Элло и потребовать освобождения арестованных лиц[258]. Спирс, по распоряжению Кейзи, лично вручил ноту протеста французскому генеральному делегату Элло. Англия была полна решимости не признавать происходившие изменения и заставить Францию отступить. В этой связи представляет большой интерес следующее высказывание британского государственного министра на Ближнем Востоке. «Моя позиция в общем заключалась в том,—пишет он в своих мемуарах,—чтобы настаивать на освобождении ливанских министров и восстановлении их на своих постах, иначе британское влияние на Ближнем Востоке исчезло бы и война стала бы неизбежной»[259]. Эта мысль Кейзи дает ключ к пониманию всей политики Англии не только во время ноябрьского кризиса 1943 г., но и вообще в период второй мировой войны.

Для выяснения создавшейся в Ливане ситуации французский национальный комитет освобождения направил из Алжира в Ливан генерала Катру. По дороге в Бейрут он остановился в Каире и 15 ноября встретился с Кейзи. Английский министр заявил ему, что ничего не может оправдать арест

---

[257] Он находился на этом посту с мая 1942 г. по январь 1944 гг.

[258] *Lord Casey,* Personal Experience, 1939—1946, p. 144.

[259] Там же, стр. 145.

руководителей Ливана, и настаивал на их немедленном освобождении [260].

Англия в это время уже серьезно намеревалась объявить Ливан на военном положении, после чего все гражданские и военные органы в Ливане, в том числе и французские, перешли бы в подчинение британских военных властей. Кейзи, обсудив этот вопрос с британским правительством, решил ввести военное положение в Ливане, если Франция не согласится с английскими требованиями и тем самым принудит их, т. е. англичан, прибегнуть к такому шагу[261].

Вместе с тем Англия старалась использовать также влияние США для оказания нажима на Францию. 11 ноября 1943 г. британский посланник в Сирии и Ливане Спирс встретился с американским дипломатическим агентом и генеральным консулом в Бейруте Уэдсуортом и поверенным в делах Ирака в Ливане Тахсин Кадри. Сообщив им, что он от имени английского правительства представил Элло резкий протест в связи с действиями французских властей, спросил их, не хотят ли они присоединиться к этому протесту[262]. Отмечая, что Англия несет главную ответственность, являясь гарантом независимости Ливана, он добавляет: «Но мы все находимся в одной лодке»[263].

Англия стремилась с помощью США и некоторых арабских стран, главным образом Ирака и Египта, создать единый фронт против Франции.

Кадри отмечал, что действия Франции «направлены против союзников и нас (арабов.—*Н. О.*)». Называя французов «сумасшедшими», представитель Ирака подчеркивал, что если британские войска не вмешаются, будет кровопролитие[264].

Уэдсуорт также осудил политику Франции, отметив, что она применяет тактику coup d'etat. Заверяя английского посланника в том, что его правительство не признает режим Эдде, Уэдсуорт добавляет, что так как Великобритания по утверждению самого Спирса имеет в Ливане особые позиции, то он считает неуместным прямо связывать себя с его протестом[265].

---

[260] Там же, стр. 144.

[261] Там же.

[262] The Diplomatic Agent and Consul General at Beirut (Wadsworth) to the Secretary of State, FRUS DP, 1943, vol. IV, p. 1016.

[263] Там же.

[264] Там же.

[265] Там же.

Отказ США объясняется той особой позицией, которую они заняли в вопросе Сирии и Ливана еще в 1941 г.

Они были против сохранения господствующего положения какой-либо страны в Сирии и Ливане. Сохранение позиции Франции или укрепление позиции Великобритании в Леванте противоречило интересам американского империализма. Отсюда расхождение не только между США и Францией, но и между США и Англией. Но, конечно, главное расхождение было между США и Францией. И США пытаются убедить Францию отказаться от своих намерений в отношении Сирии и Ливана.

11 ноября 1943 г. состоялась встреча Уэдсуорта с французским генеральным делегатом Элло. Уэдсуорт заявил, что «его беспокоит не только ситуация в стране (Ливане.—*Н. О.*), но и возможная реакция в соседних арабских странах»[266]. В возникновении кризиса в Ливане Элло обвинял Англию, которая ловила рыбу в мутной воде и стремилась окончательно вытеснить Францию из Леванта[267].

Поскольку Франция упорствовала и стремилась любой ценой сохранить свои права в Ливане, выражением чего и явилось создание французами «правительства» Эдде, Соединенные Штаты должны были определить свою позицию в отношении к этому правительству. 12 ноября 1943 г. государственный секретарь США Кордел Хэлл дал указание Уэдсуорту о том, что он «не должен иметь никаких официальных отношений с режимом Эдде»[268]. США, будучи принципиально против привилегированного положения Франции в Ливане, не могли признать марионеточный режим Эдде, который, будучи ставленником Элло, еще больше способствовал усилению зависимости Ливана от Франции.

С осуждением политики Франции в Ливане выступили также правительства Ирака и Египта.

Таким образом, Франция оказалась в полной изоляции. В международном плане ей не на кого было опереться. Ее главные союзники—Англия и США оказывали на нее сильное давление.

Для рассмотрения создавшейся ситуации французский комитет национального освобождения созвал в Алжире 17

---

[266] The Diplomatic Agent and Consul General at Beirut (Wadsworth) to the Secretary of State-FRUS DP, 1943, vol. IV, p, 1018.

[267] Там же, стр. 1019.

[268] The Secretary of State to the Diplomatic Agent...-FRUS, DP, 1943, vol. IV, p. 1022.

ноября 1943 г. заседание Консультативной Ассамблеи, на котором с пространной речью выступил генерал де Голль. Он старался свалить всю вину на правительство Ливана и его премьера Риад Сольха и оправдать политику Франции. После решения ливанского парламента об изменении конституции вмешательство Франции де Голль считал законным и оправданным. «Такие изменения,—заявил де Голль,—которые затрагивают международный статут, установленный Лигой Наций, не могли пройти без вмешательства Франции»[269]. Де Голль признал, что генеральный полномочный делегат Франции в Ливане и Сирии получил соответствующие инструкции от французского комитета национального освобождения и действовал в строгом соответствии с этими инструкциями. Он еще раз подчеркнул, что «международный статут, установленный Лигой Наций, не давал права ливанскому правительству проводить такие глубокие конституционные изменения без согласования с Францией»[270]. Он зашел так далеко, что назвал решения ливанского правительства и парламента провокационными.

Далее де Голль заявил, что инцидент в Ливане находится в стадии решения и для урегулирования вопроса французский комитет национального освобождения отправил в Бейрут генерала Катру[271].

Но, вместе с тем, он не забывает напомнить о правах Франции, данных ей Лигой Наций. «Главные элементы нашей позиции в Ливане вытекают из мандата, который дан Франции Лигой Наций и от которых Франция не может отказаться без изменения этого статута подобным же образом в международном масштабе»[272].

Но Франция, даже после приезда генерала Катру в Бейрут, медлила и не хотела отступать, более того, она начала маневрировать. Согласившись освободить арестованных, она не желала восстанавливать их на своих должностях, за исключением президента Бишара ал-Хури.

Тогда Кейзи, с санкции английского правительства, 19 ноября 1943 г. вручил генералу Катру ноту, которая в ультимативной форме требовала освобождения арестованных государственных руководителей Ливана и восстановления их на

---

[269] «Заявление генерала де Голля на собрании Консультативной Ассамблеи в Алжире» — ЦГАОР СССР, ф. 4459, ед. хр. 1363, л. 70.

[270] Там же.

[271] Там же, л. 68.

[272] Там же, л. 69.

своих должностях. Как последний срок выполнения этого требования указывалось 10 ч. утра 22 ноября 1943 г. Если к этому моменту президент, премьер-министр и другие министры не будут освобождены, Англия объявит Ливан на военном положении, после чего арестованные руководители Ливана будут освобождены британскими войсками[273].

Англия действительно была готова к решительным действиям. По свидетельству Уэдсуорта, Кейзи ему говорил, что если французы будут продолжать упорствовать, тогда английские войска, возможно, оккупируют главные города Ливана—Бейрут, Триполи и Сидон (Сайда)[274].

Положение Франции было исключительно тяжелым. Ей не удалось подавить восстание в Ливане, главные союзницы были против нее, а весь арабский мир своими многочисленными протестами открыто продемонстрировал свое враждебное отношение к действиям французских империалистов.

В такой ситуации де Голлю ничего не оставалось, как отступить и примириться с создавшимся в Ливане положением. 21 ноября 1943 г. в 10 ч. утра, т. е. ровно за день до истечения срока английского ультиматума, под председательством генерала де Голля в Алжире состоялось экстренное заседание французского комитета национального освобождения. В тот же день было опубликовано коммюнике, где говорилось: «Решено принять предложение генерала Катру о восстановлении на посту президента Ливанской республики Бишара ал-Хури. Генералу Катру предоставлены полномочия вести с ним переговоры о мерах, необходимых для восстановления конституционной жизни Ливана. Французскому генеральному и полномочному делегату Элло предложено вернуться в Алжир. Комитет решил также освободить из тюрьмы всех ливанских министров, арестованных 8 ноября»[275].

Таким образом, французский комитет фактически удовлетворил все основные требования ливанских повстанцев. Это было большой победой всех антиимпериалистических сил Ливана.

Новый французский генеральный и полномочный делегат в Сирии и Ливане Ив Шатиньон специальным указом

---

[273] *Casey*, Personal Experience, p. 145—146.

[274] The Diplomatic Agent and Consul General at Beirut (Wadsworth) to the Secretary of State-FRUS DP, 1943, vol. IV, p. 1031.

[275] «Заявление французского комитета национального освобождения» — ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1824, л. 215.

аннулировал все декреты Жана Элло от 11 ноября 1943 г. В Ливане восстановилась парламентская жизнь.

Франция, согласившись на отмену статей конституции Ливана относительно мандата, не могла не поступить так же в отношении Сирии. Еще в решении французского комитета национального освобождения от 21 ноября 1943 г. отмечалось, что «комитет заявляет о своем намерении вступить с правительством Сирийской Республики в переговоры, необходимые для согласования позиции Франции как державы-держательницы мандата с обещанием независимого режима, которое она дала мандатным территориям Ближнего Востока в декларации 1941 г.»[276].

После ливанских событий «Сражающаяся Франция» уже не могла прибегнуть к таким же насильственным действиям в отношении Сирии. Ликвидация статьи относительно мандата из сирийской конституции прошла сравнительно гладко, без кровопролития.

Таким образом, противоречия, существовавшие между империалистическими державами,—между Францией, Англией и США, в значительной мере облегчили борьбу национально-освободительных сил Сирии и Ливана за независимость и суверенитет своих стран. Эти противоречия не позволили Франции, Англии и США выступить единым фронтом против национально-патриотических сил стран Леванта и дали им возможность противостоять давлению Франции и проявить твердость в вопросе отмены французского мандата, имеющей жизненно важное значение для этих стран.

* * *

Первоочередной задачей национальных правительств Сирии и Ливана было сосредоточение в своих руках всей полноты власти. 19 декабря 1944 г. состоялась встреча представителей правительств Сирии и Ливана, на которой было решено потребовать от Франции передачи Сирии и Ливану всех функций управления, осуществляемых Францией как мандатной страной. В решении отмечалось, что Франция не должна требовать никаких компенсаций. Дело в том, что она все еще настаивала на заключении специального договора,

---

[276] Там же.

связывая с этим вопрос передачи власти правительствам Сирии и Ливана[277].

Однако правительства Сирии и Ливана отклонили претензии Франции и последовательно добивались осуществления своих требований.

21 декабря 1943 г. в Дамаске начались переговоры между Францией, Сирией и Ливаном о передаче власти. Они завершились 22 декабря. В этот день, поздно вечером, было опубликовано совместное заявление, в котором говорилось, что Франция согласилась с 1 января 1944 г. передать правительствам Сирии и Ливана все полномочия, которые она осуществляла до этого[278].

Стороны заявили, что данное соглашение заключено без каких-либо условий[279].

Передача власти осуществлялась в течение первой половины 1944 г. 5 июня 1944 г. в Дамаске было опубликовано сирийско-ливанское коммюнике о том, что передача функций управления следует считать завершенной[280].

Мероприятия, осуществленные в 1943—1944 гг., укрепили национальную независимость и суверенитет Сирии и Ливана, что нашло свое выражение в международном признании их статуса.

21 июля 1944 г. министр иностранных дел Сирии обратился к Народному комиссару иностранных дел СССР с просьбой установить с «Союзом Советских Социалистических Республик дружественные дипломатические отношения»[281]. Сирийский министр иностранных дел высоко оценил внешнюю политику СССР, «который с начала своего существования провозгласил упразднение всех привилегий, капитуляций и других преимуществ, которыми пользовалась царская Россия»[282].

Сирийское правительство предложило обменяться дипломатическими миссиями.

22 июля 1944 г. советское правительство дало согласие

---

277 منير تقي‌الدين الجلاء بيروت ١٩٥٦ ص ٢٧، ٣٣ (Далее, Мунир Так эд-Дин, ал-Джала'а).

278 اربع سنوات من العهد الوطني. دمشق ١٩٤٧ ص ٣٨ ١٧ اب ١٩٤٣—١٩٤٧ (Далее «Арбаа санават мин ал-ахди ал-ватани»).

279 Мунир Так эд-Дин, ал-Джала'а, стр. 35.

280 «Арбаа санават мин ал-ахди ал-ватани», стр. 39—40.

281 «МИД СССР. СССР и Арабские страны. 1917—1960. Документы и материалы», стр. 83.

282 Там же.

на «предложение сирийского правительства об установлении дружественных отношений между СССР и Сирией»[283].

В июле-августе 1944 г. были установлены дипломатические отношения также между СССР и Ливаном[284].

Признание Советским Союзом независимости и государственной самостоятельности Сирии и Ливана укрепило международные позиции молодых арабских государств и послужило интересам сохранения их самостоятельности. Общественность Сирии и Ливана именно так и восприняла значение факта установления дипломатических отношений между СССР и их странами. «Признание нашей независимости со стороны такого мощного государства, как Россия,—писала сирийская газета «ан-Наср» — выражая мнение прогрессивной общественности Сирии, — является актом, который вселяет в сирийцев уверенность относительно их свободы, обещая им блестящее будущее и подготавливая для них место среди независимых и суверенных государств»[285]. В таком духе высказывались и другие патриотические органы сирийской, а также ливанской прессы.

Признание Советским Союзом независимости Сирии и Ливана произошло без каких-либо политических или иных условий, дающих Советскому Союзу какие-то привилегии в этих странах. Дипломатические отношения между ними установились на базе полного равноправия.

Иначе подходили к этому вопросу Соединенные Штаты. После ликвидации статей о французском мандате и передачи Францией функций правления Сирии и Ливану правительства этих стран стали, по утверждению США, представительными и способными в удовлетворительной форме выполнять свои международные обязательства[286].

По поручению Кордела Хэлла Уэдсворт довел до сведения правительств Сирии и Ливана, что правительство США готово признать полную независимоть Ливана и Сирии, если правительства этих стран в письменной форме дадут гарантии, что полностью признают и защитят существующие

---

[283] Там же.

[284] Там же, стр. 84—85.

[285] «النصر» («ан-Наср»), Дамаск, 26. VII. 1944.

[286] The American Diplomatic Agent (Wadsworth) to the Lebanese Minister for Foreign Affairs (Takla), 7. IX. 1944—DAFR, vol. VII, July 1944—June 1945, p. 926.

права США и их граждан, зафиксированные в франко-американском договоре 1924 г.[287].

Правительство США отмечало, что соглашение 1924 г. должно остаться в силе до тех пор, пока не будут заключены новые соглашения между США и Ливаном, между США и Сирией. Если правительства Сирии и Ливана примут условия США, то американское правительство готово признать полную независимость Сирии и Ливана и дипломатический агент, которого обычно США аккредитовали в страны, имеющие статус полунезависимого государства, будет заменен чрезвычайным и полномочным министром[288].

7 сентября 1944 г. Уэдсворт вручил вышеуказанное предложение правительствам Сирии и Ливана.

На следующий день Уэдстворт получил ответы правительств Сирии и Ливана за подписью министра иностранных дел Ливана Такла и министра иностранных дел Сирии Джамиля Мардама. Правительства Сирии и Ливана удовлетворили требования США и заверили, что признают все права США; данные франко-американским соглашением 1924 г., и также выразили готовность обменяться чрезвычайными и полномочными министрами[289].

Указом президента США Франклина Рузвельта 20 сентября 1944 г. Джордж Уэдсворт был назначен первым полномочным и чрезвычайным министром США в Сирии и Ливане[290].

19 марта 1945 г. Ф. Рузвельту вручил свои верительные грамоты посол Сирии в США Назым ал-Кудси, а 19 апреля 1945 г.—посол Ливана Шарль Малик[291].

Таким образом, правительство США, которое всячески пыталось представить свою политику как антиколониальную, критиковало деятельность Черчилля, направленную на сохранение британской колониальной империи, и политику признания «особых и привилегированных» прав Франции в странах Леванта, не признало независимость Сирии и Ливана, пока не получило в письменной форме гарантий сохранения своих прав в названных странах.

---

[287] Там же, стр. 926—927.

[288] Там же.

[289] Там же, стр. 927—929.

[290] Statement of the President (Roosevelt), 20. IX. 1944—DAFR, vol. VII, July 1944—June 1945, p. 929.

[291] Там же, стр. 930.

Как бы в ответ на согласие Сирии и Ливана признать права США и их граждан по конвенции 1924 г., правительство США предложило кредит на сумму в 5 млн. долларов для импорта товаров из США. Это был первый кредит такого рода, который США предоставляли одной из стран Ближнего Востока[292].

В 1944 г. Франция вновь усилила нажим на Сирию и Ливан, требуя заключения особых соглашений, прежде чем покончить с последними формальностями, связанными с отказом от мандата.

Англия, которая совсем недавно не одобряла стремления Франции заключить особые договоры с Сирией и Ливаном и фактически препятствовала осуществлению ее планов, теперь поддержала французские требования.

Еще в начале марта 1944 г., выступая в палате общин, премьер-министр Англии У. Черчилль заявил о необходимости установления Сирией и Ливаном дружественных отношений с Францией[293].

Комментируя выступление Черчилля, ливанская газета «Жур» уже тогда обнаружила тенденции сближения между Англией и Францией. «Франция и Англия,—писала газета,—навсегда связаны общими интересами. Эти две великие державы отныне неразделыны. Их сила заключается в этом союзе и на европейском континенте их связи имеют наиболее жизненное значение»[294].

Вопрос англо-французского сближения обсуждался также на страницах английской печати. Журнал «Экономист» в февральском номере 1944 г., указывая на наличие англо-французских разногласий, отмечал, что «английские интересы требуют, чтобы эти разногласия были разрешены. Единственное разрешение может быть осуществлено путем более широкого подхода к проблемам Востока».[295] По мнению английского журнала, как Англия, так и Франция должны отказаться от позиций господства. «Они могут и должны поощрять арабский союз и установить договорные отношения со всеми арабскими государствами»[296]. Если осуществить это, тогда станет возможным создать совместные англо-франко-

---

[292] «Предоставление кредита Сирии и Ливану Соединенными Штатами Америки», ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп 1, ед. хр. 3108, л. 116.

[293] ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 3998, л. 88.

[294] Там же.

[295] Там же, стр. 31.

[296] Там же.

арабские военные и морские базы, «а для французов—работать наряду с англичанами на основе новой расширенной экономической и финансовой системы»[297].

Влиятельный английский журнал фактически призывал Англию и Францию отказаться от политики конфронтации на Арабском Востоке, которая наносила вред в равной степени обеим странам, и перейти к политике сотрудничества и совместных действий, как в области военной, так и финансовой и экономической.

В конце концов англо-французское сближение состоялось. В сентябре 1944 г. в Лондоне происходили англо-французские переговоры, во время которых правительство Англии согласилось поддержать французские предложения о заключении договоров с Сирией и Ливаном[298]. Министр иностранных дел Антони Иден в палате общин заявил: «Мы выступаем в пользу договора (т. е. договора между Францией, с одной стороны, и Ливаном и Сирией, с другой.—*Н. О.*)»[299]. Посланник Англии в Сирии и Ливане Спирс получил указание от Форин Офис сообщить правительствам Сирии и Ливана, «что британское правительство будет приветствовать заключение договоров между ними и Францией»[300].

По мнению английского правительства, самым приемлемым шагом, с помощью которого можно положить конец мандату, является заключение договора.

Таким образом, Англия и Франция, вопреки своим неоднократным заявлениям об отмене французского мандата, и несмотря на то, что из конституций Сирии и Ливана были вычеркнуты все статьи относительно французского мандата и функции правления были переданы правительствам этих стран, вновь вытащили на свет проблему мандата, добиваясь заключения специального договора, хотя независимость Сирии и Ливана уже получила международное признание.

Естественно, возникает вопрос, чем был вызван столь крутой поворот в политике Англии? Почему сейчас, на данном этапе, правительство Великобритании сочло возможным и необходимым выступить в поддержку французских требований?

К сожалению, мы не располагаем необходимым материалом, который позволил бы сделать окончательные выводы.

---

[297] Там же.

[298] FRUS DP, 1944, vol. V, Washington, 1965, p. 777.

[299] Там же.

[300] Там же.

Но на основе ряда документов, выступлений государственных деятелей и высказываний на страницах прессы можно сделать предварительные выводы. Сопоставление и внимательное изучение имеющегося материала позволяет заключить, что в повороте политики Англии решающую роль сыграли несколько факторов и в поисках ответа на этот вопрос не надо исходить только из английских интересов на Ближнем Востоке. Надо учитывать весь сложный комплекс международных отношений, сложившийся к моменту рассматриваемого периода. Более конкретно, надо учитывать европейские вопросы, которые предстояло еще разрешить, англо-американское соперничество и т. д. Исходя из этого, причины, побудившие Англию изменить свою политику, заключались в следующем.

1. Франция была ослаблена и потеряла свой престиж в глазах общественности Сирии и Ливана. Дискредитированная Франция больше не представляла опасности для Англии. Во многих аспектах—военно-политическом и экономическом, Франция зависела от Англии. При такой ситуации Англия считала, что заключение договора между Францией и Сирией и Ливаном уже не будет препятствием на пути ее общей арабской политики. Конечно, это была уступка со стороны Англии, необходимая для совместной англо-французской политики в других вопросах и в других частях света.

2. Англии и Франции предстояло решить трудные вопросы в Европе, которые имели для них первостепенное значение. Это вопросы как окончательной ликвидации гитлеровского господства, так и послевоенного устройства, которые в одинаковой степени затрагивали интересы и Англии, и Франции. Недаром газета «Жур» отмечала, что на европейском континенте связи Англии и Франции имеют наиболее жизненное значение.

Решение европейских проблем требовало объединения усилий Англии и Франции. Но для этого необходимо было ликвидировать или хотя бы свести к минимуму конфликты и разногласия, существовавшие между Англией и Францией в разных частях света. Самым серьезным очагом, разъединившим Англию и Францию, был Ближний Восток. И вот, как нам кажется, для успешного решения европейских дел, объединения усилий Англия пошла на определенные уступки Франции в Леванте в вопросах заключения договора. Мы уже выше отметили, что английский журнал «Экономист» в 1944 г. призывал проявить более широкий подход к проблемам Востока. Смысл такого призыва заключался в том, чтобы не

оторвать Восток от общих мировых событий и не рассматривать его как нечто самодовлеющее.

3. На политику Англии, как нам кажется, определенное влияние оказал факт усиления англо-американского соперничества. В годы войны резко усилилось влияние США на Арабском Востоке. Это всегда беспокоило Англию. Но если в начале войны, примерно до 1943 г., когда все еще сильна была германо-итальянская угроза арабским странам, Англия вынуждена была не предпринимать широких действий против усиления американского влияния, то с середины 1943 г. и, в частности, в 1944 г., положение изменилось. После ликвидации фашистской опасности для арабских стран Англия начала более осторожно подходить к усилению позиций США на Арабском Востоке. Она предприняла ряд мер, в частности пошла на сближение с Францией, чтобы выступить единым фронтом против американских попыток утвердиться на Арабском Востоке. Согласие Англии на заключение договора между Францией и странами Леванта должно было, по идее английских правящих кругов, создать благоприятную почву для объединения усилий двух старейших колониальных держав ради защиты их позиций против нового и сильного соперника—американского империализма.

Президент США Франклин Рузвельт прекрасно понимал это. В беседе со своим сыном Эллиотом Рузвельт заметил однажды, что интересы Англии и Франции, как колониальных держав, совпадают. «Англичане,—продолжал свои рассуждения президент,—не намерены выпускать свои колонии из рук и хотят помочь французам удержать их колонии. Уинни (Черчилль—*Н. О.*)—великий поборник «статус-кво»[301]. Далее Рузвельт добавляет: «Де Голль не менее Черчилля заинтересован в сохранении колониальных империй»[302].

Эти соображения в конце концов привели к изменению политики Англии и англо-французскому сближению.

4. В деле смягчения англо-французского соперничества свою роль сыграло также усиление национально-освободительного движения в арабских странах. Оно получило широкий размах и было направлено против колониального господства как Франции, так и Англии. Антиимпериалистическая борьба народов арабских стран грозила господству колониальных держав. Это обстоятельство заставило Англию и

---

[301] *Эллиот Рузвельт.* Его глазами, стр. 84.

[302] Там же, стр. 85.

Францию сблизиться и выступать единым фронтом против освободительного движения на Арабском Востоке.

Вот эти факторы и привели, как нам кажется, к тому, что Англия из противника превратилась в сторонника французских предложений в вопросе заключения договоров с Сирией и Ливаном.

Английский посланник в Сирии и Ливане Спирс встретился с руководителями Сирии и Ливана и рекомендовал им заключить договоры с Францией. Реакция руководителей обоих государств была резко отрицательной. В ответ на требование Спирса министр иностранных дел Ливана воскликнул: «Вы требуете от нас совершить самоубийство»[303]. А министр иностранных дел Сирии заявил, что Сирия «будет стучаться во все двери за помощью, пошлет телеграммы королю Георгу, президенту Рузвельту, маршалу Сталину и особо обратится к своим арабским соседям»[304].

Против новых французских предложений и английской политики поддержки этих предложений выступили Соединенные Штаты Америки. 22 сентября 1944 г. начальник отдела ближневосточных и африканских дел государственного департамента США Мэррей пригласил советника британского посольства в Вашингтоне Майкла Райта и заявил ему, что генерал Спирс оказывает нажим на правительства Сирии и Ливана «начать переговоры с французскими властями для заключения договора о союзах, устанавливающего специальную и привилегированную позицию для Франции в этих странах»[305].

Мэррей отметил, что американцы не знают точно, на каком основании Франция выдвигает такое требование. «Неизвестно, — продолжает Меррей, — чтобы французский мандат на Сирию и Ливан давал какое-либо законное право Франции навязать двум государствам, о которых идет речь, договора такого рода, вместо того чтобы положить там конец мандатным позициям Франции»[306].

Конечно, Мэррей был прекрасно осведомлен, что не существует никакого международного документа, позволяющего державе-мандатарию взамен отказа от своих прав на мандат

---

[303] FRUS DP, 1944, vol. V, p. 778.

[304] Там же.

[305] Memorandum of Conversation by the Director of the Office of Near Eastern and African Affairs (Murray), 22. IX. 1944—FRUS DP, 1944, vol. V, p. 786.

[306] Там же.

требовать в качестве компенсации заключения специальных договоров. Следовательно, требования Франции были лишены всякой юридической основы.

В беседе затрагивался вопрос о гарантиях против всяких агрессий, которые якобы необходимы малым и слабым странам. Но тут Мэррей не без иронии замечает, что «Франция сама побежденная страна и едва ли в состоянии предложить какую-либо гарантию молодым государствам Сирии и Ливана»[307].

Государственный департамент США 5 октября 1944 г. направил специальный меморандум французской миссии в Вашингтоне. Напоминая, что США и его граждане имеют определенные права в Сирии и Ливане по соглашению 1924 г., государственный департамент выразил протест против стремлений Франции приобрести особые права в странах Леванта. «Соединенные Штаты,—говорилось в меморандуме,—не могут согласиться, чтобы Франция или французы могли пользоваться привилегиями в независимой Сирии и Ливане, которые (т. е. привилегии—*Н. О.*) носят дискриминационный характер»[308].

Но для составления полного представления о мотивах, побудивших США столь энергично выступить против заключения особых договоров Франции с Сирией и Ливаном, ознакомимся с записью беседы Мэррея с французским делегатом в Вашингтоне Гоппено, состоявшейся 10 октября 1944 г. в государственном департаменте США. Мэррей, снова затрагивая вопрос о заключении договора Франции с Сирией и Ливаном, отмечает, что Франция в этом вопросе должна быть тактичной, не проявлять узкого подхода к делу и не применять диктаторских методов[309]. Посему руководитель ближневосточного отдела государственного департамента призывал Францию быть осторожной и даже великодушной. Мерреи не заставляет долго ждать с ответом и обращает внимание представителя Франции Гоппено на следующее важное обстоятельство. «С признанием Россией независимости Сирии и Ливана,—отмечает Мэррей, и возрождением активного советского интереса Ближним Востоком на сцене появился новый фак-

---

[307] Там же.

[308] The Department of State to the French Delegation in Washington. Memorandum-FRUS DP, 1944, vol. V. p. 796.

[309] Memorandum of Conversation, by the Assistant Chif of the Division of Near Eastern Affairs (Kohler), 10. X. 1944—FRUS DP, 1944, vol. V, p. 799.

тор»[310]. Мэррей выражает опасение, что если Франция окажет большой нажим на страны Леванта, то они «могут обратиться к России за поддержкой»[311].

В этой связи он напоминает Гоппено, что весьма симптоматичным является тот факт, что президент Сирии выразил протест против попытки Франции заставить Сирию вести переговоры о заключении с Францией договора, дающей ей «специальные привилегии», не только Рузвельту и Черчиллю, но и Сталину[312].

Здесь США раскрыли все свои карты. Заявление Мэррея свидетельствует о наличии серьезной антисоветской линии в их общей политике, которая проявилась во всех вопросах, в том числе и в связи с проблемами Ближнего Востока.

С другой стороны, своими рассуждениями о советской «угрозе» Ближнему Востоку Мэррей хотел припугнуть Францию, оказать на нее нажим и заставить ее отказаться от идеи заключения договоров с Сирией и Ливаном, которые обеспечили бы ее господствующие позиции в странах Леванта.

Но Гоппено не поддался американскому нажиму, и американские «доводы» о советской «угрозе» не повлияли на его позицию. Он заявил Мэррею, что «заключение договоров необходимо. Франция вложила много денег в Сирии и Ливане и имеет там интересы, которые должны быть защищены»[313]. Эти переговоры с Сирией и Ливаном будут трудными, если Уэдсворт «продолжит свою антифранцузскую деятельность»[314].

Франции так и не удалось навязать Сирии и Ливану угодный ей договор. В конце концов она вынуждена была отказаться от мандата, передать правительствам Сирии и Ливана так называемые «специальные войсковые части», т. е. национальную армию, находившуюся под командованием французов, а в дальнейшем вывести свои войска с территории Сирии и Ливана без какой-либо военно-политической и экономической компенсации.

Провал французских планов объясняется не отрицательной позицией, занятой США, а стойкостью Сирии и Ливана, не поддавшихся французскому нажиму, и готовностью народов Сирии и Ливана пойти на всякие жертвы ради достижения за-

---

[310] Там же.
[311] Там же.
[312] Там же.
[313] Там же, стр. 800.
[314] Там же.

ветной мечты — завоевания национальной независимости и укрепления национального суверенитета.

Отстояв свою независимость, правительства Сирии и Ливана приняли решение об объявлении войны Германии и Японии и присоединении к декларации Объединенных Наций. 1 марта 1945 г. министр иностранных дел Сирии ал-Азм довел до сведения исполняющего обязанности государственного секретаря США Грю, что Сирия с 26 февраля считает себя в состоянии войны с гитлеровской Германией и милитаристской Японией[315]. Правительство Сирии официально уведомило, что оно с 1 марта присоединяется к декларации Объединенных Наций от 1 января 1942 г.[316].

В своем ответном письме 28 марта 1945 г. Грю сообщал правительству Сирии, что правительство США, как депозитор декларации Объединенных Наций от 1 января 1942 г., приветствует вступление Сирии в ряды Объединенных Наций[317].

Ливан объявил войну Германии и Японии 27 февраля и присоединился к декларации Объединенных Наций 1 марта 1945 г.[318].

13 апреля 1945 г. в Вашингтоне состоялось подписание декларации Объединенных Наций Сирией и Ливаном. От имени Сирии декларацию подписал Назым Кудси, посланник Сирии в США, а от имени Ливана — Шарль Малик, посланник Ливана в Вашингтоне[319].

Представитель Сирии после подписания декларации заявил: «Вдохновленные идеалами свободы и равенства, которые глубоко заложены в арабских традициях, движимые решением своего нынешнего возрождения, правительство и народ Сирии полны решимости напрячь все силы во имя торжества принципов справедливости и свободы во всем мире»[320].

Объявление войны Германии и Японии Сирией и Ливаном имело лишь символическое значение. Они практически не приняли участия в войне даже на ее последней стадии. Но этот акт дал им право участвовать на учредительной конфе-

---

[315] DAFR, vol. VII, July 1944—June 1945, p. 300.

[316] „A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941—1949", p. 3.

[317] DAFR, vol. VII, July 1944—June 1945, p. 300.

[318] Там же.

[319] «Подписание Ливаном, Сирией и Саудовской Аравией декларации Объединенных Наций», ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 1, ед. 3998, л. 146.

[320] Там же.

ренции Объединенных Наций, открывшейся 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско.

Как мы видим, период второй мировой войны занимает исключительно важное место в истории Сирии и Ливана. Народы и патриотические силы Леванта смогли искусно воспользоваться межимпериалистическими противоречиями и добиться решающих побед в деле завоевания независимости своих стран. Потерпели полный крах германо-итальянские планы захвата Сирии и Ливана. Турции не удалось отторгнуть северную часть Сирии и она вынуждена была отказаться от своих территориальных претензий. Был положен конец политическому господству и влиянию Франции. В такой ситуации значительно упрочили свои позиции в Сирии и Ливане Англия и США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Арабский Восток в годы второй мировой войны представлял важную арену политики империалистических держав. В этом районе развернулась активная дипломатическая борьба, которая порою принимала ожесточенный характер и оказывала влияние на весь комплекс международных отношений того периода.

Политико-дипломатическая борьба за Арабский Восток в годы второй мировой войны отчетливо делится на два этапа.

На первом этапе, который охватывает 1939—1942 гг., основная борьба шла, с одной стороны, между Англией, Францией (с 1940 г. «Свободной Францией») и США, а с другой стороны— Германией и Италией. Борьба между двумя империалистическими группировками дошла до своего апогея в конце 1941 г.—середине 1942 г. и завершилась военно-политическим поражением стран оси.

Второй этап охватывает 1943—1945 гг. В этот период на первый план выдвигаются противоречия между союзниками—США, Англией и Францией.

Как на первом, так и на втором этапе каждая империалистическая держава преследовала свои собственные политические цели. Резюмируя, можно констатировать, что Германия и Италия стремились ликвидировать английское и французское колониальное господство на Арабском Востоке и установить свой контроль над этим важным районом.

Цели Англии и Франции отчасти совпадали. Они обе стремились не допустить захвата своих колониальных владений государствами оси и сохранить свои позиции на Арабском Востоке.

Но вместе с этим Великобритания стремилась как на первом этапе, так и в особенности на втором расширить свое влияние за счет ослабленной Франции.

Что же касается Соединенных Штатов Америки, то они преследовали три цели: а) не допустить захвата арабского

региона фашистскими государствами. В этом вопросе американские цели внешне совпадали с англо-французскими; б) подорвать влияние Англии и Франции в их арабских колониях и в) за счет ослабления англо-французских позиций укрепить свое военное, политическое и экономическое влияние на Арабском Востоке.

Из сказанного следует, что за годы второй мировой войны между Англией, Францией, США, Германией и Италией шла очень напряженная, сложная и опасная политическая и дипломатическая борьба, которая оставила свой глубокий отпечаток на истории арабских стран.

Политический итог сложился по-разному для каждого участника этой большой и опасной игры.

Германия и Италия, потерпев поражение, в котором решающая роль принадлежит Советскому Союзу, вынуждены были раз и навсегда попрощаться со своими планами захвата арабских стран. Они надолго вышли из игры, и долгие годы, последовавшие за второй мировой войной, не имели более или менее значительного влияния на Арабском Востоке.

Свои господствующие позиции уже к концу войны потерял другой участник большой игры — Франция. Потерпев военное поражение, Франция, в большой степени зависящая от США и Англии, под давлением национально-освободительного движения отказалась от своего мандата на Сирию и Ливан и признала их политическую независимость.

Однако Франция, в отличие от Германии и Италии, которые не имели сколько-нибудь заметных связей с арабскими странами, еще долгое время сохраняла свои традиционные связи с Сирией и Ливаном и играла значительную роль в их торгово-экономической, культурной, а также политической жизни.

Политический итог в общем благоприятно сложился для Англии. Она сумела сохранить свои колониальные владения на Арабском Востоке и ни одна территория, находившаяся под ее контролем, не перешла под господство другого государства. Более того, Англия смогла в течение длительного периода укрепить свое влияние в Сирии и Ливане за счет ослабления позиций ее союзницы Франции.

Однако, как показали послевоенные годы, прочность британских позиций на Арабском Востоке была кажущаяся. Под давлением антиимпериалистической борьбы, развернувшейся в Египте, Ираке и других арабских странах, Англия одну за другой теряет свои позиции и постепенно пальма ведущей

державы на Арабском Востоке переходит к Соединенным Штатам Америки.

США удалось осуществить свои замыслы, о которых упоминалось выше. Они прочно обосновались в странах Арабского Востока, значительно укрепляя свои политические, торгово-экономические, финансовые и военные позиции. Именно в годы второй мировой войны был заложен фундамент американского влияния на всем Арабском Востоке, и дальнейшее укрепление этого влияния в послевоенные годы прямо вытекает из успеха, достигнутого США в 1939—1945 гг.

Таким образом, в результате различных процессов, происходивших в годы второй мировой войны, коренным образом изменилась политическая карта Арабского Востока. Произошла новая расстановка сил, вследствие чего, обгоняя своих конкурентов, на первый план вышли США.

С другой стороны, благодаря изменениям, происшедшим в мире за послевоенный период, приобрели политическую независимость все арабские страны. Образование независимых арабских государств положило основу нового вида отношений на Арабском Востоке—межарабским отношениям, которые являются самостоятельной областью межгосударственных отношений.

Таковы главные итоги политических изменений на Арабском Востоке.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Глава первая. Основные цели политики Англии, Франции, США, Германии и Италии на Арабском Востоке 13

Глава вторая. Военно-политические и экономические интересы США, Англии, Германии и Италии в Египте 67

Глава третья. Ирак в политике Англии, Германии и США . 120

Глава четвертая. Сирия и Ливан в политике империалистических держав 178

Заключение 261

НИКОЛАЙ ОГАНЕСОВИЧ ОГАНЕСЯН

ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939 — 1945 гг.)

Печатается по решению
ученого совета Института востоковедения
АН Арм. ССР

Редактор издательства
Ж. В. НАЛЧАДЖЯН
Художник
Г. МНАЦАКАНЯН
Худ. редактор
Г. Н. ГОРЦАКАЛЯН
Техн. редактор
Л. К. АРУТЮНЯН
Корректор
М. Б. ГЕВОРКЯН

ИБ № 190

ВФ 03632 Изд. 5127 Заказ 541 Тираж 1000

Сдано в набор 20.07.1979 г. Подписано к печати 25.01.1980 г. Печ. 17,75 л. Усл. печ. л. 16,5. Изд. 16,0 л. Бумага. № 1. 60×84 1/16. Печать высокая. гарнитура «Литературная». Цена 2 р. 55 к.

Издательство Академии наук АрмССР 375019, Ереван, Барекамутян, 24-г,
Типография Издательства АН Армянской ССР, г. Эчмиадзин

9(M)'72
Q-36